МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БАТЧЕНКО Виктория Сергеевна

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ В 1929-1931 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Е.В. Кодин

Смоленск – 2015

Оглавление

Введение……3-21

Глава 1. Государственная антирелигиозная кампания конца 1920-х – начала 1930-х годов: официальная политика и региональная практика.……..22-121

§ 1.1. Нормативно-правовая база и партийно-идеологическое сопровождение кампании……...22-68

§ 1.2. Антирелигиозная кампания 1929-1931 годов и её воплощение в провинции…….……..…69-121

Глава 2. Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов……...….122-237

§ 2.1. Активные и пассивные формы крестьянского сопротивления антирелигиозной политике рубежа 1920-1930-х годов: историографические подходы…….122-139

§ 2.2. Активные формы крестьянского сопротивления государственной антицерковной политике: региональные особенности…….140-175

§ 2.3. Пассивное сопротивление крестьянства государственной антирелигиозной политике……..176-237

Заключение……...…238-247

Список источников и литературы……..…248-260

Введение

Актуальность выбранной темы. Преобразования, затронувшие деревню на рубеже 1920-1930-х годов, стали одним из наиболее болезненных эпизодов взаимоотношений государства и общества в постреволюционный период. Ломка экономических, культурных и бытовых традиций на данном этапе привлекает в последние десятилетия все более пристальное внимание исследователей, в том числе и к проблемам проведения антирелигиозной политики в период коллективизации и раскулачивания.

Можно по-разному относиться к оценочным суждениям, предлагаемым в публикациях и к качеству работ, но нельзя отрицать того, что «белые пятна» в истории отношений советского государства и Церкви активно заполняются. Тем не менее, судьбы верующих и тяжесть последствий антирелигиозной борьбы, обрушившейся на них, зачастую проходят в работах лишь своего рода фоном, что не способствует ясности понимания крайне болезненных и противоречивых событий прошлого.

В условиях национализации храмов и храмовых земель все хозяйственные и экономические трудности, которые клир традиционно решал самостоятельно, были перенесены на религиозные объединения, состоявшие из числа простых верующих, преимущественно крестьян, рабочих и служащих. Установки партийно-государственных верхов на активную борьбу с религией нередко побуждали местный партийный и общественный актив прибегать к радикальным мерам в закрытии молитвенных зданий. Важным взаимообусловленным действиями партийно-государственного аппарата явлением была реакция деревни на ломку привычного уклада жизни, духовных традиций.

Особенно остро актуальность темы ощущается сейчас, в условиях возрождения разрушенных святынь, восстановления духовных ценностей, появления, своего рода, моды и здоровой традиции воцерковленности. Общественное мнение единодушно в осуждении разрушающих мер и

последствий антирелигиозной политики советского государства, но расходится в оценках силы, с которой население противостояло этой политике. Назрела необходимость научного решения проблемы народного (крестьянского) сопротивления антицерковной политике в деревне, в исследовании ее в рамках отдельных регионов и всей страны.

Темы, разработанные в научных монографиях, статьях и диссертационных исследованиях, охватывают практически весь спектр государственно-конфессиональных взаимоотношений. Но рефлексии в отношении сути и форм протеста верующих в научной литературе, к сожалению, крайне мало, а существующие оценки нередко кардинально противоположны.

Объектом диссертационного исследования выступают взаимоотношения центральной, местной партийной и государственной власти, общественных организаций и верующего сельского населения.

Предмет исследования – формы крестьянского сопротивления антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов на примере отдельного региона страны – Западной области.

Цель исследования – на основе комплексного изучения архивных материалов показать масштабы и формы сопротивления верующих государственной антирелигиозной политике на рубеже 1920-1930-х годов, как феномена, одновременно обособленного и тесно взаимоувязанного с сопротивлением крестьянства практике коллективизации и раскулачивания.

В исследовании поставлены следующие **задачи**:

– выявить и охарактеризовать наиболее полную нормативно-правовую базу государственной антирелигиозной политики рубежа 1920-1930 годов (на центральном и местном уровнях);

– показать практику реализации антирелигиозной политики государства на местах, определив меры, применяемые центральной и

местной властью по ее воплощению и подавлению вероисповедной активности верующих;

– соотнести исследовательские подходы и позиции, описательные практики, трактовки характера сопротивления верующих государственной антирелигиозной политике и его формах в исторической литературе последних десятилетий;

– проанализировать активные и пассивные формы сопротивления верующих антирелигиозной кампании;

– систематизировать массовые архивные источники о некоторых видах протеста и представить их в форме интерактивной электронной базы данных.

Хронологические рамки исследования объясняются активизацией в начале 1929 года курса на усиление антирелигиозной пропаганды, подготовкой и публикацией 8 апреля 1929 года постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» и созданием Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР, а также последовавшим за этим усиленным антицерковным нажимом на деревню, вызвавшим протестные выступления крестьянства, наиболее активно проявившиеся в 1929-1931 годах. Начавшаяся в это время новая форма протеста – письменные жалобы граждан (в данной ситуации, религиозных общин) в органы советской власти – получила свое активное продолжение и в 1932-1933 годах, поэтому жалобы рассматриваются в исследовании по 1933 год включительно.

Территориальные рамки исследования охватывают бывшую Западную область, образованную в ходе административно-территориальной реформы в 1929 году из соседних Брянской, Смоленской, значительной части Калужской губерний, Ржевского и Осташковского уездов Тверской губернии и Великолукского округа Ленинградской области с административным центром в г. Смоленске, и просуществовавшей в таком виде до очередной реформы территориального деления 1937 года.

Методологическую основу составляют, как общенаучные принципы исследования: *объективность, всесторонность, историзм, научность, системность*, – так и конкретно исторические. Метод *социального детерминизма* дает возможность определить движущие силы антирелигиозной политики, *проблемно-хронологический метод* позволяет изучить антирелигиозную политику и сопротивление ей верующих в их последовательном развитии, *историко-сравнительный метод* – соотнести размах, формы и виды сопротивления верующих, *локально-исторический метод* позволил рассмотреть антирелигиозную политику на местном уровне и в восприятии её населением. Также, при разработке и анализе базы данных, фиксирующей и классифицирующей факты сопротивления верующих антирелигиозной политике в Западной области применен *количественный (математический) метод* исторического исследования.

Научная новизна. В историографии Западной области, как и в отечественной историографии периода коллективизации в СССР подобных проблемных исследований, посвященных феномену протеста верующих антирелигиозной политике в конце 1920-х – начале 1930-х годов ранее не проводилось. В исследовании впервые предпринята попытка показать крестьянское сопротивление антирелигиозной политике рубежа десятилетий как явление одновременно обособленное и тесно увязанное с крестьянской борьбой против коллективизации и раскулачивания. Созданная электронная база данных по жалобам религиозных общин может рассматриваться как новый самостоятельный исторический источник.

Источники, лежащие в основе данного диссертационного исследования, можно разделить на четыре группы: *1) нормативно-правовые акты (опубликованные и неопубликованные); 2) делопроизводственные материалы (опубликованные и неопубликованные); 3) документы личного происхождения (письма верующих); 4) периодическая печать (центральная и провинциальная).*

Неопубликованные *нормативно-правовые акты* высших органов власти и центральных ведомств в сфере реализации религиозной политики изучены ряде фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва). В фонде «Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК» (ф. 5263 ГАРФ) выявлены также протоколы заседаний комиссии с обсуждением, в числе прочего, вопросов функционирования конкретных молитвенных зданий Западной области. Пополнить информацию о нормотворческой деятельности ведомств позволило изучение «Бюллетеня НКВД РСФСР», «Бюллетеня НКФ РСФСР». В РГАСПИ немалый интерес представлял фонд «ЦК КПСС» (ф.17), а именно протоколы и политсводки о кулацких выступлениях в деревне.

Опубликованные нормативно-правовые акты представлены немногочисленными сборниками документов, посвященными законодательству о культах, анализу и презентации его правовой и социальной сущности. В советский период публикация источников по религиозной политике СССР была возможна только с ярко выраженным пропагандистским контекстом. Следует обратить внимание на две работы сугубо документального характера. В сборнике юрисконсульта Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР Н.М. Орлеанского «Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР»[1] постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года впервые характеризуется как основной закон в религиозной политике государства. Автор приводит оригинальные тексты большинства статей постановления, иллюстрируя их собственными комментариями и случаями из практики. Также, в книге приведены статьи Уголовного кодекса

[1] Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930. (Gregg international publishers limited, 1971).

в редакции 1926 года, затрагивающие деятельность религиозных общин и служителей культа, тексты важных, по мнению автора, нормативных актов ведомств по состоянию на 1930 год. При наличии комментариев, книга соответствует юридической стилистике, выполнена в доступной форме и объективна по изложению.

В «Хронологическом собрании законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР»[2], опубликованном в 1949 году, содержится полный текст постановления «О религиозных объединениях» в редакции 1932 года, изменившейся с первоначальной лишь формально, без внесения существенных поправок в содержание документа.

С 2000 года нишу публикации *делопроизводственных материалов* по истории репрессивной политики СССР, в том числе и вероисповедной, заполнили несколько серий фундаментальных сборников документов центральных архивов. Уникальные по своей научной значимости сборники «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы»[3], «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы»[4], «Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922-декабрь 1936»[5] и «“Совершенно Секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)»[6] ввели в оборот богатый массив новых, ранее не опубликованных документов, позволяющих исследователям осмыслить многообразие политических и

[2] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1928-1929 гг. М., 1949.
[3] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 (под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы). М., 2000.
[4] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.2. 1923-1929. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930-1934. Кн. 1. 1930-1931 гг. М., 2003.
[5] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922-декабрь 1936. М., 2003.
[6] «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 7: 1929 г. М, 2004; «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 8: 1930 г. Ч. 1. М., 2008; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 8: 1930. Ч. 2. М., 2008.

социально-экономических преобразований 1920-1930-х годов. В определенной степени эти документы раскрывают тонкости антирелигиозной политики государства и иллюстрируют формы ответа на нее деревни.

Основу исследования составили документы архивов Смоленской области – Государственного архива Смоленской области (ГАСО, г. Смоленск) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО, г. Смоленск), в силу того, что большая часть документов отложилась именно в этих двух архивах, так как Смоленск был административным центром Западной области. Также, в Центре новейшей истории Брянской области (ЦНИБО, г. Брянск) были изучены два фонда окружных комитетов ВКП(б), перешедших после расформирования Западной области в ведение брянских архивов – фонд 12 «Брянский окружком ВКП(б)» и фонд 13 «Клинцовский окружной комитет ВКП(б) Западной области».

В ГАНИСО были исследованы дела высших партийных органов области: фонд 3 «Смоленский губернский комитет ВКП(б)» (до лета 1929 года, т.е. времени образования Западной области) и фонд 5 «Западный областной комитет ВКП(б)», в которых отложились протоколы и стенограммы заседаний (в том числе, закрытых) Западного обкома ВКП(б), отчеты, докладные записки, секретная корреспонденция и т.д., а также окружного партийного руководства: фонд 126 «Вяземский окружной комитет ВКП(б)», фонд 144 «Смоленский и Ярцевский окружкомы ВКП(б)», фонд 174 «Рославльский окружком ВКП(б)», фонд 37 «Вяземский райком ВКП(б)». Важными для настоящего исследования в них оказались информационные сводки и докладные записки уполномоченных обкома и окружкомов ВКП(б) с донесениями о случаях активного и пассивного сопротивления закрытию храмов в районах области.

В ГАСО изучены материалы деятельности высших исполнительных органов области: фонд 13 «Смоленский губернский исполком» и фонд 2360 «Западный облисполком», где отложились протоколы и постановления

президиума Запоблисполкома и Комиссии по вопросам культов при президиуме Запоблисполкома, переписка с центральными органами, а также с райисполкомами и сельсоветами, с религиозными обществами, дела Комиссии по вопросам культов за 1929-1933 гг. (всего 253 дела). Помимо делопроизводственной документации, связанной с ликвидацией и переоборудованием храмов, в делах Комиссии содержатся *источники личного происхождения*, а именно письма-жалобы религиозных общин. Фонд Запоблисполкома ГАСО уникален для изучения Западной области тем, что он не дробился между архивами образованных областей из территорий расформированной Западной области и целиком сохранился в г. Смоленске.

Также исследованы документы фонда 2683 «Западная областная прокуратура», который содержит обвинительные заключения, информационные сводки районных и окружных прокуроров, бюллетени прокуратуры на предмет выявления случаев активного и пассивного сопротивления антирелигиозной политике на селе. В фонде 2361 «Смоленский областной исполнительный комитет» сохранилась «Книга учета церквей за 1938 год» (Оп.1. Д.67.) с датами закрытия или сноса зданий, ссылками на соответствующие постановления органов советской власти, отметкой о дальнейшем использовании зданий религиозного культа с 1917 по 1938 гг. на территории Западной области.

Периодическая печать рубежа 1920-1930-х гг. с целью изучения информационного фона антирелигиозной политики представлена следующими изданиями: центральные газеты «Известия», «Крестьянская газета», «Труд», газеты и журналы «Антирелигиозник», «Безбожник», органы местной печати «Рабочий путь», «Партиец», «Западная область».

Степень изученности темы. Специальной историографии крестьянского сопротивления антирелигиозной политики в исследуемый период пока нет, поэтому всю историографию, затрагивающую проблематику антирелигиозной политики в деревне эпохи «большого

скачка» и коллективизации, условно можно поделить на работы, *изучающие непосредственно взаимоотношения государства и церкви в 1920-1930-е годы*, и работы *по истории коллективизации и раскулачивания*, т.к. эти процессы – антирелигиозная политика государства на рубеже 1920-1930-х годов, коллективизация и раскулачивание – проходили в деревне одновременно, и потому неразрывно связаны между собой. Наибольший интерес для нас представляет постсоветская историография, поскольку лишь с рассекречиванием архивов стали появляться научные исследования вероисповедной политики СССР, основанные на фактическом материале, почерпнутом из источников. Тем более, что в советское время церковная тематика не была приоритетной в отечественных исторических работах.

Первые фундаментальные научные работы *по истории отношений государства и церкви* в СССР принадлежат религиоведам, ставшим уже классиками в этом направлении, – В.А. Алексееву, М.Ю. Крапивину, А.Н. Кашеварову и М.И. Одинцову.

М.Ю. Крапивин в одном из своих трудов фактом наименования глав книги делит довоенную церковную историю в СССР на следующие периоды: «1) Церковь и большевистская революция: по разные стороны баррикад (1917-й – начало 1921 г.); 2) «Религиозный нэп» начала 1920-х гг.: что это было (1921-1927 гг.); 3) Воинствующее безбожие и большой антирелигиозный террор (1928-й – конец 1930-х гг.)»[7]. О связи коллективизации, раскулачивания и антирелигиозной кампании М.Ю Крапивин отметил следующее: «Раскулачивание, зачастую сопровождавшееся уничтожением всех крепких крестьянских хозяйств, вело к фактической гибели Церкви на селе, ибо кто кроме зажиточных крестьян мог материально помочь священнику, вынужденному уплачивать государственные налоги, явно превышавшие его реальные доходы»[8].

[7] Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997.
[8] Там же. С.201.

Монографии и статьи М.Ю. Крапивина по истории сектантского движения в СССР[9] уникальны в силу малоизученности темы, и компенсируют дефицит работ этого рода, наблюдающийся в связи с утвердившимся господством в историографии исследований РПЦ неприменимо к многоконфессиональной стране. К тому же, они подкреплены документальным, понятийным и статистическим аппаратом, сопровождаются справкой о происхождении и дореволюционном развитии течений, что необходимо для данного диссертационного исследования, в поле зрения которого находятся все религиозные конфессии и течения, существовавшие в Западной области на рубеже 1920-1930-х годов.

В.А. Алексеев в начале 1990-х годов по сути положил начало новому подходу в изучении религиозной политики в СССР, основанному на фактах, подтверждаемых статистическими данными. В монографии «Иллюзии и догмы»[10] первое послеоктябрьское десятилетие представлено полнее в силу недостаточности исследования и большого количества «белых пятен», вероисповедная политика с конца 1920-х до 1960-х гг. изложена более конспективно. Книга затрагивает основные вехи политического контекста религиозной жизни. Среди прочего уделено внимание оппозиции антирелигиозной политики в лице высшего партийного руководства (Бухарин, Рыков, Луначарский и т.д.).

Через год, в монографии «“Штурм небес” отменяется?» В.А. Алексеев подробно останавливается на основных вехах религиозной истории советской эпохи (от Октября до Брежнева), роли прессы в антирелигиозных кампаниях, роли массовых организаций (много о СВБ), анализирует

[9] Напр.: Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917-конец 1930-х годов). СПб, 2003; Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г. Адвентисты седьмого дня в условиях советской действительности (1917-й – конец 1920-х годов) // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб, 2004. С. 199-206; Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов) // Исторические записки. Вып. 8 (126). М., 2005. С. 115-151; Крапивин М.Ю. Старообрядцы в период массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х годов // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб, 2006. С. 283-289; Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб, 2005.

[10] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.

церковные расколы, и отмечает: «“Время великого перелома” не случайно приходится на 1929-30 годы и совпадает с началом новой войны с церковью. В этот период оказались связанными в тугой узел множество противоречий и проблем, накопившихся в обществе, начиная от “забуксовавшей” экономики по причине волевого притягивания ее к моноукладности, насаждения командных методов руководства сельским хозяйством и промышленностью, и кончая появившимися «нарывами» в области духовной жизни, которую власти тоже хотели унифицировать, подогнать под ранжир. В этот ранжир не укладывался не только религиозный плюрализм, когда в стране существовало несколько десятков церквей и религиозных течений, объединявших более 120 миллионов верующих, но и вообще не вписывалась сама религия в некую систему духовных ценностей, насаждаемых партийно-государственной властью»[11].

Продуктивные векторы задали будущим религиоведческим исследованиям работы А.Н. Кашеварова и М.И. Одинцова, выполненные на материалах центральных архивов, прессы, советской и постсоветской литературы, исследованиях эмиграции[12]. Впервые подробному анализу подверглась работа центральных органов, ведавших религиозной политикой, и законодательная база антирелигиозных кампаний.

Протоиерей В.А. Цыпин в обобщающем труде «Русская православная церковь: 1925-1938» описал деятельность знаковых личностей вероисповедной политики, проанализировал основные законодательные и нормативные акты в области религии, немалое внимание уделил обновленческому расколу и восприятию верующими и властью «крестового

[11] Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? (Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР). М., 1992. С. 71-72.

[12] Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20-30-х гг. СПб, 1997; Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и РПЦ. 1917-1945 гг. СПб, 1995; Кашеваров А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» // Из истории России: Сб. ст. Вып. 1. СПб, 2003. С. 139-150; Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994.

похода» Папы Римского[13]. Издание активно цитируется историками-религиоведами и по сей день, что подтверждает его научную значимость.

Протоиерей Д.В. Константинов, активный участник многих событий, связанных с антирелигиозной политикой 1920-1930-х годов, пробыв одно время (до эмиграции) главой обновленчества в сане обновленческого митрополита, изложил своё видение церковной истории той эпохи. Книга «Гонимая Церковь: русская Православная Церковь в СССР» выпущена впервые на русском языке в Нью-Йорке в 1967 году и стала самой популярной в эмиграции, издавалась также в Германии, Англии, в 1999 году в России.

Монография посвящена не только довоенной, но и послевоенной церковной истории СССР, хрущевским гонениям на церковь, и даёт взвешенные оценки, в том числе, и своим статистическим материалом. Ещё ранее им издана в Мюнхене небольшая книга о роли молодежи в борьбе за церковь, в которой автор систематизировал собранный материал о деятельности молодежи в религиозных организациях[14].

На рубеже 1990-2000-х годов интерес к данной тематике заметно возрос, увеличилось количество исследований по истории церкви в СССР. И.Я. Шимон в своей работе «Плюс атеизация всей страны…» всю антирелигиозную пропаганду и агитацию государственных и общественных организаций облёк в единую понятийную оболочку, выделив направления работы, формы и её виды, привёл некоторую статистику по количеству закрытых в разные годы молитвенных зданий и ликвидированных религиозных общин[15]. С.Л. Фирсов свой очерк о довоенной истории государства и церкви резюмировал историографическим обзором по данной теме, сконцентрировав внимание на трудах сотрудников Православного

[13] Цыпин В.А. (протоиерей). Русская православная церковь: 1925-1938. М., 1999.
[14] Константинов Д.В. (протоиерей). Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР. Мюнхен, 1956.
[15] Шимон И.Я. …Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920-1930-е годы). Дубна, 2002.

Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), публикации ими житий новомучеников и исповедников[16].

Востребованность изучения региональной специфики государственной политики побуждает проведение всё новых исследований в регионах, как по коллективизации, так и в области церковной политики, что позволяет проследить преломление центральной политики на местах, выявить местную практику. К таким работам следует отнести труды Ю.Н. Макарова, Н.Ю. Беликовой (Краснодар) по истории церкви на юге России с конца XIX века до 1930-х годов, Ю.А. Бирюковой (Ростов-на-Дону) по взаимоотношениям православных общин верующих и власти на Дону (Шахтинский округ) в 1920-1930-е годы, Р.А. Давлетшина (Уфа) о социально-экономических изменениях башкирской деревни на рубеже 1920-1930-х годов, Д.Л. Доржиева и И.С. Цыремпиловой (Улан-Удэ) о государственной политике в довоенной Бурятии и формах ответа на неё крестьянства, М.Ю. Хрусталёва (Череповец) с довоенной историей Новгородской епархии, Л.Н. Лютова (Ульяновск) о совместном сопротивлении раскулачиванию крестьян и служителей культа в Ульяновском округе Средневолжской области и т.д.

В рассматриваемый период невозможно не отметить труды ряда академических учёных по проблемам как государственно-конфессиональной, так и социально-экономической политики 1920-1930-х годов. Трудно переоценить вклад Н.А. Ивницкого в изучение репрессивной политики при проведении коллективизации и раскулачивания на основе засекреченных документов Кремлёвского архива Политбюро[17], И.Е. Зеленина в изучении сталинской политики 1930-х годов[18], О.М. Вербицкой в исследовании

[16] Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014.
[17] Напр.: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). Москва, 2000.
[18] Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

социальной и демографической истории российского крестьянства[19]. Коллективная монография В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева и Ю.А. Полякова о переписи населения 1937 года и демографических процессах, произошедших со времени переписи 1926 года, с полными статистическими данными, в том числе анализом ответов на вопросы о вере, наглядно показывает, что грамотное и неграмотное население всех возрастных групп оставалось верующим даже к концу 1930-х годов[20]. Недавно опубликованная монография И.А. Курляндского «Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.)»[21] подробно раскрывает деятельность партийных органов в планировании и осуществлении религиозной политики. Некоторые архивные источники, в том числе, протоколы заседаний центральных комиссий, публикуются автором впервые.

Западная историография, проявляя интерес к сталинской коллективизации, дала в результате немало фундаментальных трудов, отличающихся склонностью к глубокому осмыслению исторических процессов 1920-1930-х годов. Во многом западная советология обязана «Смоленскому архиву»[22], который почти полвека был в распоряжении иностранных учёных, но не обладал исчерпывающей полнотой для характеристики реалий советской жизни. После перестройки, когда западные специалисты получили возможность самостоятельно работать в российских архивах, стали появляться работы, насыщенные фактологическим материалом и аналитикой на его основе. Неоценимый труд в деле публикации таких исследований принадлежит издательству РОССПЭН, и его

[19] Напр.: Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; Вербицкая О.М. Крестьянская семья в 20-50-е годы // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. научных трудов. М., 1994. С. 115-131.

[20] Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 99-102.

[21] Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). М., 2011.

[22] Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск, 1998.

серии «История сталинизма», вместившей в себя все знаковые работы отечественных и западных советологов.

Французский историк Франсуа-Ксавье Нерар несколько лет изучал в федеральных и Нижегородских архивах «письма во власть» и сопутствующую им документацию, проанализировал эти источники, вывел соответствующую статистику, что позволило ему описать феномен доносительства и разоблачения в советской стране как особую составляющую советской действительности, остающуюся слабоизученной. Нерар работал со всем массивом жалоб и писем, не выделяя отдельных тематик, а также изучил всю систему государственных и общественных организаций, куда эти письма поступали на рассмотрение, обозначил проблемы, с которыми сталкивались эти организации при разработке жалоб. Автор предложил свою периодизацию и терминологию доноса, в том числе, и периодизацию терминов. Так, он отмечает, что с 1928 года до середины 1930-х практика доносительства устоялась в обществе; «ядром обработки стала «Крестьянская газета» и Секретариат ВЦИК»[23], а полный расцвет системы жалования он отнес ко второй половине 1930-х годов[24].

Анализом жалоб, как отдельного исторического источника, на примере Бельского района Западной области немногим ранее занималась американская исследовательница Роберта Маннинг. Из дел того же «Смоленского архива» ею было отобрано 89 писем-жалоб из Бельского района за 1937 год. Проанализировав их, результаты своего труда Маннинг опубликовала в небольшом, но значимом для изучения сталинской провинции, сборник статей[25]. Следует отметить, что очень ценен методологический аппарат, к которому прибегла Роберта Маннинг при систематизации писем-жалоб: изучение жалобщиков и адресатов писем, общих тем жалоб, тона письма, подписей и др.

[23] Нерар Франсуа-Ксавье. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928-1941). М., 2011. С. 169.
[24] Там же. С. 171.
[25] Маннинг Т. Роберта. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998. С. 41.

Шейла Фицпатрик (США, Австралия) и Андреа Грациози (Италия) в своих трудах обратили внимание на социальную составляющую коллективизации и раскулачивания, в которой антирелигиозной политике отведена роль дополнительного компонента. Отсюда следуют и значимые выводы авторов. Так, Грациози о роли протеста деревни антирелигиозной политике говорит, как о части сопротивления коллективизации и раскулачиванию, тем не менее выделив вопрос закрытия церквей, как один из основных[26].

Культуру крестьянского сопротивления коллективизации, как самостоятельный феномен, исследовала канадский историк Линн Виола, и её работа и по сей день остается определяющей подходы в этой области[27]. Для нашего исследования здесь опять же важен понятийный аппарат, с которым автор подошла к изучению сопротивления крестьянства коллективизации и раскулачиванию в довоенном СССР, чтобы в дальнейшем определиться с наличием, внутренней подоплекой и местом сопротивления в религиозной сфере.

Изучением истории Смоленской области в советский период занимается научная школа под руководством профессора Е.В. Кодина (г. Смоленск). Для оценки состояния Смоленщины и Западной области на рубеже 1920-1930-х годов историографическую важность представляют диссертационные работы О.В. Кобец[28] о крестьянском сопротивлении коллективизации в смоленской деревне и Р.В. Шамшина[29] о ликвидации кулачества как класса на территории Западной области. Работы М.В. Каиля посвящены различным аспектам государственно-церковных отношений, социальной истории православия в провинции кон. XIX – первой трети XX

[26] Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2008. С. 51; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.
[27] Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.
[28] Кобец О.В. Сопротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928-1933 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Брянск, 2006.
[29] Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929-1931 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

в.[30] Также, под руководством Е.В. Кодина работает научно-образовательный центр «История советской и постсоветской России», на базе которого разрабатываются, в том числе, проблемы довоенного сталинизма.

Изучению церковной политики СССР и её воплощению в провинции посвящена работа протоиерея Г. Урбановича «Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е годы XX века»[31]. Выполненная на материалах местных архивов как диссертационное исследование ещё в конце 1990-х годов, о процессах, постигших Смоленскую губернию, её клир и верующих с начала XX века и до конца 1920-х годов, в виде монографии работа была опубликована только в 2012 году с учётом сильно возросшего числа работ по истории церкви в Смоленске.

Свидетельством внимания исследователей к тематике взаимоотношений государства и церкви на рубеже 1920-1930-х годов служит рост диссертационных исследований, большей частью выполненных на региональном материале (Дальний Восток, Карелия, Урал и Зауралье, Юго-Восточная и Западная Сибирь, Алтай, Пенза, Татарстан, Северный Кавказ, Центральная Россия), что значительно расширяет и углубляет общее знание о событиях в жизни церкви и верующих этого периода. Хронологический разброс работ различен, но, большей частью, они посвящены довоенному периоду, изучению, как общей ситуации в религиозном вопросе (в стране или на уровне отдельного региона)[32], так и законодательства о религии[33],

[30] Напр.: Каиль М.В. Власть и православные верующие в российской провинции 1918 – первой половины 1930-х гг.: контуры взаимоотношений // Клио. 2010. № 4 (51). С. 58-64; Каиль М.В. История обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике // Отечественные архивы. 2010. №4. С. 57-65; Каиль М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 205-218; Каиль М.В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918-1920-х гг. // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 59-67 и т.д.

[31] Урбанович Г. (протоиерей). Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е годы XX века (по материалам смоленских архивов). Смоленск, 2012.

[32] Напр.: Бакшеева Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви на Дальнем Востоке России: Октябрь 1922-июнь 1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004; Борисова В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг.: на материалах Зауралья: дисс. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2012; Гайлит О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х-1930-е гг.: На материалах Западной Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Карманова Г.Н. Государственная политика в

деятельности руководящих органов[34], церковного подполья[35], положению православной церкви[36] и отдельных течений и конфессий[37] и т.д.

Теоретическая значимость. В настоящей работе впервые сопротивление верующего населения антирелигиозной политике государства на рубеже 1920-1930-х годов изучено как самостоятельное явление, и обосновано в исследовании как факт. Также, совершен переход от разрозненного описания отдельных эпизодов сопротивления верующих, распространенного в историографии по проблематике, к систематизации и количественной характеристике поддающихся подсчёту видов протеста в рамках одного региона.

Практическая значимость. Полученные результаты помогут привлечь внимание исследователей к проблеме, разработать и применить новые подходы и понятийный аппарат к изучению крестьянского сопротивления антирелигиозной политике в масштабах всей страны, а не только одной Западной области. Созданная база данных по крестьянскому сопротивлению верующих в Западной области в 1929-1933 годах может

отношении христианских конфессий в СССР в 1929 – первой половине 1931 гг.: дисс. …канд. ист. наук. Москва, 2009; Маленков В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России: 1917-1937 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004 и др.

[33] Напр.: Богомолов А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития: дисс. … канд. юр. наук. СПб, 2004; Пущанский В.В. Правовое регулирование функционирования Русской Православной Церкви в России в XX веке: историко-правовой аспект: дисс. ... канд. юр. наук. Санкт-Петербург, 2006 и др.

[34] Кочетова А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929-1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2012.

[35] Беглов А.Л. Церковное подполье 1920-1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2004.

[36] Напр.: Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20-30-е годы: дисс. … канд. ист. наук. Москва, 1997; Каплин П.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: На материалах Урала: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Малюкова Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918-1937 гг.: на примере Пензенского края: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010; Мезенцев Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917-1940 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2003; Петюкова О.Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е годы (по материалам губерний Центральной России): дисс. … канд. ист. наук. Москва, 1997 и др.

[37] Напр.: Далгатов А.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: Октябрь 1917-го-конец 1930-х годов: дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2004; Куприянова И.В. Старообрядческие общины Алтая в отношениях с государством: Начало 1920-х - конец 1930-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917-1938): дисс. … канд. ист. наук. Саратов, 1997; Миннулин И.Р. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003 и др.

использоваться в проведении смежных исторических исследований, ускорить поиск выявленных архивных источников, а также готова к наполнению новым архивным материалом, может быть размещена в сети Интернет как банк исторических данных. В её рамках можно получить сведения по истории религиозных общин Западной области, утраченных и сохранившихся храмов (но, лишь в хронологических рамках исследования) и истории религиозного протеста отдельных сёл и городов.

Апробация результатов работы. При подготовке диссертации подготовлено несколько докладов на международных и всероссийских конференциях и школах молодых учёных (гг. Смоленск, Нижний Новгород, Тобольск, Москва), успешно выполнено два проекта РГНФ. Основные положения работы нашли отражение в 12 публикациях, 5 из которых в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Государственная антирелигиозная кампания конца 1920-х – начала 1930-х годов: официальная политика и региональная практика

§ 1.1. Нормативно-правовая база и партийно-идеологическое сопровождение кампании

Установить конкретную дату начала антирелигиозной кампании рубежа 1920-х – 1930-х годов можно с определенной долей относительности. Тем не менее, большинство исследователей склонны связывать её со второй половиной 1927 года[38]. В целом это объясняется тем, что именно в это время центральная власть окончательно определилась в своем негативном отношении к нэпу, взяв курс на коллективизацию деревни.

Новая политика была провозглашена на XV съезде ВКП(б), проходившем в Москве со 2 по 19 декабря 1927 года. В политическом докладе И.В. Сталин отметил: «У нас имеется ещё такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»[39]. В самих решениях съезда упоминаний о вопросах религии и церкви ещё нет, но вектор уже был определен. В 1928 году на обострение взаимоотношений государства и церкви в немалой степени повлиял хлебозаготовительный кризис. Как пишет В.А. Алексеев: «…в “Правде”, других газетах и журналах в тот период появляются различные материалы о том, как кулаки в союзе с попами срывают хлебозаготовки. Это было расценено не только как саботаж, но и как контрреволюционные действия. На апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1928 году И.В. Сталин подчеркивал, что “заготовительный кризис выражает собой первое, в условиях нэпа, серьезное выступление капиталистических элементов деревни против Советской власти…”»[40]. Автор отмечает последовательную позицию Сталина относительно

[38] Напр.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 294; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 187, 197;
[39] Сталин И.В. Сочинения. Т. 10: август-декабрь 1927. М., 1949. С. 324.
[40] Алексеев В.А. Указ. соч. С. 293.

окончания «религиозного нэпа»[41]: «За несколько месяцев 1928 года И.В. Сталин трижды, выступая по поводу наступления на кулака, призывал к развертыванию решительной борьбы с религией. Кончался период классового мира в стране, экономической стабильности, порожденной и закрепленной новой экономической политикой. Заканчивалась полоса терпимости к кулаку и нэпману. Завершался и период сравнительно спокойных отношений партии с церковью…

Сталин утверждал, что за спиной кулака стояли многие религиозные организации, а это увеличивало силы, идеологизировало кулака. Поэтому в общем наступлении на кулака и нэпмана специальный удар готовился И.В. Сталиным по религиозным организациям, по духовенству»[42].

В немалой степени способствовала предстоящей антирелигиозной кампании и декларация Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия в июле 1927 года. Позже декларация вызовет не только жаркие споры, но даже приведет к церковному расколу. Однако для нас она важна тем, что своей открытой просоветской направленностью будет способствовать движению власти в сторону новой масштабной антирелигиозной кампании. Среди общего призыва к верующим принять политику советской власти, митрополит Сергий обращался с наказом «… не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»[43].

[41] Устоявшееся в историографии определение церковной политики государства середины 1920-х годов.
[42] Алексеев В.А. Указ. соч. С. 294-295.
[43] Русская православная церковь и коммунистическая государство. 1917-1941. М., 1996. С. 226.

Не меньшие трудности вызывает и, казалось бы, простой вопрос о наименовании проводимой политики. Одни называют ее *«антицерковной»* – из-за массовой ликвидации молитвенных зданий как мест средоточия культа; другие – *«антиколокольной»*, ввиду массово развернувшейся практики снятия колоколов под лозунгом помощи индустриализации; третьи – *«антиклирикальной»*, за счёт многочисленных репрессий против священнослужителей, обвиняемых контрреволюционерами и союзниками кулаков. Мы же в настоящем исследовании будем использовать определение *«антирелигиозная»*, поскольку она была направлена в целом против религии как миропонимания человека, независимо от его конфессиональной принадлежности, и религиозных институций всех направлений, а не только православной (хотя антиколокольная кампания затронула только православную церковь), коснулась не только клира, а и всего верующего населения, и помимо закрытия церквей включала ещё целый ряд богоборческих мер.

Вполне правомерна, с нашей точки зрения, и характеристика имевшей место в означенный в исследовании период антирелигиозной практики именно как *кампании*. Конечно, борьба советской власти с религией и церковью не началась и не закончилась данной кампанией. Это был один своего рода «эпизод» в общей антирелигиозной политике государственной власти, хотя и определивший крутой поворот в отношениях государства и церкви. Тем не менее, практика этих отношений во многом носила характер кампанейщины, курс на усиление антирелигиозной борьбы центром был объявлен настолько решительно, что наступление на местах порой не знало никаких границ, очерченных законом. Как отмечает видный исследователь взаимоотношений государства и церкви в СССР А.Н. Кашеваров, «на местах предпочитали быть подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие храмов, чем быть уличенными в отступлении от “идеологических установок” партии на борьбу с религией. Ведь это автоматически зачисляло сомневающихся и колеблющихся в разряд лиц,

отвергающих генеральную линию партии, грозило им зачислением в число внутренних врагов партии, проявляющих оппортунизм и примиренчество в борьбе с религиозной идеологией – "важнейшим препятствием на пути социалистического переустройства и преодоления буржуазного и мелкобуржуазного влияния на трудящиеся массы"»[44].

В общей радикально меняющейся политической обстановке в стране государственное давление на религию и церковь становилось неизбежным. С 1928 года закрытию подверглись монастыри. В решении Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), ведавшей религиозной политикой до конца 1929 года, в июне 1928 года подчеркивалось, «что при разработке ликвидационных планов важно предусмотреть, чтобы высвобождающиеся земли и бывшие монастырские здания не пустовали, чтобы монастырский инвентарь незамедлительно передавался новым владельцам. Соответствующим органам предписывалось проследить за тем, чтобы монашествующие из ликвидированных монастырей не подались в "божьи странники", а были выдворены на постоянное местожительство»[45]. Через год, в августе 1929 года та же комиссия поручила Союзу Воинствующих Безбожников «провести поголовное обследование монастырей с целью их скорейшего превращения в образцы социалистического хозяйствования и очаги культурного строительства», притом важной была «"фактическая ликвидация монастырей", под какими бы псевдосоветскими вывесками они не скрывались»[46]. Как отмечает М.Ю. Крапивин, «к концу 1930 г., по официальным сведениям, в СССР не сохранилось ни одного монастыря»[47], хотя «по крайней мере до 1937 г., продолжали функционировать подпольные монастыри, члены которых могли даже и не проживать вместе, хотя имели

[44] Кашеваров А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» // Из истории России: Сб. ст. Вып. 1. СПб., 2003. С. 147.
[45] Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 196.
[46] Там же.
[47] Там же.

общий устав и своего игумена»[48]. В 1937 году лидер СВБ Ем. Ярославский «с удовлетворением отмечал, что “в стране с монастырями покончено”»[49].

В конце 1920-х на очереди были городские и сельские храмы и их религиозные общины. В 1928–1929 гг. Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями при Наркомате просвещения было пересмотрено количество памятников культуры, и на одном из пленумов Союза безбожников «с удовлетворением отмечалось, что […] из 7 тысяч памятников, которые числились по спискам Главнауки, сохранили только тысячу. Это значительное продвижение вперед».[50] Под сокращение попало шесть тысяч памятников культуры. Так начиналась «массовая кампания по конфискации недвижимости у церкви, проводившаяся под видом добровольной передачи верующими культовых зданий под школы и клубы»[51].

Строиться эта работа будет на основе обновленного законодательства и нормативно-правовой базы.

После установления советской власти существовало два основных закона, регулирующих отношения государства и церкви – это декрет СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и Конституция РСФСР 1918 года (ст. 13).

Декретом все религиозные объединения были приравнены к частным обществам и союзам, лишались прав юридического лица, права регистрации гражданских состояний, преподавания в учебных заведениях наравне с общеобразовательными предметами, всё церковное имущество объявлялось народным достоянием[52].

В Конституции было закреплено положение о том, что в целях «обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь

[48] Там же. С. 197.
[49] Алексеев В.А. Указ. соч. С. 299.
[50] Ахмедов Р.М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование. Уфа, 2002. С. 18.
[51] Там же.
[52] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 373-374.

отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»[53]. В редакции 1925 года изменился только номер статьи с 13 на 4, остальной текст остался прежним[54]. Таким образом, за верующими оставалось формальное право на религиозную пропаганду, на распространение веры; у церкви законодательно отобрали собственность, а религиозное просвещение оставалось лишь на частных началах.

При этом, ни Декрет, ни Конституция не могли в полной мере охватить весь спектр правовых отношений церкви и государства, они определяли лишь основной вектор отношений между верующими и церковью и между церковью и государством, а повседневные ситуации разрешались, исходя из представлений их непосредственных участников. Плюс ко всему, они дополнялись уточняющими инструкциями различных органов и ведомств, которых к концу 1920-х годов скопилось значительное количество. Зачастую они дублировали друг друга, либо явно противоречили одна другой. Законодательство о религии нуждалось в обновлении, систематизации и наполнении новым содержанием, соответствующим текущему моменту.

Общие контуры и направления будущих изменений в нормативной базе были уже хорошо заметны на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 года, под председательством Л.М. Кагановича, при обсуждении вопроса о мерах по усилению антирелигиозной работы. Стенограмма обсуждения этого вопроса не так давно впервые полностью опубликована в монографии И.А. Курляндского «Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.)»[55].

На этом заседании еще обсуждаются две разные позиции. В начале с радикальными оценками выступил Е.М. Ярославский, который «бездоказательно утверждал, что “это [церковный актив] есть легальная

[53] Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 244.
[54] Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 26 мая. № 118.
[55] Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). М., 2011.

организация, прикрывающая очень гибкими формами политическую антисоветскую деятельность". Этот актив пользуется "известным влиянием" и имеет значительную материальную базу, которой не имеют советские безбожники; им предоставляются хорошие и бесплатные помещения… Религиозные организации ещё и имеют свою печать»[56].

Лояльную и разумную позицию выразил член Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), будущий председатель Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР П.Г. Смидович. Он разделял антирелигиозную работу на две составляющие – «советская работа» и «специальная антирелигиозная агитация и пропаганда», и следующим образом описывал активность каждой в борьбе с религией: «Вся наша советская работа, каждая школа, каждый вуз и каждая казарма ведёт к затуханию религиозности и не потому даже, что везде поставлена специальная антирелигиозная пропаганда. Просто сама наша советская работа ведет к такому затуханию религиозности. С другой стороны, специальная антирелигиозная агитация и пропаганда, поскольку она велась до сих пор, по-моему, ведется очень неудовлетворительно»[57].

И дело было не в том, что такой работы было мало, а в том, что из-за неумелости в ее проведение она давала противоположные результаты. Смидович призывал руководствоваться в этом вопросе известным тезисом «лучше меньше, да лучше», поскольку какое-нибудь «даже малейшее давление в этой области, какой-нибудь элемент насилия приводит к совершенно обратным результатам»[58]. И ни в коем случае «не делать ударной кампании» в тонком вопросе религии и церкви[59]. «Здесь нужно обратить внимание на качество, нужно подработать эту штуку»[60], − говорил о будущем постановлении о мерах антирелигиозной борьбы П.Г. Смидович.

[56] Там же. С. 314.
[57] Там же. С. 601.
[58] Там же.
[59] Там же. С. 602.
[60] Там же.

Позицию противников такого сдержанного и лояльного подхода к церкви и верующим выражал член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. Данную группу высших партийных руководителей смущало то обстоятельство, что в стране было 50 тысяч церквей, из которых к тому моменту было закрыто «всего три процента», а противостояло им всего четыре тысячи клубов! В оценке Кагановича, все названные им в количественном отношении церкви являлись «легальными контрреволюционными организациями», и что последнее было «совершеннейшим фактом»[61].

Свое выступление на заседании Оргбюро ЦК Л.М. Каганович резюмировал так: «Я думаю, что здесь нужно выдвинуть несколько задач. Первая задача: необходимо поставить дело подготовки кадров антирелигиозников. Вторая задача – активизировать всю партийную и комсомольскую массу в деле борьбы с богом и религией. Наконец, третья задача – это борьба с выкорчевыванием кадров контрреволюционных попов. При этом, конечно, нельзя допускать голого администрирования»[62]. По сути, эти три задачи станут не только главными в нараставшей антирелигиозной кампании, но и во многом предопределят тон и содержание новых законодательных актов.

Это проявилось уже буквально через месяц, когда 24 января 1929 года за подписью Л.М. Кагановича вышло постановление ЦК ВКП(б) *«О мерах по усилению антирелигиозной работы»*. Именно оно, в оценке М.Ю. Крапивина, как раз и задаст «общую тональность религиозной работе (при всей внешней видимости сохранения осторожного подхода)»[63]. Рассмотрим данный документ подробнее.

Постановление состоит из четырех частей. Первая часть содержит общие положения, перечисление успехов партии в антирелигиозной борьбе

[61] Там же. С. 607-608.
[62] Там же. С. 608.
[63] Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). Волгоград, 1993. С. 64.

прошлых лет, констатирует отживание религиозности, характеризующееся «отходом рабочих и части крестьян от празднования религиозных праздников […], активной поддержкой учительством антирелигиозного воспитания в школе, усилением общественного движения рабочих и крестьян в пользу закрытия молитвенных зданий и т.д.[64] На этом успехи сменяются самокритикой, констатацией неудач.

Отмечено, что коллективизация и раскулачивание вызвали оживление церковных организаций в конце 1920-х годов, вылившееся в «сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что нашло своё яркое выражение и на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собой, использовывающих легальное положение и традиционный авторитет церкви»[65]. Сопротивление, усиление деятельности религиозных организаций, в особенности, сект и католиков, – главные проблемы, мешавшие благосостоянию государства, с которыми оно столкнулось, по мнению ЦК ВКП(б), на рубеже 1920-х – 1930-х годов.

Во второй части постановления речь шла о «единственной антирелигиозной организации в стране – “Союзе безбожников”»[66]. Здесь были выделены две основные проблемы Союза: недостаточная численность, что делает его не способным «мощно противостоять активности религиозных организаций»[67], и незначительная поддержка Союза и дела антирелигиозной пропаганды со стороны партийных и общественных организаций.

Суть «административного подхода», его плюсы и минусы показаны в третьей части документа. С одной стороны, осуждению подверглась «поверхностная антиклирикальная борьба с попами», «вместо углублённой антирелигиозной пропаганды». С другой, как отмечалось, никто не отменял административных мер, призванных бороться с антисоветскими, а не религиозными настроениями, которые «не являются “гонениями” на веру,

[64] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4014. Л. 23.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Там же.

гонениями за самое отправление религиозного культа»[68]. Тем самым, местных «администраторов» призывали к адекватности в выкорчевывании контрреволюционеров из среды религиозников, право определения грани между которыми оставляли на долю тех же «администраторов».

Последняя, четвертая часть постановления содержала перечень задач для каждого звена партийно-общественной системы (партийные организации, комсомол, профсоюзы, Главлит, Главискусство и т.д.) с общими контурами методик антирелигиозной пропаганды.

Одновременно, что было присуще начальному периоду сталинского руководства, вопрос активно обсуждается и на местах. Не стал исключением в деле активного обсуждения церковной темы и партийный Смоленск. Так, на заседании бюро Смолгубкома ВКП(б) 3 января 1929 года в целях подготовки будущей резолюции был заслушан доклад председателя губернского союза безбожников о состоянии антирелигиозной пропаганды в губернии.

В докладе были кратко отмечены положительные и отрицательные стороны антирелигиозной работы, которые, как представляется, были присущи не только Смоленщине, но и другим регионам страны. В преддверии новой антирелигиозной кампании отмечалась слабая работа Союза безбожников из-за недостатка финансирования и кадров («Одному союзу безбожников, при отсутствии руководства работой трудно было проводить работу по антирелигиозной пропаганде… Необходимо расширить сеть, готовящую агитаторов антирелигиозников. Усилить материальную базу. Выделить кадр партийцев»)[69]; недостаточный объем антирелигиозного материала в местной печати («Коренного изменения в области антирелигиозной пропаганды нет и сейчас. «Рабочий путь» освещал факты оживления церковников, про работу же общества Безбожников совершенно не пишет»)[70]; оживление церковников и сектантства и попытки постройки новых церквей (понятие «церковники» здесь, судя по характеру его

[68] Там же. Л. 23 об.
[69] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4017. Л. 5-6.
[70] Там же.

использования в документе, включало в себя лишь представителей православной религиозной общины). Из положительных моментов было отмечено лишь то, что «элементы антирелигиозного образования включены в систему народного образования, при чем особенное оживление антирелигиозной пропаганды заметно в деревне»[71].

Скудный материал и общие фразы докладчика довольно живо дополняют последующие за ним прения, обсуждение основных проблем антирелигиозной работы и недостатков проекта областной резолюции. Подавляющее большинство участников обсуждения были обеспокоены крайне низким уровнем антирелигиозной работы, вследствие чего наблюдался рост влияния церковников и, главным образом, сектантства (Рабинович: «В Смоленске сплошь и рядом можно встретить молитвенные дома, они растут за счет железнодорожников, рабочих маслозаводов и др. Сектанты переняли все лучшие формы работы у нас»; Вирганский: «…устройство субботников попу, письмо курсанта ГСПШ религиозного характера и т.д. Всё это говорит за примиренчество к работе церковников и сектантов. Слабость антирелигиозной работы отразилась и на учительстве»; тов. Симонов: «В настоящий момент более опасный враг на безбожном фронте – сектантство… Надо усилить идеологическую борьбу с сектантством»; Бхоржевский: «Сектантство развивается и в Заднепровье – это видно хотя бы среди рабочих на постройке моста через Днепр. Мы боремся за предоставление помещений комсомольцам, а сектантам помещения предоставляются безпрепятственно» и т.д.)[72].

Вторая важная проблема, прозвучавшая на совещании – неправильный подход к закрытию церквей, вызывавший раздражение у населения (Лерман: «…Наблюдается нетактичность в сборе подписей на изъятие церквей под клубы, когда подписные листы подписываются еврейскими рабочими и наоборот»; Егоров: «…Мы имеем массу недочетов в отношении проведения

[71] Там же.
[72] Там же. Л. 6.

изъятия церквей, религиозных домов и синагог. Мы можем закрыть все церкви и синагоги, но этим не прекратим борьбы, нужна идеологическая серьезная работа»)[73]. В итоге, проект резолюции было решено доработать, что, судя по архивным источникам, затянулось на полгода.

Однако с весны 1929 года усилившаяся антирелигиозная кампания уже регулировалась новым постановлением ВЦИК и СНК РСФСР *«О религиозных объединениях»*, принятым 8 апреля того же года. Постановление 1929 года, как отмечает А.Н. Кашеваров, хотя и «подвергалось в дальнейшем уточнениям, редактированиям и дополнениям, но в целом сохранялось как действующее вплоть до 1990 г.»[74]. Положения документа будут разъясняться в последующем множеством инструкций и циркуляров, но в административной переписке, сохранившейся в архивах, как и в историографии за постановлением закрепится понятие «закона», однозначно выделяющее его из круга остальных актов. Мы также позволим себе при упоминании постановления «О религиозных объединениях» пользоваться тождественным синонимом – закон.

Постановление «О религиозных объединениях» состоит из 68 статей, объединенных в две части, первая из которых, основная, а вторая касается вопросов отмены предшествующих нормативных актов и перерегистрации религиозных объединений.

В постановлении определяются два традиционных вида отношений: имущественные и неимущественные. С имущественными отношениями связан блок статей о молитвенных зданиях:

- об имуществе ликвидированных церквей (ст. 40-42);
- о строительстве новых церквей (ст. 45);
- о ремонте и сносе молитвенных зданий (ст. 46-53);
- о пользовании и аренде культовых зданий и помещений религиозными объединениями (ст. 10).

[73] Там же.
[74] Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20-30х гг. СПб., 1997. С. 27.

Также сюда попадают все сделки религиозных обществ и групп (ст. 11, 17, 18, 33), порядок расходования их доходов (ст. 54-56) и порядок пользования национализированным культовым имуществом, предоставленным верующим (ст. 25, 26). Соответственно, в группу неимущественных отношений входит блок о процедуре регистрации и перерегистрации религиозных объединений, их учета, надзора за их деятельностью (ст. 3-9, 62-66), порядок деятельности (ст. 12-16), организация съездов религиозных объединений, а также собраний и шествий (ст. 20-24, 57, 59-61), порядок заключения и соблюдения договора о бесплатном пользовании церковью (ст. 27-32).

Постановление регулирует два основных аспекта религиозной жизни общества: деятельность религиозных объединений и функционирование молитвенных зданий. Верующие, составившие религиозное общество (или другими словами, «двадцатку», названную так по минимальному количеству членов общества в 20 человек), по договору могли получить молитвенное здание и предметы культа в бесплатное пользование[75]. В законе было специально оговорено, что здания и предметы культа передаются «исключительно для культовых целей» (ст. 10)[76], с целью, чтобы храмы не стали местом нерелигиозных собраний.

В Западной области вопросами распределения церквей между религиозными обществами занимался областной исполнительный комитет, поручавший райисполкомам передавать церкви желающим взять их «в пользование для целей культа», в соответствии с Законом[77]. В случае, если не было возможности предоставить религиозному объединению церковь, разрешалось «пользоваться для молитвенных собраний и другими помещениями, предоставляемыми им частными лицами или местными

[75] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1928-1929. М., 1949. С. 236.
[76] Там же.
[77] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1565. Л. 1.

советами и исполнительными комитетами на правах аренды»[78]. Но теперь одно религиозное объединение могло пользоваться лишь одним молитвенным зданием, в то время как до постановления от 8 апреля 1929 г. в руках одного общества верующих могло находиться несколько зданий культа.[79] Как считает исследователь А.А. Богомолов, «требование того, что одно общество вправе иметь только одно молитвенное помещение, было обращено против многохрамовых монастырей»[80]. Это касалось и соборов, «где обычно всегда есть два или три здания, и монастырей — где всегда почти имелось по несколько зданий»[81]. Также требование распространялось и на случаи, «когда налицо имеются два совершенно отдельных здания, так называемые, «зимнее» и «летнее»[82]. Западная область не обладала большим количеством монастырей, но вот ситуации, когда в одном селе стояло две церкви (чаще, одна каменная, другая деревянная) не оставляли шансов местному религиозному объединению владеть обеими. Так же происходило, если в двух соседних селах были церкви — в лучшем случае, закрытию подлежала одна из них. По закону «О религиозных объединениях» в процедуру ликвидации молитвенных зданий входило обязательное выяснение обстоятельства, есть ли и на каком ближайшем расстоянии находится другая церковь, которое на деле не всегда соблюдалось.

В постановлении «О религиозных объединениях» только одна статья закрепляет за общинами верующих допустимый источник доходов: «Члены групп верующих и религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования как в самом молитвенном здании, так и вне его, но лишь среди членов данного религиозного объединения и только на цели, связанные с содержанием

[78] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 236.
[79] Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930. С. 9.
[80] Богомолов А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития: дис. ... канд. юр. наук. СПб, 2004. С. 93.
[81] Орлеанский Н.М. Указ. соч. С. 9.
[82] Там же.

молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных органов» (ст. 54)[83]. В основном, круг «жертвующих» представлял самих членов религиозной общины. В свою очередь, за «принудительное взимание сборов в пользу церковных или религиозных групп» по ст. 124 Уголовного кодекса РСФСР предусматривался штраф до 300 руб., либо принудительные работы сроком до 6 месяцев[84].

Следует также отметить, что в религиозных общинах запрещены были членские взносы, хотя, в конечном итоге, все материальные издержки, так или иначе, ложились на плечи членов этих обществ и групп.

Каждый верующий мог быть членом только одного религиозного объединения и должен был проживать в той местности, в которой данное объединение зарегистрировано. Церковью, находящейся в пользовании религиозного общества, могли пользоваться жители нескольких близлежащих населенных пунктов, которые имели право входить в состав объединения верующих. С момента регистрации религиозного общества или группы их деятельность тщательно контролировалась местными органами. Законом была очерчена деятельность религиозных объединений (ст. 12-16, 57, 59-61), пользование культовым имуществом (ст. 10, 25, 26), экономические отношения (ст. 11, 17, 18, 33, 54-56), взаимоотношения со священником (ст.19).

Закон определял положение священников единственной статьёй (ст. 19). Территория их деятельности строго ограничивалась «местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения»[85]. Священникам и проповедникам оставили право обслуживать несколько объединений верующих (следовательно, и нескольких приходов), но все равно свою деятельность они могли проводить только на территории постоянного

[83] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 244-245.
[84] СЗ. 1926. № 15. ст. 106.
[85] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 238.

проживания этих верующих[86]. Таким образом, максимально пресекалась мессионерская работа служителей культа, они закреплялись на определенной территории, что облегчало наблюдение за ними. При этом в момент подачи заявления на регистрацию религиозного объединения одним из обязательных условий было предоставление анкеты на священника, который будет обслуживать данное общество верующих, с перечислением мест службы, начиная с 1914 года, судимостей, в случае их наличия, и указанием своего подробного адреса[87].

Вследствие вышеперечисленных действий властей все труднее было найти священнослужителя в той или иной местности. В случае, если религиозное общество длительное время находилось без служителя культа, местные власти запрещали пользоваться храмом до момента, пока члены общества не наймут другого священника.

Если проблемы поиска священника перед религиозной общиной не стояло, с ним заключался договор, согласно которому общество верующих нанимало священника к себе на работу. Оно выплачивало ему заработную плату, нанимало жилую площадь, если это было необходимо, приобретало облачение и все сопутствующие товары для проведения служб. Все эти сделки по законодательству также могли заключаться лишь «отдельными гражданами, состоящими членами исполнительных органов религиозных обществ или уполномоченными групп верующих»[88], оценивались как частные коммерческие сделки и облагались дополнительным налогом.

Нанимали на работу не только священников. Кто-то должен был охранять церковные здания в ночное время, когда в них никого не было из членов религиозного общества. Требовались сторожа. По закону, «помещения, служащие специально для жилья сторожа и находящиеся в ограде молитвенного здания или около молитвенного здания, наряду с

[86] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 238.
[87] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 293. Л. 9-17.
[88] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 236.

прочим культовым имуществом, передаются по договору в бесплатное пользование верующих» (ст. 26)[89], а найм сторожа производился уже самим религиозным обществом. Выплата заработной платы сторожу, ремонт сторожки – также обязанность членов религиозных общин. Закон и местная власть предписывали использовать сторожки только «по прямому их назначению, т.е. для жилья сторожа, а не других надобностей»[90]; тем не менее власти сами нарушали эти нормы. Помещения сторожек могли быть заняты сельсоветами, колхозами либо под жилье, либо под склады или какие-либо другие цели и нужды, далекие от религиозных. Несмотря на это, за них могли требовать уплаты налогов от религиозных объединений, что, конечно, вызывало справедливые возмущения со стороны верующих[91].

По постановлению «О религиозных объединениях» здания религиозного культа подлежали обязательному неокладному страхованию от огня «за счет лиц, подписавших договор в пользу подлежащего исполнительного комитета или городского совета»[92]. В случае пожара предусматривалось два варианта расходования страховых сумм: либо восстановление сгоревшего молитвенного здания, либо перераспределение средств на общественно-культурные нужды данной местности (нетрудно догадаться, какой вариант был предпочтительнее в условиях повсеместной борьбы с религией).

Для установки размеров страховых платежей молитвенные здания оценивались специальными комиссиями, и религиозные общины должны были выплачивать страховую премию в соответствии с оценкой. Технический осмотр здания был необходим. Акт об осмотре с указанием года постройки здания, описанием его состояния, с техническим планом являлся одним из главных документов и при исчислении суммы ремонта, и при начислении налогов и страховых платежей с церкви. Единая ставка для церквей по

[89] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 239.
[90] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 292. Л. 50.
[91] Там же. Л. 155-156.
[92] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 240.

страховой оценке составляла 90 копеек с каждых 100 рублей от общей стоимости здания, при этом сумма одного взноса должна была вноситься полностью, а не по частям[93]. Как видим, величина страховых выплат целиком и полностью зависела от оценки молитвенного здания, что зачастую приводило к специальному завышению стоимости здания, а, следовательно, и завышению суммы страховых платежей.

Одна статья в постановлении от 8 апреля 1929 года даже была посвящена вопросу строительства новых церквей: «Постройка новых молитвенных зданий может быть допущена по просьбе религиозных обществ...» (ст. 45)[94]. Но, скорее, это некий дипломатический ход, отрицание антицерковного характера кампании самим законодателем в глазах верующих. Фактически возведение новых церквей и храмов пресекалось. В конце 1928 – начале 1929 гг. по Западной области фиксировались попытки строительства новых молитвенных зданий (Ярцево, Дорогобужский район), которые, однако, так и не были достроены[95].

К основным налогам, обязательным к оплате религиозными объединениями, взявшими церкви в бесплатную аренду, в 1929 – начале 1930-х годов относится и налог со строений. Обложению этим налогом по одинаковой ставке подлежали как городские, так и сельские храмы на основаниях, «установленных для «прочих строений», т.е. в размере не свыше 1/2 % стоимости строения по оценке Госстраха»[96]. При определении стоимости по оценкам Госстраха надлежало «учитывать стоимость только самих зданий, без включения в оценку внутреннего их устройства и оборудования и находящихся в них предметов религиозного культа»[97].

По постановлению Смоленского губернского исполнительного комитета *«Об утверждении ставок ренты и об исчислении и взимании ренты в городских поселениях Смоленской губернии на 1928–1929 гг.»* от 6

[93] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1565. Л. 29 об.
[94] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 243.
[95] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4017. Л. 5.
[96] Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. № 26.
[97] Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. № 26.

мая 1929 года «площади, находящиеся под зданиями религиозных культов, как-то: под церквами, синагогами, молитвенными домами, предназначенными для богослужебных целей, а также, под разными строениями и дворами, обслуживающими их — облагаются рентой во всех городах и районах Смоленской губернии по ставке 80 копеек за квадратный метр»[98]. Для сравнения, такой же ставкой облагалась лишь площадь под торговыми помещениями в городе Смоленске, а, например, рента за землю под промышленными предприятиями рассчитывалась по 15 копеек за квадратный метр, под государственными промышленными предприятиями и вовсе по 5 копеек за квадратный метр[99]. Получается, что за квадратный метр, занятый церковью, религиозным объединениям приходилось платить в 16 раз больше, нежели за квадратный метр земли, занятой государственным предприятием.

Взимание с религиозных объединений каких-либо других налогов или обязательных платежей, кроме страховых премий, налога со строений и земельной ренты, не допускалось. В частности, общины верующих «не могли быть привлекаемы к обложению ни промысловым, ни подоходным, ни сельскохозяйственным налогом, ни к самообложению»[100]. В то же время, местные власти зачастую облагали религиозные общества вышеперечисленными «податями»[101]. В дополнение ко всему, так как религиозным объединениям запрещалось вкладывать «собираемые ими добровольные пожертвования в процентные бумаги», то, соответственно, и «приобретение ими облигаций государственных займов не разрешалось»[102]. Но требование для религиозных обществ приобретать облигации, либо их принудительное вручение верующим с последующим изъятием денег – являлось, пожалуй, одним из наиболее частых экономических притеснений религиозных объединений[103].

Весомым аргументом для закрытия церкви являлось признание здания

[98] Рабочий путь. 1929. 11 мая.
[99] Рабочий путь. 1929. 11 мая.
[100] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1525. Л. 5-6.
[101] Там же. Д. 2247. Л. 30.
[102] Там же. Д. 1525. Л. 5-6.
[103] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2247. Л. 3, 30; Там же. Д. 2244. Л. 6; Там же. Д. 865. Л. 155-156 и др.

ветхим и требующим капитального ремонта (ст. 46-53). В случае, если было решено, что здание требует ремонта или вовсе ветхое и угрожает обвалом (заметим, что с 1917 года многие церкви, в лучшем случае не ремонтировались, не говоря уже о повсеместных разграблениях, разрушениях и поджогах – *В.Б.*), то «районному исполкому или сельскому совету предоставлялось право предложить исполнительному органу религиозного объединения или представителю группы верующих временно, вплоть до осмотра здания специальной технической комиссией, прекратить в нем устройство богослужений и собраний верующих»[104]. Порой цифры, обозначавшие цену восстановления храма, были чрезмерно велики.

Решение технической комиссии являлось обязательным для исполнения. Закрыть церковь в такой ситуации официально могли в двух случаях: либо, если заключение комиссии предписывало церковь ремонтировать, а религиозное общество отказывалось производить ремонт; либо, если комиссия решала, что здание подлежит сносу, и в таком случае договор с объединением о пользовании церковью, естественно, расторгался. В случае, когда молитвенное здание сносили, весь строительный материал, оставшийся после сноса, шел на продажу или на постройку общественных зданий.

Для некоторых религиозных объединений невозможность произвести требуемый ремонт или оплатить его становилась непреодолимой проблемой, приводящей к изъятию храма. Церковь могли закрыть и из-за невозможности ремонта колоколен: «Если специальной технической комиссией признается, что состояние колоколен таково, что без производства ремонта они угрожают обвалом, религиозным обществам, в пользовании которых находятся молитвенные здания, должно быть предложено произвести в назначенный срок требующийся ремонт или принять иные меры для предотвращения могущих быть несчастных случаев. При невыполнении предъявленного требования, следует войти с ходатайством о расторжении договора, сняв

[104] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 243.

колокола, если дальнейшее нахождение их на колокольне угрожает опасностью. Если церкви не находятся в пользовании религиозного общества, колокола, в указанном выше случае должны быть сняты распоряжением райисполкома»[105].

Расписав практически по шагам возможные варианты существования общин верующих, государство во многом их ограничило, очертило рамки деятельности. Сами формулировки отдельных статей выражают подобный настрой: «Учет религиозных обществ, а также групп верующих в пределах соответствующей территории производится органами, регистрирующими религиозные объединения» (ст. 62)[106]; «Надзор за деятельностью религиозных объединений … возлагается на регистрирующие органы, причем в сельских местностях этот надзор возлагается также и на сельские советы» (ст. 64)[107].

Постановление «О религиозных объединениях» воспринималось энтузиастами на местах как призыв к повсеместному закрытию церквей, хотя в нем нет прямого призыва к этому. При этом целый ряд статей постановления, напрямую или косвенно, касаются вопросов ликвидации и сноса молитвенных зданий, хотя в соответствии с законом это возможно было либо в случае добровольного отказа религиозных объединений от церкви по определенным причинам, либо в случае невыполнения религиозным объединением условий договора на пользование церковью, а также в случае, если церковь считалась действующей, но не находилась в пользовании какой-то определенной общины верующих.

Тем не менее, на местах закрытие церквей часто проходило без соблюдения детальной процедуры, описанной в постановлении и законодательно ограждавшей от стихийности в данном вопросе. На практике постановление от 8 апреля 1929 года было воспринято на местах совершенно иначе – как призыв к немедленному действию, что вначале заставит центр

[105] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 11.
[106] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 246.
[107] Там же.

пойти на уступки местным властям и упростить процедуру ликвидации храмов, а затем, в связи с усилившимся возмущением верующих, на время ослабить антирелигиозную политику[108].

В целом, нельзя сказать, что постановление «О религиозных объединениях» внесло что-то принципиально новое в религиозную политику, скорее оно систематизировало все существовавшие до него инструкции и циркуляры. Это был своего рода кодификационный акт, содержащий, правда, некие существенные отступления в отношении церкви и верующих. Отступления эти «тесно связаны с социально-политической и экономической обстановкой»[109]. «Разрядка», имевшая место в отношениях между церковью и властью во времена нэпа, сменилась жесткой политикой конца 1920-х годов.

Вслед за принятием постановления «О религиозных объединениях», 10 апреля 1929 года *НКФ СССР* публикует циркуляр №398 *«О порядке обложения местным налогом зданий, предназначенных для богослужебных целей»*[110]. По этим правилам устанавливалось, что молитвенные здания, находящиеся в пользовании верующих, «подлежали обложению местным налогом со строений как в городской, так и в сельской местностях», стоимость налога определялась расценками Госстраха, и предполагала учёт лишь стоимости самих зданий без оборудования и культового имущества[111]. В случае неуплаты налога в течение двух месяцев (не ранее), местные финансовые отделы получали право на возбуждение ходатайства перед исполкомами о расторжении договоров с общинами на пользование церковными зданиями.

11 апреля 1929 года НКВД РСФСР принимает постановление №123 *«Об использовании помещений религиозными объединениями»*, которое закрепило все принципы изъятия молитвенных зданий. Небольшой в объеме текст заключал в себе три направления по сокращению возможностей

[108] Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 191-199.
[109] Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917-1941). Хабаровск, 2002. С. 84-85.
[110] Известия НКФ СССР. 1929. №28/395.
[111] Там же.

религиозных объединений во владении церквями:

1) в городах запрещалось использование жилых помещений под собрания религиозных объединений. В случае такого пользования при наличии договора, Горсоветы имели право отменить его по суду, «независимо от того, на какой срок был заключен договор»[112];

2) молитвенные здания могли передаваться верующим разных течений, «путем разделения здания на два или поочередного использования»[113];

3) помещения для молитвенных собраний могли производиться только «после его осмотра санитарно-технической комиссией, образуемой городским советом, районным или волостным исполнительным комитетом»[114].

Таким образом, законодательно закрепилась практика выселения молитвенных домов из жилых помещений (а также признание любых собраний верующих в жилых помещениях, или кажущихся таковыми, – незаконными, контрреволюционными), слияния общин верующих в стенах одного церковного здания (в ходе такого стравливания нередко назревали конфликты верующих и их разобщение), а также повальной оценки церквей санитарно-техническими комиссиями, как ветхих и угрожающих обвалом.

Практически сразу после принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР, 18 мая 1929 года XIV Всероссийский Съезд Советов изменил формулировку статьи четвертой Конституции РСФСР 1925 года, в которой ранее существовавшее равенство религиозной и антирелигиозной пропаганды сменилось главенством только пропаганды антирелигиозной и полным запретом первой: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за

[112] Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. №15.
[113] Там же.
[114] Там же.

всеми гражданами»[115]. Такой поворот означал на деле не только прекращение возможности религиозной пропаганды, как таковой, но теперь к пропаганде приравнивались и проповеди, являющиеся неотъемлемой частью церковного богослужения и звучавшие на темы, беспокоящие паству. Любой священник мог быть объявлен контрреволюционером.

Отметим ещё некоторые документы, лишавшие священников тех прав, которые они имели ранее, в том числе и гражданских. 8 июня 1929 года Народный комиссариат труда (НКТ) СССР циркуляром №188 *«О нераспространении законодательства о труде на лиц, обслуживающих религиозные культы»* лиц, «обслуживающих всякого рода религиозные культы вне зависимости от форм обслуживания, хотя бы получающих вознаграждение (например: певчие, регенты, псаломщики, канцелярские работники в Церковных советах и т.д.)»[116], освобождал от социального страхования и распространения на них закона о труде, работников этой категории лишили стажа и последующих пенсий. Исключение составили сторожа и истопники, лица, занятые строительством и ремонтом зданий и помещений религиозного культа, и учителя, преподававшие в дореволюционное время в церковных школах, если они преподавали также и нерелигиозные предметы[117]. Иными словами, служители культа ещё по одной позиции объявлялись лишенными гражданских прав, а также косвенно повышался возрастной ценз обслуживающего персонала религиозных общин, т.к. пенсионерам (в плане будущего пенсионного страхования) терять было нечего.

К тому же циркуляром №341 НКВД РСФСР *«Об ответственности служителей культов за совершение религиозных обрядов до регистрации соответствующих событий в органах ЗАГС»* от 14 октября 1929 г. священникам запрещалось производить обряды венчания над лицами, не достигшими брачного возраста, а также выдавать справки о совершении

[115] Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991): материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М., 1995. С. 311.
[116] Труд. 1929. №146. 29 июня.
[117] Там же.

обрядов крещения, обрезания, погребения, венчания и т.д.[118] Нарушение этих правил каралось ст. 125 Уголовного кодекса: «Присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц», – и каралось принудительными работами на срок до 6 месяцев или штрафом до 700 рублей[119].

Западная область официально отреагировала на изменения в религиозной политике государства лишь спустя три с половиной месяца после принятия постановления «О религиозных объединениях». Вероятно, столь длительная отсрочка связана с отвлечением руководства региона на реорганизацию Смоленской и ряда других губерний в Западную область, что происходило как раз в первой половине 1929 года. И именно на первом заседании бюро Западного обкома ВКП(б) 26 июля 1929 года в ряду первоочередных вопросов стало рассмотрение вопроса и принятие резолюции *«О состоянии религиозных организаций в Западной области и борьбе с ними»*[120], что со всей очевидностью свидетельствует о важности этого вопроса для губернской партийной номенклатуры. До этого вопрос «О религиозном и сектантском движении» вносился в повестку дня заседаний Оргбюро ЦК ВКП(б) Западной области (высший орган руководства на этапе формирования Западной области) два раза: 14 июня 1929 года он значился в первом пункте протокола №18 «О созыве закрытого заседания бюро…»[121], которое решено было созвать 22 июня текущего года, и 22 июня в протоколе №18-б Закрытого заседания бюро Оргбюро ЦК ВКП(б) Западной области – решено «поручить т.т. Щукарю и Залину на основе доклада написать проект резолюции»[122].

Постановление бюро Запобкома ВКП(б) от 26 июля определяло, как основную задачу для партийных организаций области, немедленное

[118] Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. №38.
[119] СЗ. 1926. № 15. ст. 106.
[120] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 108. Л. 1, 3-4.
[121] Там же. Д. 39. Л. 1.
[122] Там же. Д. 27. Л. 27.

противопоставление антирелигиозной пропаганды православному и сектантскому влиянию. Причем, вестись эта работа должна была в форме борьбы, что следует даже из названия постановления. Предусматривалось увеличение бюджета Союза воинствующих безбожников и окружкомов ВКП(б) под антирелигиозные нужды за счет средств партпросвещения. От «антирелигиозников» требовалось если не подавить религиозные настроения, то хотя бы углубить существующий раскол между *тихоновцами и обновленцами*, с поддержкой лояльных к власти последних.

В части закрытия церквей резолюция предписывала ликвидировать молитвенные здания «только после тщательного учета настроений всех слоев населения, при абсолютной гарантии от эксцессов, массовых недовольств»[123]. Заметим, что в декабре 1929 года на заседании бюро Запобкома ВКП(б) (протокол №26 от 10 декабря 1929 г.) в июльскую резолюцию были внесены дополнительные положения, смягчившие некоторые её довольно резкие формулировки. Таких «исправлений» насчитывается пять. Так, например, было предложено вместо: «В связи с обострением классовой борьбы, вследствие нашего наступления на капиталистические элементы в городе и деревне, усилилась контр-революционная деятельность церковных и сектантских организаций, *которые по сути дела превратились в политические организации нэпманов, кулаков и др. враждебных элементов*», – читать: «которые по сути дела все более использовываются, как политические организации нэпманами, кулаками и другими враждебными элементами» [выделения в тексте перенесены из источника – *В.Б*][124]. Или другой пример смены формулировок уже не по отношению к общинам верующих, а к оценкам политической ситуации: «вместо: “За последнее время, *впоследствие наших хозяйственных затруднений*” – читать: «впоследствие роста в первые годы НЭПа», капиталистических элементов, слабой массовой работы распада православной церкви и кулацкой агитации, по области усилился рост сектантства, особенно баптистов и

[123] Там же.
[124] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 159. Л. 7.

евангелистов»[125].

Но вернемся к ситуации весны-лета 1929 года. Количество закрытых храмов, в том числе храмов, закрытых без желания верующего населения в связи с антирелигиозным напором резко возросло, равно как и недовольство верующих. Чтобы волнения на религиозной почве не захлестнули деревню, 5 июня 1929 года под грифом «Совершенно секретно» последовал циркуляр ЦК ВКП(б) *«О тактичном подходе в деле закрытия церквей»*, подписанный В.М. Молотовым.

В циркуляре красной нитью проходит мысль о разделении сфер ведения в антирелигиозной работе между центральной и местной властями. Первая часть документа говорит о переоценке провинциальными властями роста антирелигиозного движения, о формальных ликвидациях молитвенных зданий без соблюдения соответствующих процедур и, вследствие этого, подорванном авторитете советской власти по вине местных администраторов: «Подобное проведение закрытия церквей ничего кроме вреда не приносит, т.к., с одной стороны, настраивает против партии и советской власти массу верующих из рабочих и крестьян даже в тех случаях, когда верующие поддерживают общую нашу политику, а с другой стороны – создает благоприятную почву для усиленной агитации кулачества, попов и т.п. элементов»[126].

Разъяснив сложившееся положение и осудив подобные действия, вторая часть циркуляра предписывала «основное и решающее внимание уделять идеологической борьбе с религиозными предрассудками, не подменяя её административными мероприятиями», «при закрытии церквей опираться на общественное мнение и решение подавляющего большинства граждан данного района», «запретить аресты так называемого “религиозного характера”, поскольку они не связаны с явными контрреволюционными деяниями служителей церкви и верующих»[127]. В случае нарушения

[125] Там же.
[126] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4014. Л. 69.
[127] Там же.

вышеуказанных директив, виновных ожидала «судебная и партийная ответственность»[128]. Но, как отмечает исследователь И.А. Курляндский, «не создавалось вместе с тем никакого механизма пересмотра таких решений о закрытии или ответственности лиц за безобразия на местах. Партийный указ оставался как в этом, так и в других отношениях, декларативным документом»[129]. Историк резюмирует: «…декларативный документ, не подкрепленный действенным механизмом исполнения и контроля (так, в нем отсутствовали соответствующие поручения советским ведомствам), был … вызван не заботой власти об интересах верующих, а конъюнктурной политической задачей: временно “окоротить” рвение местных начальников и антирелигиозных активистов, чтобы уменьшить народные волнения, катализируемые кампанией государства по насильственным хлебозаготовкам, то есть развязанной сталинистами новой атакой на зажиточные слои деревни, на “кулака”»[130].

Циркуляр ЦК ВКП(б) всем своим текстом свидетельствовал об имевшем место обострении ситуации вокруг религиозной темы. Тем более, что шла подготовка к очередному съезду Союза безбожников.

За несколько дней до начала съезда, 7 июня 1929 года в газете «Комсомольская правда», ставшей «инициатором критики форм и методов ЦС СБ, ячеек безбожников на местах, которые она осуждала за примиренческое отношение к религии»[131], вышла статья «На поводу примиренческого отношения к религии (Идеологические ошибки в работе союза безбожников)» под авторством М. Галактионова, бывшего работника Московского совета СБ, ставившая «под сомнение правильность курса и методов работы этой организации», упрекавшая ЦС СБ «в отсутствии классового подхода в его деятельности, в примиренчестве в отношении религии, в “правом уклоне”»[132]. За день до открытия съезда нападки на СБ

[128] Там же.
[129] Курляндский И.А. Указ. соч. С. 357.
[130] Там же. С.358.
[131] Алексеев В.А. Указ. соч. С. 295.
[132] Там же. С. 295-296.

повторились публикацией статей А. Лунина «Ошибочные теории» и Ан. Николина «Враги не дремлют»[133].

II Всесоюзный съезд Союза безбожников проходил в Москве с 10 по 15 июня 1929 года (первый – в апреле 1925 года), и партия «возлагала на него большие надежды в целях усиления антирелигиозного движения»[134]. Второй съезд СБ «отражал размах развернутого партией антирелигиозного движения в стране и выглядел весьма представительно: 956 делегатов с мест от коммунистов и беспартийных (на I съезде безбожников в 1925 г. было всего 100 делегатов), представители 37 национальностей и народностей СССР»[135].

На съезде четко прослеживались две линии мнений по отношению к антирелигиозной работе – тактичная и радикальная. Среди наиболее ярких выступлений на съезде можно отметить доклад тогда ещё члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина «Реконструктивный период и борьба с религией», в котором автор «призвал членов СБ, коммунистов, комсомольцев не искать среди религиозной массы, которой в стране было большинство, “контрреволюционные заговоры”, а развернуть “усиленную, умную борьбу с религиозными предрассудками”, и прежде всего на “культурном фронте”»[136]. С подобным обращением выступил и председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин, подчеркнувший, что «в борьбе с религиозными предрассудками мы должны особенно осторожно прибегать к административным методам воздействия. Мы не должны забывать о массах трудящихся, которые, к сожалению, продолжают оставаться верующими… В антирелигиозной борьбе должна быть проявлена исключительная гибкость…»[137]. Как отмечает В.А. Алексеев, «возобладал именно “волевой”, административный подход под видом “классового”. Всякие отступления от этой линии стали признаваться оппортунистическими, “правым уклоном” и т.д.»[138]. Был определен курс на повсеместное усиление антирелигиозной работы,

[133] Там же. С. 296.
[134] Курляндский И.А. Указ. соч. С. 367.
[135] Там же. С. 368.
[136] Алексеев В.А. Указ. соч. С. 301.
[137] Там же. С. 300-301.
[138] Там же. С. 303.

безбожники стали именоваться воинствующими, среди прочих решений был принят новый устав Союза.

В Западной области первый областной съезд СВБ состоялся в начале ноября 1929 года. Доклады на съезде сопровождались, в основном, привычным самобичеванием по вопросу слабой антирелигиозной работы в области, недостатка средств и кадров и т.п. Все решения съезда были оформлены в единую резолюцию, и уже 30 ноября на заседании секретариата Запобкома ВКП (б) (протокол №13) рассматривался вопрос об «утверждении резолюции, принятой на областном съезде безбожников «О задачах антирелигиозной работы в области», на котором решено было принятие резолюции отложить для доработки[139]. Окончательно документ был принят на следующем заседании секретариата 16 декабря 1929 года (протокол №14).

Основная мысль резолюции – меры помощи СВБ и меры антирелигиозной борьбы глазами СВБ. В первых двух частях (из трёх) в традиционном для нормативно-правовых актов 1920–1930-х годов духе рассматриваются успехи и неудачи безбожников. Характер изложения в документе радикальный, не оставляющий места альтернативам: «успехи социалистического наступления вызывают бешеное сопротивление капиталистических элементов в городе и деревне и обострение классовой борьбы на всех участках социалистического строительства. На этом общем фронте классовой борьбы все без исключения религиозные организации являются контрреволюционной агентурой кулака и нэпмана и использовываются последними в происходящей классовой борьбе»[140]. Заметим – «все без исключения»; если «религиозник», значит контрреволюционер.

Что немаловажно – в резолюции указаны формы «контр-революционной работы церковных и сектантских организаций»[141] глазами членов СВБ и Западного обкома партии. Таковых в тексте прослеживается

[139] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 180. Л. 74.
[140] Там же. Д. 181. Л. 9.
[141] Там же.

четыре: 1) «срыв важнейших политических кампаний и мероприятий партии и советской власти при проведении социалистического строительства (борьба против колхозного строительства, против хлебозаготовок, подрыв культурного строительства и т.д.)»; 2) «нелегальные группировки, ставящие своей целью борьбу за свержение советской власти и восстановление монархии»; 3) «втягивание рабочих и батрацко-бедняцких слоев крестьянства в церковные советы»; 4) «проникновение церковно-сектантского актива в советские, профессиональные, кооперативные организации и их выборные органы с целью подрыва деятельности этих организаций в деле социалистического строительства»[142]. Таковы примерные представления о формах, а скорее видах религиозного сопротивления в восприятии местной власти в конце 1929 года.

Кроме этого, областной СВБ признавал факт преодоления церковного раскола в среде верующих: «В самом лагере церковников господствующую роль играют тихоновцы при очень заметном спаде роли обновленцев. Растут тенденции к восстановлению единого церковно-религиозного фронта»[143]. Для исправления создавшейся ситуации директивно предлагался ряд мер, которые можно объединить в несколько больших групп: увеличение массовости в СВБ, укрепление материальной базы, расширение пропаганды в печати, в школах, в повседневности. Также сообщалось, что съезд принял «вызов Белорусской организации СВБ на социалистическое соревнование между Западной областью и Белорусской ССР»[144].

1 октября 1929 года НКВД РСФСР опубликовал инструкцию № 328 *«О правах и обязанностях религиозных объединений»*[145], которая выполняла функцию разъяснительного документа к постановлению «О религиозных объединениях», поэтому не станем слишком подробно останавливаться на её содержании. Отметим лишь, что в Инструкции подробно описывались цели и состав религиозных объединений, пути образования и расходования их

[142] Там же.
[143] Там же. Л.10.
[144] Там же. Л.13.
[145] Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. № 37.

средств, порядок деятельности исполнительных органов, проведение шествий и церемоний религиозных объединений и основания для ликвидации общин верующих.

С началом 1930 года ряд законодательных и нормативно-правовых актов резко усложнили жизнь и без того зажатых в правах верующих. 5 января 1930 года вышел циркуляр № 195 Наркомфина СССР *«О налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий»*[146], в котором шла речь о порядке взимания с религиозных обществ налога со строений и земельной ренты. Согласно циркуляру, «молитвенные здания, предоставленные в бесплатное пользование религиозным обществам, подлежат обложению местным налогом со строений как в городских поселениях, так и в сельских местностях на общих основаниях, по ставке, установленной в данной союзной республике для обложения прочих строений», что не стало новым в налоговой политике относительно общин верующих[147], достаточно вспомнить хотя бы циркуляр № 398 НКФ СССР от 10 апреля 1929 г. Предпосылки к тому, чтобы передать вопросы установления налоговых ставок на строения союзным республикам, сложились ещё летом 1929 года, когда 19 августа ВЦИК РСФСР принял поправки в *«Положение о местных финансах РСФСР»*[148], призванные установить относительную самостоятельность местных советов в формировании собственных бюджетов. Ориентируясь на это положение, 2 января 1930 года Президиум Запоблисполкома постановил: «…установить на 1929/30 год на территории Западной области взимание нижеследующих местных налогов и сборов, и надбавок к государственным налогам, пошлинам и сборам», которые для религиозных обществ обернулись ставкой налога со строений, «предназначенных для целей религиозного культа (молитв. зданий), с обслуживающими их постройками», в размере ½ % материальной стоимости

[146] Бюллетень НКВД РСФСР. 1930. №11.
[147] Там же.
[148] СУ РСФСР. 1926. № 92. ст. 668.

строения[149]. Для сравнения на постройки, «предоставленные жилищным кооперативам всех видом, а также жилищным товариществам и домовым трестам», налог исчислялся в размере не свыше ¼ материальной стоимости строения[150]. На деле, ставки налога со строений для молитвенных зданий выросли в разы.

Но циркуляр №195 НКФ СССР важен и своими положениями относительно ставок земельной ренты для молитвенных зданий: «В городских поселениях, а равно в рабочих и дачных поселках, если в них установлено взимание ренты, земельные участки под молитвенными зданиями, предоставленными в бесплатное пользование религиозным объединениям, во всех случаях привлекаются к взиманию ренты на общих основаниях по ставке, установленной законом для соответствующего класса населений в отношении земель, занятых жилыми домами, вне зависимости от того, в каком районе поселения расположены эти здания. Взимание арендной платы за означенные здания и занятые ими земельные участки как в городских поселениях, так и в сельских местностях, не разрешается»[151]. Вопреки закрепившемуся в литературе мнению о том, что выход этого циркуляра ещё более усугубил положение верующих, напомним, ранее ставка ренты за земли, занятые молитвенными зданиями и прилегающие к ним, приравнивалась к ставке за земли, занятые торговыми помещениями, и являлась самой высокой. Так, по ставкам, принятым для Смоленской (Западной) области 6 мая 1929 года, для торговых помещений земля стоила 80 коп. за квадратный метр, а для жилых построек двух и более этажей – 15 копеек[152]. Спустя полгода, эти же ставки на 1928-1929 гг. были подтверждены на очередном заседании Президиума Западного облисполкома 11 декабря 1929 года: «Установить ставку ренты в размере 80 коп. за кв. метр за земельные участки как занятые строениями, предназначенными для целей религиозного культа (молитвенными домами) и обслуживающими

[149] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 37. Л. 118 об. -119.
[150] Там же.
[151] Бюллетень НКВД РСФСР. 1930. № 11.
[152] Рабочий путь. 1929. № 104. 11 мая.

означенные строения постройками, так и за участки, незанятые, но находящиеся в пользовании религиозных обществ»[153].

Но в связи с циркуляром НКФ № 195 Запоблисполком был вынужден срочно перестроить свою налоговую политику. На заседании Президиума облисполкома 26 января 1930 года был принят новый порядок расчета земельной ренты за участки, находящиеся в пользовании религиозных обществ: «1. Установить на 1929/30 г. взимание ренты с земучастков под зданиями религиозных культов и под строениями, обслуживающими эти здания, по ставке, установленной законом для соответствующего класса поселений в отношении земель, занятых жилыми домами и надворными при них постройками, а с незастроенных участков, находящихся в пользовании религиозных обществ, - по ставке, установленной тем-же законом для земучастков под дворами… 2. Распространить указанные в п.1 ставки ренты на 1928/29 б. г.»[154].

Вслед за циркуляром НКФ, 28 февраля 1930 года был издан циркуляр № 769 *«О порядке страхования имущества религиозных объединений»*, гласивший о смене с 1 февраля текущего года порядка расчета страховых платежей за молитвенные здания, «исходя из их действительной (с учетом амортизации) стоимости, а не восстановительной»[155]. Опять же, налицо смягчение налоговой политики в церковной сфере и попытки её упорядочения, ведь взыскание страховых платежей по действительной стоимости – это постоянный учёт страховщиком степени износа здания и, следовательно, вычет соответствующего процента за износ из восстановительной стоимости. Тогда как, оценка по восстановительной стоимости означала оценку здания как нового строительства с учетом расходов планирования, конструирования и расчета стоимости материала. Также, с 1 февраля запрещено было взыскивать страховые премии за движимое церковное имущество и взыскивать недоимки за церкви лично с

[153] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 37. Л. 107-107 об.
[154] Там же. Л. 154 об.-155.
[155] Бюллетень НКВД РСФСР. 1930. №11.

членов общин и служителей культа, что и ранее было запрещено постановлением «О религиозных объединениях», но, видимо, в силу сложившейся практики, было продублировано в новом циркуляре.

При этом, в дополнение к детально проработанной к началу 1930 года «специальной» нормативной базе для антирелигиозной работы, главным в антицерковной борьбе начала 1930-х годов станет постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года *«О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»*.

Религиозному вопросу в постановлении отведен лишь один пункт в четвертой части документа, «Особых постановлениях», гласивший о полном пересмотре законодательства о религиозных объединениях «в духе полного исключения какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений (церковные советы, сектантские общины и проч.) в опорные пункты кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов»[156]. Новая директива затрагивала два направления: закрытие церквей и молитвенных домов и борьбу с религиозным и сектантским движением «в целях устранения тормозов в соваппарате, мешающих проведению в жизнь принятых подавляющей массой крестьянства решений о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и т. п.» (при этом особая осторожность в проведении мероприятий требовалась лишь от властей отсталых национальных районов)[157]. По сути, постановление провозгласило бескомпромиссную борьбу с церковью.

На следующий день, 31 января 1930 года на совместном заседании коллегии ОГПУ с полномочными представителями и руководящими работниками отделов ОГПУ о ликвидации кулачества (протокол №2) было решено отнести активных церковников к первой и отчасти ко второй категории кулаков: «1. В первую категорию входит контрреволюционный кулацкий актив: члены контрреволюционных организаций, группировок,

[156] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С.126-130.
[157] Там же.

отдельные контрреволюционные идеологи, вдохновители контрреволюционных выступлений, авторитеты, активные кулаки с махровым контрреволюционным бандитским прошлым, проходящие по разработкам, а также антисоветский актив церковников и сектантов. …4. Во вторую категорию (выселяемые) должны войти наиболее богатые кулаки, бывшие помещики, полу помещики, местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется контрреволюционный актив, кулацкий антисоветский актив церковников и сектантов, в первую очередь в районах сплошной коллективизации и пограничной полосы»[158]. В приказе ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» от 2 февраля 1930 года активных церковников относят уже только к первой категории: «В первую очередь удар должен быть нанесен по активно действующим кулацким элементам первой категории: …3) Кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя»[159].

Новую идеологию указанного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «подхватила» и Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР. Как упоминалось выше, закон от 8 апреля 1929 года устанавливал длительную и сложную процедуру закрытия церквей. На очередном заседании Комиссии по вопросам культов 26 января 1930 года (протокол №6) вторым на повестке дня значился вопрос «Об изменении порядка закрытия церквей», по которому постановили: «Признать целесообразным изменение существующего порядка ликвидации молитвенных зданий. Окончательное решение предоставить Край и Облисполкомам, а для автономных республик, не имеющих деления на округа, оставить существующий порядок»[160]. Теперь не требовалось ждать разрешения Комиссии ВЦИК по вопросам ликвидации молитвенных зданий, – всё решалось на местах. Это значительно облегчало процедуру закрытия храмов, что повлияло на дальнейшие события.

[158] Там же. С. 152-155.
[159] Там же.
[160] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Вслед за Политбюро ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР 11 февраля 1930 года издают постановление *«О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений»*. Как утверждалось в документе: «В целях борьбы с попытками враждебных советской власти элементов использовать религиозные объединения в качестве опорных пунктов для ведения контрреволюционной работы», – было предложено при регистрации религиозных общин исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц» и «не допускать впредь проникновения в эти органы указанных лиц, систематически отказывая в регистрации религиозных объединений, при наличии упомянутых выше условий[161]. Дополнительно отмечалось, что постановление распространяется на все религиозные течения.

К весне 1930 года давление на церковь стало настолько сильным, что возмущение верующих начало выливаться в массовые протесты, дополняющие антиколхозные выступления. Власть отреагировала.

2 марта в газете «Правда» вышла статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой все неудачи и перегибы коллективизации и раскулачивания перекладывались на плечи местных властей, в том числе, и за массовое закрытие церквей: «Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, "революционерах", которые дело организации артели начинают со снятия с церквей колоколов. Снять колокола, – подумаешь какая революционность!»[162], – заключает Сталин.

И уже 10 марта на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (протокол №120) принимается постановление *«О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»*, один из пунктов которого затрагивал вопросы ликвидации церквей. Запрещалась административная ликвидация храмов и церквей, «фиктивно прикрываемая общественно добровольным желанием населения», закрытие храмов допускалось «лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как после

[161] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 68. Д. 118. Л. 8а.
[162] Правда. 1930. № 60.

утверждения соответствующих решений сходов областными исполкомами»[163]. Также была предусмотрена строжайшая ответственность «за издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян»[164]. 15 марта постановление было опубликовано в газете «Правда». Руководство страны списало массовое закрытие церквей на ошибки «ликвидаторов» кулачества и как бы шло тем самым на некоторые уступки верующим.

Выписка из протокола №120 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) была разослана всем обкомам и крайкомам, а оттуда и по окружкомам. Отдельный (третий) пункт письма обязывал партийные инстанции «выслушивать жалобы по религиозным делам и исправлять допущенные искривления и перегибы»[165]. Но это никак не означало пересмотра базовых установок антирелигиозной политики. Уже к апрелю за жесткими критическими призывами не допускать искривлений партлинии в церковном вопросе заметно другое: «Головотяпство с административным закрытием церквей, доходившее до грубого издевательства над религиозными чувствами крестьян, зачастую подменяло необходимую и умело организованную работу в массах против религиозных предрассудков»[166].

Трудности одновременного недопущения «левых перегибов» и продолжения активной борьбы с религией хорошо видны в работе секретариата Западного обкома ВКП(б) по антипасхальной кампании. Выступая против административных методов в вопросах закрытия церквей, снятия колоколов, обком ВКП(б) Западной области в апреле 1930 года следующим образом «уточнял» правила проведения кампании: 1) закрытые церкви обратно не открывать; 2) если церковь закрыта «в порядке администрирования местных организаций», то предоставить им «САМИМ ЖЕ исправить эту ошибку»[167]; 3) строго отличать «вожаков религиозного

[163] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.
[164] Там же.
[165] Там же. Л. 9.
[166] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 365-370.
[167] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 131. Л. 62.

движения» от «религиозной массы трудящихся»[168].

В конце 1930 года руководство Западной области вновь озаботилось проблемами Союза воинствующих безбожников. 16 октября на заседании секретариата Запобкома ВКП(б) (протокол №6) первым вопросом в повестке дня значился «О состоянии и работе союза безбожников», на котором специально образованной комиссии было поручено «в десятидневный срок представить на секретариат – на основе обмена мнений – проект постановления по этому вопросу»[169]. Уже 25 октября на очередном заседании секретариата (протокол №8) после обмена мнениями было решено переделать представленную резолюцию, окончательный вариант которой утвердили 5 ноября. Новая резолюция «О состоянии антирелигиозной работы в области», спустя год после принятия предыдущей аналогичной резолюции состояла примерно из тех же выводов и положений. Так же, как и год назад, отмечалось «явное ослабление работы на антирелигиозном фронте со стороны партийных, профсоюзных, комсомольских и др. организаций», особенно слабой признавалась работа «организаций СВБ и совершенно неудовлетворительна работа фракции Облсовета СВБ по выполнению директив партии и Облкома в деле развертывания массовой антирелигиозной пропаганды»[170]. Собственно говоря, так же, как и раньше, резолюция призывала к массовости и соцсоревнованию, развитию антирелигиозного воспитания, искусства и печати, усилению карательных мер к контрреволюционным церковникам. Союз воинствующих безбожников так и не стал ведущей организацией, способной выполнять столь ёмкие задачи.

Между тем, развитие индустриализации и поиск эффективных мер антирелигиозной борьбы побудили власти осенью 1930 года вплотную заняться колокольным вопросом. Ещё за год до этого, 15 декабря 1929 года на очередном заседании Секретариат ВЦИК РСФСР принял постановление *«Об урегулировании колокольного звона в церквах»*, в котором местным

[168] Там же.
[169] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 544. Л. 135.
[170] Там же. Л. 137 об.

исполкомам предоставили право регулировать колокольный звон на своих территориях: «В связи с новым распределением трудовых процессов в рамках непрерывной недели, выдвигающим по-новому вопрос о пользовании колокольным звоном для религиозных целей, предоставить право регулирования колокольного звона при отправлении культовых служб горсоветам и районным комитетам с правом обжалования соответствующих постановлений и РИКов до окрисполкомов включительно»[171]. 6 февраля 1930 года Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК первым вопросом на своём заседании рассматривает инструкцию о колокольном звоне и принимает её за основу, поручив «окончательное редактирование т. Смидовичу, Красикову и Тучкову»[172].

8 октября 1930 года ВСНХ СССР вносит в СНК СССР предложение о проведении изъятия колоколов в городах, «где колокольный звон запрещен»[173], в ходе которого планировалось изъятие «в квартале октябрь-декабрь 1930 года и в январе-июне 1931 не менее 25 тыс. тонн лома колоколов»[174]. 23 октября было готово пояснение Председателя СНК и СТО СССР А.И. Рыкова к директиве, в котором он писал: «…я считаю излишним издание в общесоюзном порядке специального закона, определяющего использование излишних церковных колоколов для нужд народного хозяйства», в связи с чем он призывал не придавать этому «политического значения и излишней огласки»[175].

Однако сразу вслед за этим последовало секретное постановление СНК РСФСР от 14 ноября 1930 года №122.877с, разосланное председателям краевых (областных) исполнительных комитетов, председателям СНК автономных республик и исполнительных комитетов автономных областей[176]. Постановление не имело заглавия, но всем своим содержанием чётко ознаменовало начало антиколокольной кампании. Кампании было отведено

[171] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 14. Л. 78.
[172] Там же. Д. 1. Л. 4.
[173] Там же. Д. 2. Л. 8.
[174] Там же.
[175] Там же. Л. 9.
[176] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 709. Л. 142-142 об.

два-три ближайших месяца, планировалось «провести из'ятие излишних колоколов» под предлогом «нужд нашей промышленности (в первую очередь для чеканки мелкой разменной монеты, которая до сих пор чеканилась из импортной меди)»[177].

Самый первый пункт документа предостерегал исполнителей от горячности: «Не придавая этому мероприятию значения политической кампании и излишней огласки, к выполнению поручения нужно приступить немедленно. При этом основное внимание следует обратить на то, чтобы техническая сторона всей этой операции была наиболее подробно разработана и проведена с таким расчетом, чтобы из'ятие колоколов прошло организованно и не носило демонстративного характера». Власти на местах призывались к скорейшему выполнению поставленных задач. Но одновременно предупреждались, что «это мероприятие не должно проводиться в таких формах, которые могли бы быть истолкованы, как боязнь осуществления этой меры и т.п. Одним словом, из'ятие излишних колоколов нужно произвести таким образом, чтобы, тщательно подготовившись к проведению этой операции, быстро и решительно ее закончить»[178].

Остальные пять пунктов документа разъясняли порядок снятия, разрезки и хранения колоколов. Изъятие «лишних» колоколов разрешалось проводить только в городах и рабочих посёлках. Причем если в том или ином городе колокольный звон был «запрещён вовсе», то изъятию подлежали абсолютно все колокола, а не только «излишние»[179]. Деревню предписывалось не трогать, опасаясь усиления волны протестов со стороны крестьян. Вновь следовал ряд указаний для наименьшего привлечения внимания верующих: «при снятии колоколов всячески следует избегать каких-либо громоздких сооружений (лесов и т.п.)»;[180] «К сбрасыванию колоколов с колоколен следует прибегать лишь в случаях самой крайней необходимости. Максимально необходимо использовать возможность

[177] Там же. Л. 142.
[178] Там же.
[179] Там же.
[180] Там же.

переноски и спуска колоколов по внутренним лестницам и проходам»;[181] «Снятые колокола необходимо убирать немедленно в закрытые склады; перевозка колоколов на эти склады должна быть обставлена таким образом, чтобы это не привлекало излишнего внимания населения»[182].

Проведение операции возложили на Рудметаллторг «при содействии коммунальных и административных органов», а «наблюдение за работами по снятию колоколов» – на административные отделы и ОГПУ. Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР Д.Е. Сулимов просит о ходе работы и об изданных распоряжениях на местах информировать его лично[183].

В документах высшего руководства Западной области лишь в одном протоколе засвидетельствован вопрос, связанный с этой кампанией – 20 ноября 1930 года на заседании бюро Запобкома ВКП(б) (протокол №32). При обсуждении вопроса «О колоколах» было решено создать комиссию по их снятию[184], что свидетельствует о включении области в эти мероприятия. Уже 8 июня 1931 года президиум Западного облисполкома принял постановление №661 «План заготовок металлолома на 1931 год», в котором среди прочих норм сдачи металлолома предприятиями области, было предложено «горсоветам области в месячный срок произвести регистрацию находящихся на кладбищах металлических могильных решеток и памятников, имеющих собственников /лиц, поставивших решетки или памятники или их право приемников/. Все бесхозяйные могильные металлические решетки и памятники, за исключением тех из них, которые поставлены на могилах выдающихся деятелей в области общественно-политической работы, революционного движения, науки, искусства, а также тех надгробных памятников, которые сами по себе представляют значительную историко-художественную ценность, передать “Металлому”»[185]. Так, под официальное обезличение попали и кладбища.

[181] Там же. Л. 142-142 об.
[182] Там же. Л. 142 об.
[183] Там же.
[184] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 506. Л. 103.
[185] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 933. Л. 85-86.

За 1929-1930 годы постановлений и инструкций надзорных органов (в основном, НКВД) в отношении религиозных объединений скопилось так много, что снова встал вопрос об унификации всех актов в единый. Поэтому 30 января 1931 года постановлением ВЦИК утверждается инструкция Постоянной Комиссии по вопросам культов *«О порядке проведения в жизнь законодательства о культах»*[186]. В новой инструкции рассматривались те же вопросы, что и в законе 1929 года, но с учетом последовавших новых директив. Это были вопросы о целях, составе, регистрации и ликвидации религиозных объединений; об образовании и расходовании средств; деятельности исполнительных органов, собраниях и шествиях; порядке пользования и отчуждения молитвенных зданий и церковного имущества; отчетности, учёте и надзоре за общинами верующих. Так, были внесены вопросы переноса молитвенных зданий, – это было возможно в тех случаях, «когда об этом ходатайствуют сами верующие, пользующиеся молитвенными зданиями, или же когда о переносе здания ходатайствует большинство местного трудящегося населения»[187] (п. 69). На каждое религиозное объединение теперь положено было заводить индивидуальное дело с копией свидетельства о регистрации, списками учредителей, членов исполнительного органа, ревизионной комиссии, служителей культа, договором на пользование молитвенным зданием, описью культового и обиходного имущества и прочими документами[188].

В связи с появлением новой инструкции многие нормативно-правовые акты 1929-1930 годов утратили силу, например, вышеупомянутые циркуляр НКВД и НКЮста от 11 апреля 1929 г. №123 «Об использовании помещений религиозными объединениями», постановление НКВД от 1 октября 1929 г. №329 «О регистрации религиозных объединений», инструкция НКВД №328 от 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений» и

[186] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
[187] Там же.
[188] Там же.

др.[189]

30 мая 1931 года Президиумом ВЦИК было утверждено новое положение о Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР, ее работа строилась по-новому.

Неразбериха с новыми страховыми оценками, с дополнительными поборами с религиозных объединений побудила Комиссию 3 февраля 1931 года принять постановление *«Об обложении молитвенных зданий и служителей культа»*[190]. По сути, это было возвращение к нормам страховых оценок 1928-1929 годов, к периоду «после» начала новой антирелигиозной политики и «до» многократного повышения оценок молитвенных зданий летом 1930 года.

Согласно постановлению, для религиозных объединений было оставлено три вида платежей: страховая премия, налог со строений и земельная рента. Все ставки возвращались на уровень 1928-1929 годов, и, рента за землю под церковными строениями так же, как и в циркуляре №195 от 5 января 1930 года, приравнивалась к плате за земли «под жилыми домами и постройками»[191]. Комиссия, не будучи ещё всесоюзным органом религиозной политики, при всём желании не справлялась с регулированием ситуации, видимо, поэтому так часто приходилось дублировать старые установки новыми постановлениями.

Нельзя сказать, что постановление внесло что-то принципиально новое по сравнению с законом «О религиозных объединениях» 1929 года, который закрепил основные положения финансовых взаимоотношений верующих и государства, но 1929 и 1930 годы показали, что к установленным законом налогам добавились новые (промысловый, авторский, самообложение и т.п.), ставки возросли в разы, а вместе с тем и негодование верующих крестьян. «Взимание с религиозных обществ каких-либо других налогов или обязательных платежей, кроме страховых премий, налога со строений и

[189] Там же.
[190] Там же. Л. 14.
[191] Там же.

земельной ренты, не допускается»[192], – определялось постановлением. «В частности, религиозные общества не могут быть привлекаемы к обложению ни промысловым, ни подоходным, ни сельскохозяйственным налогом, и к самообложению»[193].

Отмечалось также, что так как «религиозные общества не имеют права помещать собираемые ими добровольные пожертвования в процентные бумаги», то «приобретение ими облигаций государственных займов не разрешается»[194]. Случаи вынужденного приобретения госзаймов были нередки, иногда руководство общин верующих буквально принуждали покупать облигации под страхом закрытия церкви.

В целом, если 1929 и 1930 годы были годами «бешеных скачков», как в области сельского хозяйства, так и в религиозном вопросе, то 1931 год стал годом осмысления и своего рода либерализации церковного законодательства. Судить об этом можно, в первую очередь, по нормативно-правовым актам, принимаемым всё той же Культовой комиссией – они направлены на возврат к нормам 8 апреля 1929 года, к установлению баланса между ожиданиями центра и действиями провинции. Например, постановление от 30 мая 1931 года, принятое сразу после переформирования Комиссии, «Об утверждении положения о постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов», установившее грань между компетенцией центральных и провинциальных комиссий, а главное – комиссий внутри самих провинций (краевых и областных, городских и районных)[195].

Местные республиканские и областные комитеты посылали в Комиссию по вопросам культов свои предложения по урегулированию церковной политики, отмечая тем, скорее свою участливость и революционность, нежели острую нужду в преобразованиях. Так, например, в протоколе Комиссии от 25 мая 1932 года есть предложение «Об

[192] Там же.
[193] Там же.
[194] Там же.
[195] СУ РСФСР. 1931. № 27. ст. 248.

инвентаризации земельных участков, занятых молитвенными зданиями», внесенное Западным облисполкомом, с поручением Наркомхозу «разработать инструкцию по инвентаризации земельных участков, занятых молитвенными зданиями и внести таковую на рассмотрение комиссии»[196]. Много подобных предложений от других исполкомов и комитетов страны.

Так, в течение нескольких лет формировалось и изменялось законодательство о религии, чутко реагирующее на потребности дня. В зависимости от реальной ситуации, законы либо усиливали нажим, либо в чем-то уступали верующим. Антирелигиозная политика советского государства как бы лавировала между желаниями руководства страны максимально ограничить права Церкви и сохранить хотя бы внешнее равновесие интересов разных слоев населения деревни.

[196] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.

§ 2.2. Антирелигиозная кампания 1929-1931 годов и её воплощение в провинции

В антирелигиозной работе рубежа 1920-1930-х годов историки выделяют два основных направления: идеологическое и административное[197]. Это в целом соответствует официальным документам по антирелигиозной политике данного периода. Одновременно реализовывались задачи по перевоспитанию верующего населения и экспроприации церковного имущества.

Основные методы антирелигиозной работы определялись циркуляром ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 года «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В нем расписан круг обязанностей партийных и советских органов власти, общественных организаций, привлечённых к делу борьбы с религией, по всем видам антирелигиозной работы. С определенной долей условности их можно сгруппировать по следующим направлениям:

1. *Партийные и комсомольские органы*: общее руководство и пропаганда кампании.

2. *Фракции Советов (исполкомы)*: разработка мероприятий по использованию монастырей для хозяйственных целей.

3. *Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос)*: антирелигиозная подготовка и переподготовка учителей, антирелигиозные чтения в школах, техникумах, вузах.

4. *Главный политико-просветительный комитет (при Наркомпросе)*: организация изб-читален, народных домов, тимирязевских и

[197] Шимон И.Я. …Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920-1930-е годы). Дубна, 2002. С. 39.

антирелигиозных музеев и кабинетов, библиотек, чтение лекций, кино и радио передвижки.

5. *Главное управление по делам художественной литературы и искусства (при Наркомпросе)*: антирелигиозные театры, пьесы, беллетристика, живопись и другие художественные произведения богоборческого характера.

6. *Комитет по делам печати при СНК РСФСР, Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе и Госиздаты*: прекращение издательства произведений с ярко выраженными религиозными и мистическими тенденциями (если классическая литература, то допускалось издание ограниченными тиражами), особое внимание на перевод и издание антирелигиозной литературы для детей и юношества, снабжение бумагой только безбожных издательств.

7. *Народный комиссариат внутренних дел и Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР*: не допускать нарушения советского законодательства «религиозниками», полностью изъять «от церковников» школы, суды, акты гражданского состояния.

8. *Профсоюзы*: борьба с религиозностью рабочих.

9. *Кооперации и колхозы*: овладение вегетарианскими столовыми и другими объединениями кооперацій верующих.

10. *Кустарно-промысловый союз*: внедрение новых кустарных промыслов на территориях развития религиозных промыслов.

11. *Добровольные общества*: уделить внимание антирелигиозной пропаганде.

12. *Советские и хозяйственные организации*: запрет обслуживания антирелигиозных праздников.

Вышеперечисленные сферы ответственности государственных органов со всей очевидностью свидетельствуют о том, что идеологически эта кампания представляла собой «битву за умы»[198], а ее административная составляющая явилась ничем иным, как «яростным наскоком на деревню»[199].

Все законодательные и подзаконные акты официально призывали к лояльности и предостерегали от административного подхода в антирелигиозной работе, хотя и содержали порой откровенные призывы к закрытию храмов, изъятию имущества религиозных обществ и раскулачиванию церковников. Такие установки зачастую шли под грифом «Совершенно секретно» или «Не подлежит оглашению», поэтому эта сторона антирелигиозной работы носила теневой, секретный характер, на деле выливаясь в голое администрирование, за которое обвиняли потом местные власти. Это подтверждается многочисленными протоколами, письмами, циркулярами: заведомо резкие и агрессивные по отношению к Церкви указания приобретали характер закрытых.

Юридические манёвры договорных и финансовых отношений власти и религиозных общин (налоговое давление в виде дополнительных платежей, завышения в разы страховых платежей, формальное невыполнение условий договора, отказ в регистрации религиозного объединения), раскулачивание священника или доведение его до отказа от сана, ветхость молитвенного здания под снос и т.п. – это далеко неполный список популярных в конце 1920-х годов административных мер борьбы с религией.

При этом само понятие «административного подхода» не только допускалось властью, но и изначально получило свое толкование в циркуляре ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 года «О мерах по усилению антирелигиозной работы»: «административные меры принимаются против антисоветской, а не религиозной деятельности религиозных обществ, не

[198] Беспарточный Б.Д., Ильина З.Д., Карнасевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Курск, 1999. С. 119-120; Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 432.
[199] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997. С. 295.

являются «гонениями» на веру, гонениями за самое отправление религиозного культа»[200]. Казалось бы, всё просто – деятельность церковников делилась на антисоветскую и религиозную, административные меры преследуют своей целью борьбу с контрреволюционерами, а все остальные действия низовых советских партийных работников, ущемляющие и оскорбляющие права верующих, относятся к голому администрированию (формулировка, получившая повсеместное распространение спустя год, весной 1930 года). Но эту невидимую грань между антисоветской и религиозной деятельностью, когда законом преследовались проповеди после служб, благотворительная деятельность и иные самые простые составляющие нормальной жизни воцерковлённого человека предстояло определять как раз тому самому низовому партийному работнику. Это обстоятельство неизбежно вело к субъективизму и перегибам на местах.

В оценке Р.М. Ахмедова, тезис о перегибах на местах, получивший в то время широкое распространение, в действительности заключался лишь в том, «что “на местах” обычно старались полностью выполнить указания, идущие “сверху”, без учета местных исторических, географических, национальных и т.п. условий»[201]. Он так же отмечает, что подобная централистская политика характерна для российского государства на протяжении всей истории, «но в условиях командно-административной системы она приобрела более уродливые формы, когда провалы в экономике, идеологии списывались на счет “неправильной” политики “на местах”, достижения же – присваивались центром»[202].

Ю.Н. Бакаев видит природу перегибов в антирелигиозной политике в другом: «…инструкции и циркуляры центральных органов не могли предусмотреть все многообразие жизненных ситуаций… Сказывалось и отсутствие четкого разграничения компетенции центральных и местных

[200] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4014. Л. 23 об.
[201] Ахмедов Р.М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование. Уфа, 2002. С. 20.
[202] Там же. С. 20-21.

органов, что порождало известную неопределенность. Всё это, при нехватке подготовленных кадров, в условиях классовой борьбы и революционного нетерпения, приводило к перегибам и нарушению законов о свободе совести»[203].

Развитие событий «на антирелигиозном фронте», считает М.Ю. Крапивин, зависело не только от генеральной линии партии и принципиальных партийных установок по главным вопросам политической и хозяйственной жизни, расклада сил в партийно-комсомольской верхушке, на которую влияли начавшиеся в конце 1920-х годов чистки в партии и внутрипартийные репрессии, но и от «групповых амбиций партийных функционеров, боровшихся за сферы влияния в идеологическом аппарате и деливших средства, отпускавшиеся на атеистическую работу», и от «личных качеств тех людей, которые возглавляли те или иные участки антирелигиозной работы»[204].

Указанная финансовая составляющая была не такой уж и малозначительной. Это хорошо видно на одном «местном» примере. Так, по смете Западного областного совета Союза воинствующих безбожников за октябрь-декабрь 1930 года видно, что в Союз поступили достаточно большие средства на цели антирелигиозной работы: по линии «партпроса» 7000 руб.; от областного профсоюзного совета 6000 руб.; от областных отделов союзов 5000 руб.; от кооперации 3700 руб. Для сравнения: от вступительных и членских взносов и распространения литературы и значков сам Союз воинствующих безбожников выручил лишь 500 рублей[205]. Вся указанная сумма (22 200 рублей) была успешно потрачена пятью отделами Союза (оргинструкторский, агитационно-массовый, научно-исследовательский, национальных меньшинств и отдел кадров) в течение трех месяцев[206]. По

[203] Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917-1941). Хабаровск, 2002. С. 79.
[204] Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 186.
[205] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 709. Л. 9.
[206] Там же. Л. 9-10.

смете за 1931 год, областной совет СВБ израсходовал 70 000 рублей[207]. Но при этом работа СВБ постоянно отмечалась как неудовлетворительная.

Религиозная жизнь в Западной области строилась как вокруг официальной церкви, так и многочисленных сектантских объединений.

В начале 1930 года в Западной области по официальной статистике числилась 1631 церковь и 2051 священнослужитель[208]. Вышеуказанное количество делилось на четыре «раскольных» течения православной церкви, и по количеству священнослужителей и храмов распределялось следующим образом:

Табл.1
Распределение количества церквей и священнослужителей религиозных культов в Западной области в начале 1930 г.[209]

Направления религиозных культов	Количество священнослужителей	Количество церквей
Тихоновцы (сергианцы)	1275	1041
Обновленцы	644	525
Автокефалисты	82	36
ВВЦС («Временный высший церковный совет»)	50	29

Судя по привязке к церквям данных по священникам и течениям культов, 1631 церковь – это церкви действующие, находящиеся в руках религиозных объединений. Административное управление Западной области в «Сводной ведомости церквей, колоколов и их веса» приводит следующие данные количества церквей в области по состоянию на 1 ноября 1929 года:

Табл. 2
Количество церквей в Западной области на 1октября 1929 г. [210]

[207] Там же. Л. 11-12.
[208] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 10.
[209] Там же.
[210] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 866. Л. 53.

Округ	Количество церквей	
	В городе	В сельской местности
г. Смоленск	15	–
Брянский	43	261
Великолукский	46	216
Вяземский	22	106
Клинцовский	54	308
Ржевский	46	212
Рославльский	10	133
Смоленский	26	284
Сухиничский	20	234
Всего:	282	1754

Из таблицы видно, что по данным Административного управления, в Западной области числилось 2036 церквей. Расхождение с официальной статистической цифрой (1631 церковь), скорее всего, объясняется хозяйственным характером документа и тем обстоятельством, что административное управление указывало общее количество церковных зданий, имевшихся на территории области – и действовавших, и закрытых. Исходя из этого несовпадения, можно предположить, что в конце 1929-начале 1930 годов в Западной области из 405 зданий (разница в цифрах докладчиков), часть церквей была закрыта за 3 месяца и часть храмовых зданий была не действующих по прямому назначению.

В 1929-начале 1930 года в Западной области почти во всех округах были епископы тихоновского и обновленческого направления: первые принадлежали к Патриаршей церкви и поддерживали официальную политику православной церкви, отвергавшую новое государственное устройство; обновленцы же, напротив, к Советской власти были достаточно лояльны. Окончательный раскол произошёл искусственно в 1922 году. Об

обновленчестве в Западной области сообщалось, что оно «недостаточно укрепилось и весьма слабо конкурирует с тихоновщиной»[211]. Отмечалось, что тихоновское направление имеет «абсолютное влияние в ряде округов»[212] области.

Это предопределило и некоторые особенности в методах антирелигиозной борьбы в Западной области, что нашло свое отражение в резолюции Запобкома ВКП(б) «О состоянии религиозных организаций в Западной области и борьбе с ними» от 26 июля 1929 года[213]. Задачи борьбы с церковью выглядели следующим образом:

1) углубление раскола между тихоновцами и обновленцами;

2) закрепление платных «антирелигиозников» при окружных комитетах ВКП(б) за счет партийного просвещения;

3) укрепление Союза воинствующих безбожников кадрами и материально (за счет бюджетов профсоюзов, кооперации и органов народного образования);

4) усиление карательной политики к верхушке церковных объединений (прокуратура, административные отделы, ОГПУ);

5) активное освещение в печати антирелигиозных вопросов.

Отдельно выделялся «фронт» борьбы с сектантством. Государственные органы не отличали сектантов и евангелистов, и причисляли к сектам все религиозные течения, не относившиеся к основным конфессиям. По сообщениям из районов и официальной статистике Западной области, видно, что сектантское влияние на население было действительно значительным. Ещё в начале 1929 года (3 января) на заседании бюро Смолгубкома ВКП(б) (протокол №3) в прениях по вопросу о состоянии антирелигиозной пропаганды многие участники отмечали рост и опасность сектантского

[211] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 10.
[212] Там же.
[213] Там же. Д. 108. Лл. 1, 3-4.

движения в Смоленской губернии и в самом Смоленске[214]. Так, в 1928 году отмечался рост евангелистов по Смоленской и соседней Брянской губерниям – 12% и 6%, соответственно, а баптистов – по Смоленской губернии 15%, по Брянской – 7%[215]. В Смоленской губернии в 1928 году членство в сектах возросло на 308 человек, из них бедняков было 82, середняков – 205, зажиточных – 21, и особо отмечалось «усиление тяги кулаков в секты»[216].

В докладе о состоянии работы с духовенством в Западной области за 1928-1929 годы, подготовленном в начале 1930 года, сектантам уделено почти треть объема. Основными были девять сектантских направлений.

Табл. 3
Секты и количество сектантов
в Западной области в начале 1930 г.[217]

Название секты	Количество членов секты в области
Евангельские христиане	4495
Баптисты	2765
Пятидесятники	250
Трясуны	136
Адвентисты	84
Духоборы	до 20
Молокане	12
Иеговисты	3
Толстовцы	нет данных

Наиболее влиятельными были секты евангельских христиан и баптистов – два протестантских течения, в разные периоды истории действовавшие, то отдельно друг от друга, то объединяясь в церковь

[214] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4017. Л. 6.
[215] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 11.
[216] Там же.
[217] Там же.

евангельских христиан-баптистов. С течением времени отношение к советской власти у них тоже менялось: они либо отвергали новую власть, либо проявляли лояльность к ней. Большая часть остальных сект не признавали внешних проявлений веры – икон, крестов, не имели клира и не нуждались в храмах, потому, возможно, антирелигиозные кампании рубежа 1920-1930-х годов не сильно затронули общины молокан, духоборов, толстовцев и др.

Социальный и возрастной состав наиболее популярной секты – евангельских христиан – хорошо виден на примере Рославльского округа Западной области. В 16 сектантских общинах насчитывалось 1067 сторонников веры, что составляло 23 процента всей областной численности их сторонников, основную массу которых составляли бедняцкая и середняцкая прослойка деревни (86 %).

Табл. 4
Данные о сектантах Рославльского округа Западной области на 1 декабря 1929 г.[218]

По социальному составу	По возрастному составу	По уровню грамотности
523 (49%) – бедняки	18-25 лет – 159	772 грамотных
396 (37%) – середняки	25-35 лет – 234	295 неграмотных
34 (3%) – кулаки	45-55 лет – 266	
102 (9%) – зажиточные	55-60 лет – 98	
24 (2%) – не учтено	60-65 лет – 75	

Дополнительно отметим, что в Западной области существовала ещё одна, не учтённая обкомом, этническая религиозная группа – поморы. Поморы происходили из районов Белого моря, в Западной области их община проживала в селе Подкопаево Мещёвского района и свои

[218] ГАНИСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

молитвенные собрания устраивала в собственных домах, не нуждаясь в церквях. Тем не менее, 22 марта 1932 года Комиссия по религиозным вопросам при Президиуме Западного областного исполнительного комитета по ходатайству Мещёвского РИКа ликвидировала религиозное объединение, как незарегистрированное и незаконно устраивавшее молитвенные собрания[219].

В связи со значительным влиянием сектантов на религиозную жизнь жителей Западной области обкомом партии ставились радикальные задачи по выявлению и ликвидации «сектантских артелей». Одновременно следовало усиливать целевое кредитование бедняков и маломощного крестьянства, активизировать идеологическое воздействие на молодежь комсомольских организаций.

По постановлению 1929 года важным объектом и одновременно звеном всей антирелигиозной борьбы должны были стать церковные советы. Успех в значительной степени мог зависеть от социального состава советов. Приведем пример по Рославльскому округу.

Из доклада «О состоянии антирелигиозной работы в округе» представителя окружного Союза воинствующих безбожников следует, что на 1 декабря 1929 года в округе было зарегистрировано 510 церковных советов (иными словами, религиозных объединений – *В.Б.*). Их состав распределялся, исходя из социальных, имущественных признаков и по служебному положению, следующим образом:

Табл. 5
Соотношение православных верующих в Рославльском округе Западной области на 1 декабря 1929 года[220]

Социальный состав	Служебное положение	Имущественное

[219] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2240. Л. 54.
[220] ГАНИСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 42. Л. 3, 6.

				положение	
Наименование группы	%	Наименование группы	%	Наименование группы	%
Бывшие дворяне	2	Служащие	3	Середняки	15
Мещане	26	Рабочие	10	Бедняки	48
Крестьяне	71	Крестьяне	38	Кулаки, зажиточные	13
Духовисты	11	Прочие	43	Неимущие	29

Как видно из таблицы, докладчик отнёсся к цифрам весьма «свободно», т.к. ни по одной из позиций суммарное количество верующих не приводит к 100% (в первой группе суммарно получилось 110% верующих, во второй – 94%, в третьей – 105%). Однако важно здесь другое: совершенно бесспорно преобладание в религиозных объединениях крестьянства, а в нем бедноты.

Иные показатели по Брянскому округу, где отмечается явный перевес в церковных советах «чуждого элемента» – кулаков и торговцев.

Табл. 6
Состав церковных советов в Брянском округе Западной области в начале 1930 г.[221]

Социальная принадлежность	Процентное соотношение
Зажиточные крестьяне – кулаки	43%
Бывшие и настоящие торговцы	27%
Служащие	12%
Крестьяне-середняки	11%
Крестьяне-бедняки	6%
Рабочие	1%

[221] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 10.

Насколько успешной стала антицерковная кампания в Западной области на рубеже 1920-1930-х годов?

Начнем с анализа практических мер по достижению ее основной цели – закрытие церквей.

Ликвидация молитвенного здания законодательно была возможна при соблюдении большой цепочки бюрократических процедур. Вначале была необходима конкретная причина закрытия храма. Перечень таковых был более чем достаточен: отсутствие религиозного объединения или священника при церкви (бытующее в источниках наименование таких храмов бесхозными), невыполнение религиозным обществом условий договора на пользование церковью (регистрация, содержание церкви, выплаты и т.д.), признание здания ветхим и угрожающим обвалом, специально обострённый властью в противовес антирелигиозной кампании культурный кризис (нехватка рабочих клубов, изб-читален, красных уголков) и другие.

Затем предложение о закрытии храма вносилось одним из протокольных вопросов заседаний сельсоветов, районных исполнительных комитетов, собраний на заводе, колхозе и т.п. А далее следовала череда общих собраний населения, проживающего в районе прихода церкви, и отдельных групп населения (бедноты, молодежи, верующих, рабочих, колхозников) с резолюциями и подписями под принятыми решениями[222].

До января 1930 года окончательную резолюцию по функционированию церквей в каждом отдельном случае принимала Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Однако 26 января 1930 года на заседании комиссии был изменён порядок закрытия храмов – теперь право окончательного решения передавалось краевым и областным исполнительным комитетам. Верующие всё так же могли, в случае

[222] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 293. Л. 71.

нарушения своих прав, жаловаться в комиссию в Москву – она оставалась высшей инстанцией в разрешении спорных церковных дел, но право первичной ликвидации отдавалось территориальным властям. Что же происходило в провинциальной практике?

На вышеуказанных собраниях большинство составляли колхозники-активисты, антирелигиозники, комсомольцы, – то есть люди, далеко не всегда верующие, а порой жители отдалённых сёл, не относившихся к приходу, либо школьники, ещё не имевшие права голоса. Мнение верующего меньшинства, «представляющего из себя «чуждый элемент», «врагов», лиц, не желающих идти в колхоз», не учитывалось[223].

Ситуации были разные – кто-то верил речам докладчиков на собраниях о необходимой временной замене религиозной составляющей храмовых зданий на культурную, имея в виду открытие в церквях клубов, школ, красных уголков и т.д., и охотно отдавал свой голос за переоборудование церкви во благо социального развития; кто-то боялся возразить при обсуждении закрытия, опасаясь проблем с местным руководством; кому-то было всё равно; кто-то возражал.

«Игры в толерантность» для местных руководителей были сложны и излишни, – несмотря на внешние предостережения центра, антирелигиозная политика была скачкообразной, и было понятно, что дело идёт к полному изживанию всего церковного, потому необходимо было скорее решить эту проблему. Порой на собраниях населения по определению дальнейшей судьбы церкви, председатели сельсоветов или руководители партийных ячеек ставили вопрос в безальтернативной плоскости: «…кто возьмет церковь, у того волосы дыбом станут»[224].

[223] Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20-30х годов. С-Пб., 1997. С. 79.
[224] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 97. Л. 112.

Нередкими были случаи ликвидации храмов и вообще без каких-либо собраний, «при наличии лишь постановления ячеек или Сельсоветов»[225], с нарушениями всех действующих законов. Окружные исполкомы, в свою очередь, как органы, в ведении которых с начала 1930 года находились вопросы предоставления религиозным общинам прав пользования храмами или ликвидации таковых, боролись с самовольными действиями сельсоветов и РИКов, грозя виновным привлечением к ответственности[226].

Самым распространённым способом ликвидации храмов и общин был налоговый нажим, ставший для верующих ничем иным, как налогом на веру. Законодательный порядок доходов и налоговых обязательств религиозных общин изложен нами в предыдущем параграфе. Реализация этого порядка строилась по-разному. Помимо трёх основных налогов (налог со строений, земельная рента, неокладное страхование здания от огня) назначались дополнительные незаконные платежи (облигации госзаймов, авторские гонорары за церковные песнопения, налог с производства свечей и т.п.). Или при наличии слишком больших налоговых сумм, недоимки взыскивались с членов религиозных общин лично, что также являлось противозаконными методами, – в постановлении «О религиозных объединениях» оговаривалось, что если община не в силах справиться с платами за церковь, то здание таковой у неё изымалось, а задолженность должна была быть оплачена следующим религиозным объединением, взявшим в пользование храм.

Например, в селе Уручи Сухиничского округа Западной области сумма страховых платежей за церковь составила за период с 1 октября 1929 года по 1 октября 1930 года 850 руб. 31 коп., из которых религиозное общество смогло выплатить лишь 317 руб. 62 коп. Для уплаты необходимой суммы верующие производили добровольные сборы среди населения, запрещенные действующим законодательством. В результате разбирательства между райисполкомом и религиозным обществом была проведена проверка

[225] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 61; Там же. Д. 756. Л. 8
[226] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 863. Л. 351.

правильности оценки здания, и было установлено, что кубатура помещения исчислена неправильно: «С 1.10.1930 года действительная стоимость здания повышена с 49 066 руб. до 82 791 руб.». Следовательно, и страховые выплаты «несколько» возросли. В итоге, «за сборы добровольных пожертвований с населения в пользу госстрахналогов с церкви сборщиков предали суду, оштрафовали на 660 руб., в оплату которых распродали их имущество»[227]. В свою очередь, «всякое принудительное взимание сборов, пусть даже в виде членских взносов, в пользу религиозных объединений», неизбежно влекло уголовную ответственность[228]. Следует также отметить, что в религиозных общинах запрещены были членские взносы, хотя, в конечном итоге, все материальные издержки так или иначе ложились на плечи членов этих обществ и групп.

В селе Григорьевском Вяземского округа Западной области религиозным обществом было получено предложение уплатить 1100 руб. 25 коп. страховых платежей за церковь «с предупреждением, что в случае неуплаты, взыскание будет обращено на имущество «двадцатки». Если религиозное объединение не справлялось со всеми выплатами и расходами, и договор на бесплатное пользование церковью с ним расторгался, то все недоимки по налогам, числящиеся за этой церковью, оставались за ней, и другое религиозное общество могло получить молитвенное здание в свое пользование, но уже с условием «выдачи обязательства о погашении к определенному сроку (3-6 мес.) оставшейся за прежним религиозным обществом недоимки»[229]. По закону «О религиозных объединениях» местный исполнительный орган должен был ждать заявления от нового религиозного объединения в течение только одной недели, а затем, если такового не поступало, здание использовалось для общественных целей или

[227] Там же. Д. 292. Л. 127-133.
[228] Орлеанский Н.М. Указ. соч. С. 173.
[229] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2239. Л. 29.

закрывалось вовсе[230]. Но зачастую эти сроки нарушались, райисполкомы могли ждать и две недели, и два месяца образования нового религиозного общества с целью получения невыплаченных средств за церкви прежними пользователями[231].

Задолженность за церковь, расположенную на территории совхоза «Зайцево» Чертолинского сельсовета Ржевского района по страховке в сумме 800 руб. и в купе с другими налогами, заставила, в конечном итоге, местное религиозное общество написать заявление об отказе в пользовании зданием культа[232]. За страхование Сухиничского собора и зданий при нем за 1929-1930 годы «со всею движимостью уплачено […] 788 руб. 13 коп. и взыскивается дополнительно […] 378 руб. 13 коп.»[233]. Таким образом, «бесплатное пользование с обязательным страхованием полностью разоряло общину, так что появлялся повод к закрытию храма»[234].

Характерный пример закрытия храма с максимальной экономической выгодой для администрации с подробным описанием плана действий представлен в протоколе №2 заседания антирелигиозной комиссии Вяземского окружкома ВКП(б) от 30 октября 1929 года. На заседании присутствовал председатель комиссии Яньков и четыре её члена, и рассматривался только один вопрос – о закрытии церкви Полотняного завода в Бухаринском районе. Все пятеро присутствовавших высказались на эту тему и постановили принять к действию следующее: во-первых, «немедленного закрытия церкви не проводить», а сперва провести следующую процедуру: «а) финансовыми мероприятиями взыскать с церковников налоговую задолженность; б) по линии административной проверить наличие церковного имущества, выполнение обязательств и

[230] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 241.
[231] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1565. Л. 1.
[232] Там же. Д. 905. Л. 18-19.
[233] Там же. Д. 293. Л. 117.
[234] Богомолов А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития: дис. ...канд. юр. наук. Спб, 2004. С. 98.

юридическое существование прихода»[235]. Во-вторых, заранее зная, что приход не зарегистрирован, предписывалось, «сделать после проведения финансово-административного и оперативного нажима объявление о сдаче церкви религиозной общине или общественно-культурным организациям» и одновременно начать агитационную кампанию за закрытие церкви[236]. На всю работу отводилось две недели, после чего следовало церковь закрыть[237].

Храмы закрывали и без учёта желания верующей части населения, в порядке социалистического соревнования. Директивы Союза воинствующих безбожников периодически гласили о необходимости соцсоревнования и массовости в борьбе с религией.

Западный областной СВБ заключал договоры о соцсоревновании с Союзом безбожников Белорусской ССР[238], районные исполнительные комитеты внутри области заключали договоры между собой. В докладе бригады газеты «Правда», командированной в сельскую местность для помощи в проведении посевной кампании и «выявления классовых извращений», отмечен факт заключения подобного договора между Сафоновским и Батуринским РИКами, где среди прочего центральным пунктом значилось: «к 1-му мая закрыть все церкви»[239]. Говоря о перегибах, бригада отмечает «поголовное закрытие церквей»[240], сопровождавшееся сборами подписей среди крестьян «в том направлении, чтобы подготовить открытие церквей»[241]. «Были факты, что сегодня закрыли церковь согласно, яко-бы постановления крестьян, а через неделю крестьяне приходили – просили открыть церковь»[242], – что свидетельствует о спешке и, как

[235] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
[236] Там же.
[237] Там же.
[238] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 13.
[239] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 168. Л. 60.
[240] Там же.
[241] Там же.
[242] Там же.

указывали докладчики, «работники считали необходимым связать сплошную коллективизацию обязательно с закрытием церквей»[243].

Идея о соцсоревновании в вопросе стопроцентного закрытия церквей несла в себе больше вреда, чем пользы в части достижения конечной цели. Как отмечалось в одном из докладов партийных работников об антирелигиозной работе в Западной области: «Работа эта приняла характер соревнований и даёт подчас прямо обратные результаты – рост религиозности, недовольство сов. властью, инциденты, доходящие до кулачных боев и т.п.»[244].

Не единичными были случаи, когда верующие, уже столкнувшись с фактом закрытия церкви, узнавали постфактум о том, что можно было организовать религиозное общество или группу и получить молитвенное здание для совершения религиозных обрядов. Говорит ли это о беспечности той самой, заинтересованной в работе церкви, части населения? Скорее, налицо грубые несоблюдения центрального и областного законодательства на местах, непосредственно в тех деревнях и селах, в которых ликвидировали молитвенные здания.

В инструкции Западного областного исполнительного комитета от 4 декабря 1932 года по закрытию церквей поэтапно оговариваются предполагаемые действия местных властей: «…поместите на церковных дверях (на видном месте) объявление с предложением желающим взять церковь в пользование для целей культа, подать о том в 7-дневный срок заявление в РИК. Если заявка поступит, разъясните заявителям, при каких условиях церковь может быть им передана и, по оформлении религиозного общества, передайте церковь в пользование верующих»[245].

Как видно, к концу 1932 года назрела необходимость регламентировать действия власти на местах в данном вопросе ввиду расхождения между

[243] Там же.
[244] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 13.
[245] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 904. Л. 32.

отчетами из докладов сельского руководства и информацией из жалоб от населения. К примеру, после ликвидации молитвенного здания в селе Кокоревка Брянского округа Западной области от религиозного общества этой церкви во ВЦИК была направлена жалоба на неправильные действия местных властей. В докладной в адрес райисполкома председатель колхоза, руководивший процессом закрытия церкви, пишет, что «никаких возгласов возражающих не было, кроме энергичной помощи в закрытии»[246]. «Закрыть осиное гнездо мракобесия церкви и создать из таковой очаг культуры и отдыха» – основной лозунг тех, кто вешал замки на церкви[247].

Каковой была основная мотивация острой необходимости ликвидации храмов на собраниях сельских граждан? В законе о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 года основанием определялось следующее: если «здание необходимо для государственных или общественных надобностей»[248]. К таким надобностям относились:

– культурные нужды (клубы, избы-читальни, народные дома, красные уголки, дома спорта и физкультуры, театры, кино, музеи);

– школьно-детские нужды (школы, техникумы, детские площадки, ясли и т.д.);

– производственно-торговые цели (кооперативные магазины, склады, зернохранилища, пожарные депо, мастерские и цехи, мельницы, электростанции и т.п.);

– лечебные цели (амбулатории, больницы, фельдшерские, ветеринарные пункты и др.);

– употребление строительного материала;

– иные цели (столовые, жилье).

[246] Там же. Д. 912. Л. 5-7, 13.
[247] Там же. Л. 15.
[248] Орлеанский Н.М. Указ. соч. С. 241.

На собрание чаще всего выносили вопрос о том, что, например, в данной местности наблюдается острая нехватка ссыпных зернохранилищ, или что имеющиеся не соответствуют элементарным нормам, и зерно может пропасть. Либо на школьном собрании детей и родителей подводили к выводу, что у школы нет помещения под клуб, а детям необходим качественный культурный досуг, и единственным зданием, удовлетворяющим потребностям, является церковь, которую нужно закрыть и переоборудовать. Церковь могла быть признана ветхой во время ее обследования специально созданной технической комиссией, а так как любое переоборудование, приспособление и ремонт молитвенного здания, в случае его закрытия, производились путем изыскания средств исключительно на местах, то, конечно, проще было церковь закрыть. Тем более, что по закону заключение технической комиссии являлось обязательным и подлежащим исполнению.

Неокладное страхование от огня совсем не означало, что в случае реального пожара для восстановления храма можно будет надеяться на эти средства. Так, в Тёмкинском районе весной 1929 года сгорела старообрядческая церковь, и община планировала получить страховку в 6000 рублей на постройку новой церкви. Окружная антирелигиозная комиссия на очередном заседании постановила деньги общине не отпускать[249].

Переоборудование закрытых церквей по закону ложилось на плечи местных властей: вопрос финансового бремени перестройки молитвенного здания под те или иные цели решался внутри области. Область запрашивала округ для каких целей планируется переоборудование и сколько оно будет стоить, округ запрашивал об этом район, а район – сельсовет. В итоге, чаще всего именно сельсоветы фактически обременялись обязанностью собрать и предоставить план-чертёж церкви, план-чертеж планируемого

[249] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 18 об.

переоборудования, смету расходов и источники поступления средств на будущее переоборудование[250].

Потому самым простым вариантом задействования в хозяйстве закрытой церкви было решение ссыпать в неё зерно, мотивируя недостатком складских помещений в колхозе, и не думать ни о каком переоборудовании и изыскании средств. Использовать здание церкви под школу или клуб было делом непростым и дорогим – подчас крупные, высокие здания, не отапливаемые зимой, были совсем не пригодны для занятий и массовых клубных мероприятий.

Ещё одним довольно дешёвым способом закрытия храма было признание здания ветхим специальной технической комиссией, что влекло за собой автоматическое расторжение договора с религиозной общиной и решение о сносе. В таком случае, согласно постановлению «О религиозных объединениях», материал, полученный от сноса, распределялся на необходимые нужды в рамках того горсовета или районного исполнительного комитета, на территории которого находилась церковь. Распределение бесплатного строительного материала становилось темой горячих споров между руководителями хозяйственных структур. Так, в Вязьме в конце 1929-начале 1930 годов остро встала проблема распределения кирпича ещё не закрытых каменных церквей между совхозом «Андрейково» и городом: одни планировали строительство скотного двора, вторые – жилые дома[251]. Изначально, горсовет Вязьмы постановил отдать кирпич на строительство жилых домов, но резолюция на жалобе директора совхоза в окружком ВКП(б) гласит о передаче кирпича последнему[252]. У горсовета ещё даже не было списка по учёту «построек и церквей, подлежащих разборки по технической непригодности»[253], но распределение ещё несуществующего

[250] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1529. Л. 113.
[251] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 193, 194.
[252] Там же. Л. 193.
[253] Там же.

строительного материала уже было произведено, и при том на уровне окружного комитета ВКП(б), а не города.

Делили не только кирпич, но и всё, от чего можно получить материальную выгоду – колокола, церковное имущество, специальные культовые предметы. При том, не все руководители низшего партийного звена вникали в юридические тонкости распределения этих средств. Так, после закрытия двух церквей в Кармановском районе – Кармановской и Гуляевской – в начале 1929 года между районным (тогда ещё волостным) исполнительным комитетом и уездным (позже – районным) финансовым отделом (УФО) возникла спорная ситуация, связанная с распределением средств «от продажи колоколов и прочего имущества»[254]. Финотдел, грозя прокурором, требовал перечисления 50% средств от реализации имущества закрытых храмов, когда волостной исполком считал, что вправе абсолютно все средства направить на культурное развитие района. Резолюция областного руководства в конце документа расставила все точки в этой «делёжке»: «УФО заявляет, что оно обязано взимать 50% дохода. УИК [уездный исполнительный комитет – *Б.В.*] подтверждает это. Существует постановление ВЦИКа [о постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» – *Б.В.*]»[255].

Подобных ситуаций к началу 1930 года, по-видимому, скопилось так много, что областное финансовое управление вынуждено было 2 февраля 1930 года обратиться к Запоблисполкому с просьбой о помощи в разъяснении горсоветам и районным исполкомам правил реализации церковного имущества: «Облфинуправление считает своим долгом заявить, что церковное имущество, утварь и колокола являются госфондами республиканского значения… и реализация их производится за плату в доход казны /с отчислением установленных 50% в доходы соответствующих

[254] Там же. Л.16.
[255] Там же. Л.16 об.

местных бюджетов Горсоветов или Исполкомов по принадлежности/…»[256]. Использование средств от реализации церковного имущества в местных целях и в полном объеме считалось грубым перегибом и преступлением. По правилам реализации имущество распределялось по госфондам следующим образом:

– колокола и «метлом» – Рудметаллторгу на нужды тяжелой индустрии;

– «золочёнка» – хозяйственному отделу ОГПУ «для разделки и вымывки золота»;

– парча и ткани – акционерному обществу «Антиквариат» на экспорт;

– изделия из благородных металлов – ИНО (иностранному отделу) Госбанка в валютный фонд и т.д.[257]

В принципе все вопросы распределения церковного имущества были вполне детально регламентированы постановлением 1929 года «О религиозных объединениях». Статьёй 40 постановления культовое имущество делилось на 5 групп и при ликвидации храмов распределялось, соответственно, в различные фонды:

«а) все предметы из платины, золота, серебра и парчи, а также драгоценные камни, подлежат зачислению в государственный фонд и передаются в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов Народного комиссариата просвещения, если эти предметы состояли на их учете;

б) все предметы исторической, художественной, музейной ценности передаются органам Народного комиссариата просвещения;

в) остальные предметы (иконы, облачения, хоругви, покровы и т.п.), имеющие специальное значение при отправлении культа, передаются

[256] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 866. Л. 24.
[257] Там же. Л. 24-24 об.

верующим для переноса в другие молитвенные здания того же культа; эти предметы заносятся в опись культового имущества на общих основаниях;

г) предметы обиходные (колокола, мебель, ковры, люстры и т.п.) подлежат зачислению в государственный фонд и передаются в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов народного образования, если они состояли на учете последних;

д) так называемое переходящее имущество, деньги, а также ладан, свечи, масло, вино, воск, дрова и уголь, имеющие определенное целевое назначение для выполнения условий договора или для совершения религиозных обрядов культа, в случае сохранения существования общества после ликвидации молитвенного здания, изъятию не подлежат»[258].

На деле же изъятие и распределение имущества могло проводиться, как угодно. Судя по опасениям окружкомов ВКП(б) самостоятельного изъятия в закрываемых церквях имущества районными исполнительными комитетами, – подобная практика была, мягко говоря, нередкой. «…изъятия имущества необходимо проводить только под руководством Госфондовой Комиссии и Представителя Адмотдела…»[259], – констатировалось в протоколе Вяземской окружной антирелигиозной комиссии ВКП(б) от 22 декабря 1929 года. Судьба сельского церковного имущества становится ясна из очередного донесения ОГПУ в апреле 1930 года: «Имущество в ликвидированных церквах расхищалось, некоторые Предс. с/с. своим ухажоркам отдавали в подарки церковные вещи»[260]; «В с. Успенском закрыли церковь без постановления Окружного Исполнительного Комитета, до этого имущество растащили, на улице находили ризы, шелковые платки, занавесы, дарохранительницы»[261]; «[Председатель] С/с Головкин во время изъятия из одной церкви имущества [*не читаемо, предположительно «своей соседке»* -

[258] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 242.
[259] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 18 об.
[260] Там же. Д. 138. Л. 78.
[261] Там же. Л. 80.

Б.В.] Павловой Матрене, Евдокимовне передал настольник для стола, [Макеевой] занавес с дверей и другие церковные вещи»[262] и т.п.

Результатом импульсивной и, местами, необоснованной практики закрытия церквей явились возмущения и волнения в крестьянской среде, нападения на представителей власти, на колхозников-активистов, убийства, так называемые «кулацкие теракты». Со второй половины 1930 года наступает время «уступок» от государства: издается ряд директивных документов, усложняющих процедуру закрытия церквей, по жалобам религиозных обществ принимаются положительные решения, и церкви открывают, – но, в целом, ситуация оставалась критической, порождая новые массовые недовольства.

В соотношении с количеством храмов всех религиозных культов по стране в конце 1928 года – 37033 – на Западную область приходилось 2036 храмов, что составило 4,4% от общего числа действующих храмов. С середины 1929 до конца 1930 года в области, судя по протоколам заседаний Президиума Западного облисполкома, было закрыто 122 церкви из 2036, что составило 6%, и к началу 1931 года в Западной области осталось 1914 храмов. Оценки исследователей о ситуации по стране несколько расходятся. Шимон И.Я. отмечает, что из 37033 молитвенных домов всех конфессий, существовавших в 1928 году, к 1931 году осталось 36587, т.е. за два с небольшим года было закрыто 446 церквей всех направлений (1,2 %)[263]. Цыпин В. пишет о 1119 православных храмах, закрытых только в 1929 году[264]. Если придерживаться цифр, данных И.Я. Шимоном, то в соотношении к количеству на 1 января 1931 года по стране – 36587 – число оставшихся храмов в Западной области составило 5,2 %[265]. Из них формальными причинами закрытия в 63 (51,6 %) случаях служили ходатайства населения (либо большинства населения, либо желанием именно

[262] Там же. Л. 81.
[263] Шимон И.Я. Указ. соч. С. 83.
[264] Цыпин В. (протоиерей). Русская православная церковь: 1925-1938. М., 1999. С. 199.
[265] Шимон И.Я. Указ. соч. С. 83.

трудящегося населения), в 25 (20,5 %) случаях – жилищный кризис, недостаточность складочных помещений, гаражей, в 21 (17,2 %) случае – отказ верующих от храма, отсутствие общины и бесхозность храма, в 13 (10,7 %) случаях – невыполнение общиной ремонта, либо ветхость и угроза обвала здания.

Одновременно с практикой закрытия церковных зданий реализовывался и второй «компонент» антирелигиозной работы – снятие колоколов.

15 декабря 1929 года Секретариат ВЦИК РСФСР передал право «урегулирования колокольного звона» районным и городским комитетам[266]. Рудметаллторгом даже был разработан пятилетний план по сдаче колокольной бронзы, в котором было рассчитано, что в 1929-30 гг. должно быть сдано 15 тыс. т бронзы, 1930-31 – 30 тыс. т, 1931-32 – 45 тыс. т, 1932-33 – 40 тыс. т[267]. Историки отмечают, «фактически же бронзы поступило намного меньше запланированного. …Но даже для такого количества колокольной бронзы в стране не было производственных мощностей и соответствующей технологии. Большая часть колоколов валялась на церковных площадях, вдребезги разбитая»[268].

Но подчас сельские советы сами без предписания района запрещали или ограничивали колокольный звон на своей территории, «на местах право “регулирования звона” было понято как команда к его полному запрету и снятию колоколов»[269].

Из донесения начальника Тёмкинского районного административного отдела начальнику соответствующего отдела Вяземского округа от 13 апреля 1930 года: «Доношу, что по Тёмкинскому району за последнее время

[266] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 14. Л. 78.
[267] Беликова Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар, 2004. С. 126.
[268] Там же.
[269] Кашеваров А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» // Из истории России: Сб. ст. Вып. 1. СПб., 2003. С. 149.

наблюдаются случаи со стороны С/с нажим на религиозные общины верующих, был случай в с. Воскресенском Председатель с/совета запретил звонить в большие колокола… В с. Ивине запретил так-же звонить в большой колокол из-за того, что возле церкви недалеко находится ШКМ [школа коммунистической молодежи – *Б.В.*] и звон колоколов мешает школе»[270]. Но запрет колокольного звона был мерой, скорее, превентивной, готовящей их снятие и полное изъятие.

Согласно п. 40 постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года, при ликвидации молитвенного здания колокола подлежали «зачислению в государственный фонд» и передавались в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов народного образования, если они состояли на учете последних[271]. Однако, на практике колокольный лом обычно «оседал на местности», либо распродавался, и средства также, в лучшем случае, распределялись на местные нужды. В Западной области такого рода постановления принимались официально окружкомами, и облисполкому приходилось письменно разъяснять юридические тонкости реализации колоколов. Так, пленум Великолукского окрисполкома ВКП (б) 12 января 1930 года постановил «снять все колокола с церквей [в] г. В.-Луках и передать их предприятиям в качестве аванса за трактора»[272], на что 16 января облисполком отреагировал полной отменой распоряжения и предписанием необходимости разъяснений всем окрисполкомам и Смоленскому горсовету порядка распределения вырученных от продажи средств, «в виду того, что снятие колоколов принимает массовый характер»[273].

На 1 ноября 1929 года по «Сводной ведомости церквей, колоколов и их веса» в Западной области, подготовленной областным административным

[270] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 97. Л. 35.
[271] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 242.
[272] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 866. Л. 37.
[273] Там же.

управлением, было 10584 колокола, что по весу составляло 3652 тонны. Количество и тоннаж колоколов по сельской и городской местности распределялся следующим образом:

Табл. 6
Распределение колоколов по количеству и весу в округах Западной области на 1октября 1929 г.[274]

Округ	Количество колоколов		Вес колоколов в тоннах	
	В городах	В сельской местности	В городах	В сельской местности
г. Смоленск	100	–	58	–
Брянский	306	1292	186	422
Великолукский	258	1292	127	224
Вяземский	143	549	136	220
Клинцовский	239	1304	86	263
Ржевский	298	1270	205	582
Рославльский	48	623	27	105
Смоленский	140	1148	62	295
Сухиничский	143	1431	84	570
Всего:	1675	8909	971	2681

В «Сведениях о наличии колокольной бронзы по районам Западной области» на 1 января 1935 года, подготовленных Западным областным исполнительным комитетом, общий вес колокольной бронзы по области исчислялся уже в 691,74 тонны[275]. Это значит, что за прошедшие 5 лет (с 1 октября 1929 по 1 января 1935 года) религиозные объединения области лишились колоколов, общим весом чуть менее 2-х тысяч тонн.

Запрет колокольного звона или снятие колоколов ещё не означало закрытие храма, но сильно противоречило интересам религиозных обществ и

[274] Там же. Л. 53.
[275] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2241. Л. 2-2 об.

волновало верующих. Это было самое прямое изъятие церковного имущества. Важны здесь не только сакральные мотивы, но также и бытовые моменты. В одной из жалоб Елисеевской общины верующих Руднянского района в Западный облисполком о запрете колокольного звона читаем: «…всех верующих общины это весьма волнует, тревожит и печалит во первых потому что это звон к службе требуется по церковному уставу и притом в деревне не в городе, редко у кого есть часы и неизвестно когда и в какое время идти в церковь, звон же давал всем нам знать что служба будет и начинается. …Служба у нас совершается лиш в праздники и Воскресные дни и изредка на недели в большия праздники и по нашему мнению никому не может мешать так как ученики в этой местности в Воскресенье не учатся а также в колхозах не работают и бывает дни отдыха»[276]. Весьма характерная ситуация для деревни 1930-х годов.

Печально ещё и то, что под благими лозунгами порой крылась банальная жажда наживы, – колокола, нередко представляющие художественную или историческую ценность, распродавались за границей явно не в фонд помощи индустриализации. Например, историк А.Н. Кашеваров приводит пример, как «в одном из университетов США оказался подбор колоколов Данилова монастыря. Сохранилась нотная запись индивидуального звучания 16 даниловских колоколов, представляющих большую художественно-музыкальную ценность»[277]. Он же отмечает, что «уничтожались или вывозились на продажу за границу не только колокола, но и другие образцы церковного искусства: иконы, церковная утварь и облачения священнослужителей и т.п.»[278].

Под изъятие колоколов попали не только непосредственно колокола, но всё, что ещё оставалось в храмах металлического – церковные ограды, чугунные полы, купольный цветной металл. Если здание церкви подлежало

[276] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2919. Л.189-189 об.
[277] Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917-1945 гг. СПб., 1995. С. 103.
[278] Там же.

сносу, то необходимые металлические части снимались без замены, если планировалось переоборудование, то на областную контору «Металл-Лом», в счёт которой изымались необходимые конструкции, облисполкомом возлагалась обязанность замены металлических частей[279]. Так, например, в начале 1932 года в городе Торопце изъяли из всех закрытых и занятых под склады зерна и утиля церквей чугунные полы, общим весом около 50 тонн, заменив их на досчатые[280]. Подобно этому, в церкви с. Ахтырки Холмовского района сняли чугунные ворота и железные калитки; происходило это на фоне общего увеличения налогов, что вызвало закономерные возмущения верующих[281].

Особое место в антирелигиозной кампании отводилось вопросу борьбы со священнослужителями. Советская пропаганда обвиняла их в контрреволюционной и подрывной деятельности, равно как и кулака. 21 мая 1929 года СНК СССР принял постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде», закрепившее одним из признаков кулацкого хозяйства – хозяйство, принадлежащее служителям культа[282]. Если ранее в документах власти церковники только косвенно приравнивались к контрреволюционерам (например, циркуляр ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной политики» от 24 января 1929 г.), то теперь священники объявлялись кулаками. Эта норма постановления от 21 мая 1929 года будет отменена о 13 октября 1930 года изданием другого постановления ЦИК и СНК СССР «О наемном труде в кулацких хозяйствах», переключившим внимание на имущественные, а не социальные признаки хозяйств.

Раскулачивание священников — весьма распространенное явление начала 1930-х годов. Часто не имея своего подсобного хозяйства, священники оказывались «задавленными непосильными обложениями, …

[279] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2243. Л. 58.
[280] Там же. Л. 60.
[281] Там же. Л. 140-142 об.
[282] СЗ. 1929. № 34. ст. 301.

задушены принудительными работами», облагались «мясом, льном, маслом, яйцами, живностью, дичью … денежными взысканиями: с.-х. налог, на индустриализацию, облигации госзаймов, на приобретение инвентаря, тракторизацию, самообложение и пр.» За невыполнение поставок в срок следовали «опись имущества, выселение из домов, отдача под суд, ссылка и пр.». Дома священников отбирали, передавали на общественные нужды.

В жалобах, поступавших в Запоблисполком от сельских религиозных обществ, часто причинами закрытия храмов сельскими советами указывается отказ местных священников от служб. При разборе обстоятельств выяснялось, что назначаемых священников обязывали приобретать на ту или иную сумму, чаще 150-250 руб., облигации госзаймов, или в суточный срок сдать в счет сельхозналога 500 или 1000 штук яиц, что, собственно, и приводило к отказу священников проводить службы, что, в свою очередь, давало основания местным властям закрывать храмы.

За 1928-1929 годы по Смоленской и Брянской губерниям официальной статистикой было отмечено 44 случая снятия сана служителями культов, из которых 18 были «обновленцами»[283]. Задавленные «чрезмерными, подчас незаконными налоговыми обложениями»[284], священники вынуждены были писать заявления о сложении с себя сана, об отказе от священнослужительства. Формы этих заявлений часто содержали унизительные и оскорбительные формулировки в духе времени: «Работая много время я убедился, что религия одурманивает крестьянство, а поэтому отказываюсь от службы в церкви и довожу до сведения местной власти»[285]. Либо: «Я по своим убеждениям отказываюсь быть служителем религиозного культа навсегда»[286]. Снятие сана совершенно естественно воспринималось верующими негативно. Так, в селе Хоровня Брянского округа священник после службы заявил, «что снимает сан, т.к. не может уплатить налог в сумме

[283] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 13.
[284] Там же.
[285] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 861. Л. 88.
[286] Там же. Л. 154; Рабочий путь. 1929. 11 сентября.

200 р. Зажиточные крестьяне тут-же предложили собрать среди верующих на уплату налога, отчего поп отказался, мотивируя тем, что на него наложат ещё дополнительный налог»[287]. В Бельском районе, например, на конец 1930 года числилось 12 хозяйств, обложенных сельскохозяйственным налогом, и все принадлежали исключительно служителям религиозного культа[288].

Многочисленные проверяющие и уполномоченные по проведению сельскохозяйственных кампаний то и дело отмечали факты «искривления в части священнослужителей»[289]. Например, в Чистовском сельсовете Торопецкого района Великолукского округа, как сообщал уполномоченный от обкома партии, «единственного попа отправили на лесозаготовки на большое расстояние с тем, чтобы он не имел возможности посещать церковь»[290]. Он же отмечал, что «всякое привлечение священнослужителей к лесозаготовкам и пр. обосновывается на официальных распоряжениях вышестоящих органов. Эта “сверхреволюционность” рекошетом отражается и на коллективизации»[291]. Или, другой пример: к священнику Васильевской церкви Селенского сельсовета Тёмкинского района 19 марта 1930 года «в 11 часов ночи пришли в дом [представители сельсовета и ячейки – *Б.В.*] и предложили ему добровольно покинуть свой дом и когда он не согласился они ему объявили, что на тебя наложен какой-то налог утильсырья и предложили ему немедленно платить деньги, нет денег выходи из дому и забираем корову, сделали то и другое»[292]. Как позже выяснилось в Тёмкинском районном административном отделе, «на этого священника налога ни какого не числится»[293].

Сельскохозяйственными налогами обременяли и служителей культа, находящихся в преклонном возрасте, хотя, по разъяснениям комиссии по

[287] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 13.
[288] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 709. Л. 89.
[289] Там же. Д. 710. Л. 129.
[290] Там же.
[291] Там же.
[292] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 97. Л. 35.
[293] Там же.

религиозным вопросам при Президиуме Запоблисполкома, «сельисполнителями могли быть лица от 14 до 50 лет – мужчины и от 18 до 45 – женщины»[294].

Нередко дело не ограничивалось налоговой расправой низовых партработников над священниками, а перетекало в «судебные репрессии»[295]. Так, например, в инструктивном письме всем нарсудам и райпрокурорам Западной области от 19 июня 1931 года описан случай, когда «в Гжатском районе был проведен процесс над священником, который фактически не вел сельского хозяйства и не имел инвентаря, но получил твердое задание, за невыполнение которого был осужден на ТРИ года высылки и 500 [рублей] штрафа»[296]. Или другой случай, когда в Понуровском районе «осудили священника, у которого всё имущество было изъято на налог, за невыполнение задания по севу 3 га, суд приговорил его к 2-м годам лишения свободы, при чем мотивировал приговор тем, что "верующие могли собрать священнику семена, а лошадь давал сельсовет"»[297].

По сводке областной прокуратуры по проведению весенней посевной кампании, на 10 марта 1930 года в области числилось 54 арестованных священнослужителя (только за конец февраля-начало марта 1930 г.).

Табл.7
Количество арестованных священнослужителей в Западной области в конце февраля-начале марта 1930 г.[298]

Округ	Количество арестованных священнослужителей
Ржевский	4
Великолукский	13
Вяземский	3

[294] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2245. Л. 109-109 об.
[295] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 3. Д. 2. Л. 43.
[296] Там же.
[297] Там же.
[298] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

Смоленский	7
Рославльский	2
Сухиничский	5
Брянский	17
Клинцовский	3

Особое место в борьбе с религией и церковью занимал вопросы идеологического воздействия на верующее население. Здесь на первое место выдвигалась борьба с религиозными праздниками и церковными обрядами, и среди них – антипасхальные кампании. Наиболее ярким примером попытки срыва великих церковных праздников стала в Западной области такая кампания 1930 года.

В начале апреля 1930 года на волне всеобщей борьбы с искривлениями партлинии, а также «крестовым походом» Папы Римского, началась подготовка к Пасхе, увязанная с началом весеннего сева. Папа Римский Пий XI сочувствовал клирикам и верующим в СССР и осуждал антирелигиозную политику советского государства. Череда писем и выступлений Пия XI в начале 1930 года в защиту христианства в России призывала к всеобщему молебну за верующих Советского Союза, намеченному на 19 марта 1930 года.

Советскому аппарату необходимо было доказать всему миру, что внутри страны нет никакого гонения на веру. Было организовано интервью митрополита Сергия советским печатным изданиям и его декларация с осуждением действий Папы и отрицанием всяких гонений на веру в СССР. По всей стране организовывались митинги протеста Папе, но, судя по докладным запискам работников ОГПУ, необходимо это было лишь центральной власти для политических манёвров, а непосредственные исполнители в данном спектакле принимали вялое участие.

В конце февраля-марте 1930 года повсеместно организовывались митинги протеста капиталистам, лекции, собрания и прочие мероприятия с лозунгами о полной свободе совести советских граждан и захватнических планах враждебного Запада. Как отмечал уполномоченный коллективизатор в Торопецком районе Великолукского округа: «Когда в одном из докладов мне приходилось указывать на подготовку международной буржуазии путем “крестового похода”, то тут же заданы вопросы – не потому ли они подготовляются, что у нас на веру есть притеснение”. Имея такое положение фантастическо-настроенные в религиозном отношении, при недостаточном раз”яснении могут оказывать безразличное отношение к выпадам против СССР под маркой “крестовых походов” и пр.»[299]. Уверенный на бумаге в непогрешимости советского законодательства, в том числе и в отношении свободы совести, уполномоченный по посевной кампании взывал к народному патриотизму, откровенно не понимая своей двуличности, как представителя власти.

Местным партийным работникам сориентироваться в политических тонкостях было трудно. Поставленные в тупик проблемами, с которыми сами справиться не могли или не решались, из районов и округов руководители писали письма с расспросами в область, из области – в Москву. «Крестовый поход» Папы Римского повлек за собой нечто, вроде церковной весны – участились требования возврата храмов верующим, возврата колокольного звона в селения, свободы вероисповедания. Когда церкви открывали, партийцы не понимали, кто в этом виноват – «агитация ли папы римского, или наши головотяпы ушами прохлопали»[300]; а когда колокола вновь звонили, народ заговорил, «что коммунисты испугались папы римского и начали разрешать открытие церквей» (пример Вяземского округа между 20 апреля и 17 мая 1930 года)[301]. Чтобы понять, как в таких условиях вести агитацию, спрашивали даже, «почему и для какой цели закрываются церкви

[299] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 710. Л. 129.
[300] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 123. Л. 128.
[301] Там же.

там где ведется антисоветская кампания, т.е. в буржуазных странах»[302], – видимо, для проведения аналогий между средой Папы Римского и советской действительности. Хотя, понятно, что здесь о сходстве говорить не приходится.

Кампания протеста «крестовому походу» слилась с антипасхальной кампанией 1930 года. Западный областной комитет ВКП(б) совместно с отделом агитации и массовых кампаний обкома разослал по округам секретную директиву «О проведении анти-пасхальной кампании» (5 апреля)[303] (которая упоминалась в начале главы).

Окружкомы в свою очередь в дополнение к уже поступившим директивам разослали по райкомам свои секретные разъяснения к проводимым мерам. Районным и сельским руководителям предписывалось увязать необходимость проведения кампании с подготовкой к весеннему севу, с коллективизацией для того, чтобы отвлечь верующее население от пасхальных праздников. Все анти-пасхальные мероприятия следовало проводить спокойно и рационально, «не допускать издевательств, ругани, оскорбления чувств верующих, ибо это ведет не к разоблачению религии, а наоборот толкает крестьян в руки классовых врагов»[304].

Половина письма касалась ликвидации молитвенных зданий в связи с участившимися попытками верующих вернуть неверно закрытые, по их мнению, храмы, и содержала практически идеальный партийный подход к этому вопросу: с одной стороны, «не допускать административного закрытия церквей даже финансовыми мероприятиями (наложения явно невыполнимых налогов с целью закрытия церквей, формальное невыполнение договоров и др.)»[305] (выходит, само окружное руководство признается в существовании метода финансового нажима на религиозные объединения), а с другой стороны, «там, где сама масса будет требовать открытия церквей, причем

[302] Там же.
[303] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 26. Л. 288.
[304] Там же. Д. 12. Л. 15.
[305] Там же.

обстановка будет такова, что другого выхода не будет, – надо, в отдельных случаях, допускать открытия, не допуская эксцессов, но только не стихийно, а с разрешения соответствующих органов, а там, где от церкви отказались сами церковники – об"яснить, что их никто не закрывал, а что они (церковники) провоцируют»[306]. Метод кнута и пряника. Сам факт сохранения такой возможности открытия церквей, когда у властей «другого выхода уже нет», свидетельствует о силе религиозного протеста и боязни непредвиденного исхода событий. Забегая вперёд, отметим, что благодаря такой уступке в некоторых районах (например, Знаменский, Бухаринский, Вяземский) верующим удалось вернуть церкви и отслужить там пасхальные богослужения[307].

Сама кампания предусматривала следующие мероприятия: антирелигиозные карнавалы, митинги, художественные постановки, организация новых безбожных ячеек, стенгазеты, лекции, собрания граждан с постановкой вопросов о мистике религии и необходимости закрытия церквей, сдаче колоколов в фонд индустриализации и т.д.

По итогам проведения антипасхальной кампании отделы агитмассовых кампаний окружкомов собрали по районам итоговые материалы, в которых требовалось «более подробно» указать подготовку кампании, проведённые мероприятия, количественный охват и настроения населения и др.[308]

Сравним два вида отчётной документации – сведения райкомов ВКП(б) и докладные записки ОГПУ по Западной области – о проведении анти-пасхальной кампании 1930 года в Вяземском округе. Партийные сведения сообщают о большом количестве новообразованных ячеек безбожников (например, Знаменский район: ячеек СВБ – 15, в них членов – 280, ячеек юных безбожников – 13, в них членов – 339[309]; в Медынском районе 1 ячейка

[306] Там же.
[307] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 139. Л. 284.
[308] Там же. Д. 128. Л. 63.
[309] Там же. Л. 49.

СВБ завербовала 100 новых членов[310]; Бухаринский район: три новых ячейки СВБ в деревнях с общим количеством – 150 новых безбожников[311]). Также о большом количестве проведённых лекций, докладов, собраний с внушительным количественным охватом участников: в Издёшковском районе по сведениям, поступившим от 13 сельсоветов, беседами и докладами было охвачено 1100 человек[312]; в Бухаринском районе прочитано «до 70 лекций…обслужано рабочих и крестьян до 7.000 человек»[313].

Сведения лаконичны, по большей части в виде кратких списков проделанного, объемом не более 1 страницы. Но даже в столь скромных отчётах видна слабость сельской антирелигиозной работы. В «Итогах по проведению анти-пасхальной компании по Издешковскому району» первым пунктом указано: «Для подготовки к проведению анти-пасхальной компании работы была поручена Райсов. СВБ»[314], – несмотря на то, что в секретном письме Запобкома ВКП(б) «О проведении анти-пасхальной кампании» предложен более широкий круг участников: «К активному участию по проведению этой кампании привлечь партийные, комсомольские, профессиональные, СВБ и др. общественные организации…»[315]. Отсюда и конечный итог работы по Издёшковскому району – сведения о проведении анти-пасхальной кампании поступили только по 13 сельсоветам, – 28 сельсоветов промолчало[316]. Или, другой пример: из Медынского района сообщают, что к антипасхальной кампании приступили 15 апреля[317]. Выходит, что в воскресенье Пасха, а кампания началась во вторник, за 5 дней до праздника, – возможно ли здесь, вообще, говорить о наличии какой-то кампании?! Если говорить об агитационных идеалах таких кампаний, то закономерен вопрос – можно ли за 5 дней переломить затуманенный

[310] Там же. Л. 37.
[311] Там же. Л. 60 об.
[312] Там же. Л. 36.
[313] Там же. Л. 60.
[314] Там же. Л. 36.
[315] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 26. Л. 288.
[316] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 128. Л. 36.
[317] Там же. Л. 37.

религией ум крестьянина (как гласила пропаганда) в сторону атеизма? Ответы на эти вопросы есть в докладной записке №84 «О пасхальных настроениях по Вяземскому Округу» от 25 апреля 1930 года, где говорится о слабости анти-пасхальной работы. ОГПУ отмечало высокую религиозность не только в среде рабочих, крестьян и беспартийных, но и среди Вяземского партийного и комсомольского аппарата, служащих. В Гжатском районе в храме «на пасхальном богослужении были некоторые служащие: сторож суда, служащий кооперации, … немного времени был в церкви судебный исполнитель Ананьев, а потом куда-то ушёл, были два пожарника»[318]. Накануне праздника и среди партийцев были разговоры, вроде: «Оттого, что мы будем справлять пасху, ущерба для революции не будет, наши родные справляют и мы будем справлять»[319], – а также прямые примеры с указанием фамилий, когда члены партии и служащие города Вязьмы и Гжатска отмечали праздник с соблюдением всех религиозных обрядов[320].

Отношение населения к антипасхальной агитации, в большинстве случаев, было спокойным, – отмечалось, что 19 апреля перед пасхальной службой люди составляли явку своим присутствием на антирелигиозных докладах, лекциях, скорее, из желания не иметь лишних проблем в праздники, а потом расходились и шли в церковь на богослужение[321]. В некоторых деревнях даже молодежь не появлялась на антирелигиозных вечерах, а направлялась сразу в церковь[322].

17 апреля 1930 года на Медынском кожзаводе и спичечной фабрике «Метеор» были проведены собрания рабочих, о которых Медынский райком ВКП (б) в своих «Сведениях» пишет, лишь заметив, что там «ставились доклады» на антирелигиозную тематику[323]. Из докладной записки ОГПУ по

[318] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 139. Л. 281 об.
[319] Там же. Л. 282 об.
[320] Там же. Л. 283-283 об.
[321] Там же. Л. 281 об.
[322] Там же. Л. 281 об.
[323] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 128. Л. 37.

поводу этих собраний становится известно, что рабочие требовали пасху сделать выходным днём, но никто не стал их слушать[324].

Одной из мер борьбы с религиозными праздниками был переход на непрерывную рабочую неделю (непрерывку), т.к. большинство церковных праздников выпадает обычно на воскресенье и даже в непраздничные дни по церковным традициям у православных запрещается работать в воскресенье, а у иудеев, баптистов и некоторых сектантов обязательным выходным днём считается суббота. Как отмечает исследователь Н.С. Арсеньев, «борьба с христианскими праздниками все чаще ведется средствами принуждения. Чиновников и рабочих заводов и фабрик, не являющихся на работу в праздничные дни, подвергали наказанию: они должны выплачивать денежные штрафы и им грозят увольнением»[325]. К одной из форм принуждения автор также относит отмену воскресного дня, как выходного[326].

Однако, ввиду и без того многочисленных требований и установок к проведению антирелигиозной работы, а где-то и внутреннего несогласия с ними местных работников, отношение к непрерывке было, в лучшем случае, безразличное. Например, в Ярцеве непрерывка была введена в декабре 1929 года только после визита уполномоченного из окружкома Шейнина, отметившего в своей докладной записке, что «переход на непрерывку /совершенный в моё присутствие здесь/ совершенно не сопровождался никакой культурно-массовой работой»[327]. И, хотя при содействии уполномоченного, Ярцевские рабочие перешли на непрерывную рабочую неделю, и первый день непрерывки «прошёл при почти что полной явке рабочих»[328], и в докладной, явно просто для отчета, отмечалось, что «Ярцевские рабочие в большинстве своем осознали важность этого

[324] Там же. Д. 139. Л. 282 об.
[325] Арсеньев Н.С. Большевизм и религия // Ильин И.А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть 3. Аналитические записки и публицистика (1928-1941). М., 2001. С. 27-28.
[326] Там же. С. 28.
[327] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54. Л. 1 об.
[328] Там же.

мероприятия»[329], всё же сам докладчик признаёт неясность понимания у населения необходимости этой кампании.

Аналогичная ситуация сложилась в преддверии пасхи в 1930 году – в районах, на фабриках и заводах рабочими на собраниях решался вопрос о том, чтобы 20 апреля – день пасхи – сделать рабочим днём. Из докладной работника ОГПУ о мнении верующих г. Гжатска на эту тему: «Ну и грех же, на пасху садово-огородняя артель будет навоз возить. Для того и сгоняют в коллективы, чтобы не иметь праздников и всем превратиться в скотов»[330]. Перед пасхой рабочие на собраниях ставили вопрос о невыходе на производство, но зачастую эти предложения даже не выносились на голосование[331]. Тогда они отвечали неявками в день пасхи или явкой в нетрезвом виде, что влекло за собой простои, недовыработку и т.п., а в беседах говорили, «что их приневоливают работать пасхальные дни»[332]. И если все ранее перечисленные меры антирелигиозной работы воспринимались населением часто спокойно или же с энтузиазмом, то мероприятия, связанные с ликвидацией церковного имущества, встречали на своём пути больше протеста, нежели поддержки.

Религиозная политика в рассматриваемый период строилась сначала по принципу раскрутки маховика, оживления партийных и общественных масс, а когда стало ясно, что массы отреагировали слишком протестно, потребовалось перестраиваться в сторону уступок верующим.

Установки менялись очень быстро. Текущие рабочие вопросы включали в себя далеко не только проблемы борьбы с религией. Кадров не хватало, часто все административные и хозяйственные вопросы преобразования советской деревни «падали на голову» одного председателя сельсовета, в распоряжении которого был слишком скромный аппарат.

[329] Там же.
[330] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 139. Л. 281 об.
[331] Там же. Л. 282.
[332] Там же. Л. 282 об.

Западная область занимала большую территорию, с местностями, очень разнящимися по своему уровню развития. Например, писал один из коллективизаторов, направленный в Кряковский сельсовет Всходского района: «…ни одного партийца, ни комсомольца, ни сельскора, ни бедняка-активиста, ни женделегаток никого и ничего нет, какого либо красного уголка, избы-читальни, библиотеки, клуба или радио и в помине нет, а отсюда нет ни одного лица индивидуально-обложенного, нет ни одного лишенца – лишенного по эксплоататорским признакам,…если хочешь, то здесь не было даже никогда ни одного лавочника торговца, мельника, церквей и попов тоже нет. Прямо замечательно, а есть лишь леса, не проходимые болота и мхи, и люди живущие как в берлогах и не знающие, что делается на свете»[333]. В таких местах людям было не до многочисленных кампаний, собраний и резолюций, – там привыкли надеяться на себя, выживать своими силами, как, в целом, и все сельские жители.

В Ельнинском районе проверяющий из округа в конце 1929 года также не обнаружил систематической пропагандистской работы: отсутствие общественных организаций, в районе Мутищенского лесопильного завода не проводилось работы по коллективизации и борьбе с религией, работы с группами бедноты, безразличное отношение к присланным из округа планам работы, стенгазетам и плакатам и др.[334] В числе прочих недоработок, отмечалось, что в районе Ельни «вполне легально работает сектантская община (зарегистрирована) и имеет некоторый успех…много молодежи, как парней, так и дивчат»[335]. В заключение, все минусы и недоработки проверяющий объясняет наличием в тот период времени в районе «чистки аппарата и партии». Посредством чисток объясняется уход со своего поста единственного члена партии ВКП(б) Трандина в Шарапинской коммуне «как

[333] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 751. Л. 101.
[334] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 55. Л. 135-136.
[335] Там же. Л. 136.

дезертирство», – с этим докладчик также косвенно связывает отсутствие массовой работы среди населения в коммуне[336].

Помимо партийного и исполнительного аппарата, общественных организаций, при проведении тех или иных политических кампаний существовала практика командирования по районам или в отдельные сельсоветы уполномоченных, призванных на месте проводить политику партии и правительства, замечать и исправлять недостатки. Среди прочих вопросов в их компетенции была также и оценка уровня антирелигиозной пропаганды на местах, принятие необходимых мер к её возможному усилению, следовательно, ослаблению религиозности и устранению перегибов. Докладные записки таких уполномоченных одна за другой повторяют единую ситуацию в сёлах и деревнях – отсутствие на местах достаточной пропагандистской проработки антирелигиозного вопроса[337]. Это объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, действительной слабостью работы по преодолению религиозности населения; во-вторых, глубоко утвердившейся тогда в сознании каждого советского аппаратчика или служащего самокритике, а также критике, без которой не мог обойтись ни один отчет и доклад о проделанной работе (это условие практически обязательное в большинстве советских нормативно-правовых актов, простой переписке партийных и правительственных органов). А в-третьих, все уполномоченные направлялись на непосредственную работу с населением в порядке командировок с предоставлением жалования, а, следовательно, областное руководство ожидало от них должного отчёта о проделанной работе, повернувшей жизнь села в правильное русло. Отсюда, непременная тональность почти каждой докладной записки уполномоченного – слабое воплощение мероприятий советской власти, усилившееся после продолжительной разъяснительной работы командированного. Хотя, всё это

[336] Там же.
[337] Напр.: ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 704. Л. 93 об.; Там же. Д. 755. Л. 24; ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 168. Л. 121.

не умаляет важности и достоверности докладных записок, рисовавших реальную картину провинциальной жизни.

Успешнее всего антирелигиозная пропаганда работала в рядах Красной армии, где, в силу дисциплины и относительной замкнутости от окружающего мира, для неё была самая благодатная почва. Новоиспеченные красноармейцы быстро впитывали в себя идеи о пользе научного мировоззрения и вреде религиозного дурмана, а затем посылали частные и коллективные письма в родные края с призывами последовать их примеру и порвать с религией. Например, красноармейцы, призванные из Понизовской волости (на тот момент – Понизовского района) в город Бобруйск, уже через семь месяцев службы (судя по смежным документам, середина 1930 года) написали письмо-обращение крестьянам своего края, и, несмотря на грамматические ошибки, утверждали, что постигли политическую грамоту и выявили, «что главной причиной бедности и отсталости сельского хозяйства является наша [народная, крестьянская – *Б.В.*] неграмотность и некультурность, большим злом сеющим в деревне темноту, невежиство и разного рода предрассудки – это религия и проповедующие идея религии Церковь с многочисленным количеством духовенства»[338]. Общая тенденциозность письма с лозунгами и предостережением от церковной агитации не позволяют поверить в инициативность самих авторов: «Не поддовайтесь агитации этих элиментов, решительно боритесь с религиозном дурманом, начинайте строить новую жизнь на научных данных. Долой поповщину. Да здравствует поголовная грамотность и культура»[339]. Скорее всего, это один из примеров антирелигиозной работы армейских частей – письма-обращения по шаблону в родные села.

В своих отчетах об антирелигиозной работе партийные лидеры упорно приводили данные, свидетельствовавшие об отходе населения от религии. Так, например, в одном из докладов о состоянии антирелигиозного вопроса в

[338] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 287. Л. 141.
[339] Там же. Л. 141 об.

Западной области имеются следующие сведения о доходности и посещаемости храмов в 1927-1928 годах.

Табл. 8
Средняя посещаемость церквей Западной области в 1927-1928 гг.[340]

Церкви	1927 год	1928 год
Городские	100-160 чел.	50-80 чел.
Деревенские	80-100 чел.	20-30 чел.

Табл. 9
Данные о средней доходности церквей Западной области в 1927-1928 гг.[341]

Год	Доход городских церквей (в руб.)		Доход сельских церквей (в руб.)	
	тихоновцы	обновленцы	тихоновцы	обновленцы
1927	300-350	200-250	100-150	60-80
1928	150-200	50-100	80-100	20-30

Статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» вызвала волну борьбы с административным подходом и искривлением партлинии в антирелигиозной работе. За период со 2 марта 1930 года (публикация статьи в газете «Правда») до издания постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» 15 марта 1930 года на местах воцарилось некоторое затишье. «За этот период, – читаем в отчетах, – от установки которая была дана в статье т. Сталина явился периодом сомнений и колебаний у местных работников в том, что насколько

[340] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 9.
[341] Там же.

это подходит к местным условиям и только после решений ЦК начинают исправлять ошибки. Вместе с тем, у некоторых работников появляется растерянность, паника и разговоры об отступлении»[342]. Но их тут же направляют в нужное русло. Из памятки «Для товарищей, командируемых в деревню для проведения посевной кампании»: «В антирелигиозной работе недопускать перегибов в сторону административного способа, закрытия церквей, снятия колоколов и т.п.»[343].

О связи коллективизации и антирелигиозной кампании написано немало. Внимание исследователей привлекает вопрос о сопряжении этих двух мощных кампаний по переустройству деревни – едином начале, взаимосвязи. Коллективизация, раскулачивание и борьба с религией в деревне сплелись в единое, «сельсоветы ряда областей начали осуществление коллективизации с предложений о закрытии местных храмов»[344]. Об антирелигиозной направленности коллективизации крестьянских хозяйств писал Н.С. Арсеньев в своих рассуждениях о большевизме и религии: «Ярославский утверждал в середине января [1930 года] в написанной им передовице, что знаменитый “пятилетний план” приведет к “окончательной гибели религиозных предрассудков” в сельской местности. “Беднота” пишет: “При ликвидации кулачества как класса необходимо разорвать на куски и его идеологическую подоплеку – религиозные организации»[345]. Английский историк Джеффри Хоскинг также отмечал, что «как правило, после создания колхоза церковь в конце концов закрывали и превращали в склад или деревенский клуб…»[346].

Колхозники, считалось, обязательно должны быть неверующими. С одной стороны, власти заявляли, что вступление в колхоз не означает отказ от религии, с другой стороны, часты случаи, когда у новых колхозников

[342] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 168. Л. 67.
[343] Там же. Л. 113.
[344] Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20-30х гг. Спб., 1997. С. 28.
[345] Арсеньев Н.С. Указ. соч. С. 29-30.
[346] Джеффри Хоскинг. История Советского Союза. 1917-1991. М., 1995. С. 242.

забирали все иконы, вера порицалась, а колхоз, в членстве которого были замечены религиозники, считался неправильно организованным. Раз колхоз организовывала советская власть, то он заведомо должен был стать объединением безбожников. Наличие верующих в советском коллективном объединении воспринималось сродни контрреволюционному шпионажу.

Например, в информационной сводке №1061 по обследованию ряда сельсоветов и РИКа Юхновского района за период с 4 по 17 декабря 1929 года отмечается одним из фактов «безобразия» и «грубейшего извращения классовой линии»[347], что «колхоз "Краснолесье" состоит из попадьи Вагиной, сына попа Покровского, попадьи Ханкиной, сына дьяка Рогозинского, дьяка Виноградова и звонаря Укропова»[348].

Или, другой случай: уполномоченный Западным обкомом ВКП(б) по весенне-посевной кампании в Сухиничском округе Алексеев М.А. в марте 1930 года отмечал как нарушение, что в колхозы «принимали всех без различия», говоря о церковном старосте и индивидуально обложенном[349]. Хотя, в ситуации с церковным старостой даже нет речи о служителе культа – обыкновенно, это простые верующие крестьяне из состава религиозного общества при церкви.

Известен случай, когда в одном из сельсоветов Тёмкинского района «церковный совет был обложен или хотели обложить индивидуальным налогом и не приняли их в колхоз, а сторожиха ШКМ имея мужа сторожа церкви последнего претисняет если ты не бросишь там служить я разведусь, а то нас не примут в колхоз»[350]. Или другой типичный случай: в марте 1930 года уполномоченный по посевной кампании в Торопецком районе Великолукского округа отмечает, что «при индивидуальном подходе…в отношении вовлечения в колхоз, встречаешь такое возражение – "в колхоз не

[347] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 213.
[348] Там же.
[349] Там же. Д. 756. Л. 41.
[350] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 97. Л. 35.

пойду, потому что религиозен, не могу сразу порвать с религией”»[351]. При попытке разъяснения отсутствия взаимосвязи между колхозами и религией, уполномоченному указывали на примеры, «когда вступая в колхозы, не приступив еще к колхозной работе, собирали по хатам иконы и сжигали»[352]. И снова налицо двойственность политики.

С иконами дело обстояло кощунственно: над ними издевались, придумывая самые изощрённые методы «наказания». И, если разбить или распилить тот же колокол или купольный крест было делом, требовавшим приложения значительных сил, а в ином церковном имуществе безбожники видели материальную ценность, в том числе и лично для себя, то лики на деревянных дощечках, в большинстве, ничего, кроме контрреволюционного хлама для богоборцев не представляли.

Так, комсомольцы Измайловской ячейки Смоленского окружкома ВКП(б) «поколотили иконы забравшись в церковь, исправлялись на поповские ризы и иконы, это дело не получило широкой огласки, потому не знают точно кто это сделал, но это успокоение лишь одно, а факт остался фактом»[353]. Иконы судили, их расстреливали, безрассудством своих поступков напоказ выставляя последствия форсированной массовой борьбы с религией: «…в одном селе расстреляли иконы, на которых делали надписи: “Мария расстреляна за проституцию”, “Николай угодник, как противоколхозник”. …Одним словом занимались всем, хватались за всё, а главное упускали из виду – достижения в области колхозного строительства – не закрепляли»[354].

Простой и обыденной расправой с иконами считалось их сжигание. Например, в деревне Мамоново Вяземского округа в конце марта 1930 года местные комсомольцы взялись сжигать иконы сразу после антирелигиозного доклада, и сам процесс протекал «с понуждением отдельных граждан и

[351] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 710. Л. 129.
[352] Там же.
[353] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 83. Л. 32.
[354] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 756. Л. 41.

угрозами оштрафовать от 25 до 50 руб.»[355]. И, несмотря на то, что такого рода «мероприятия» воспринимались и оценивались властью любого уровня, как безобразия и искажение политики партии, эта практика была обыденной для деревни рубежа 1920-1930-х годов.

***

Государственная вероисповедная политика конца 1920-х – начала 1930-х годов осуществлялась по нескольким направлениям: носила антицерковный характер (повсеместно закрывались храмы всех конфессий без исключения), являлась антиколокольной (якобы для пополнения металлофонда индустриализации с церквей снимали колокола и тяжелые металлические конструкции из черного и цветного металла), а также представляла собой антиклирикальную кампанию, т.к. внимание спецслужб в разгар коллективизации и раскулачивания было уделено именно священнослужителям, объявленным пособниками кулачества. Потому более полно и правильно будет называть данную государственную политику – антирелигиозной.

Отношение к религии и религиозным объединениям у государственных и партийных лидеров Советского Союза было разным. Выступления первых лиц на съездах, заметки в печатных изданиях, пропагандистские лозунги, поочередная публикация ужесточающих и смягчающих нормативно-правовых актов, или перечеркивание секретным циркуляром ранее принятых и опубликованных постановлений, – всё это порождало двойные стандарты в восприятии и реализации антирелигиозной политики на местах.

8 апреля 1929 года было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», ставшее основным законом о религии вплоть до распада СССР. Постановление касалось имущественных и неимущественных отношений религиозных общин с советской властью и охватывало два направления – деятельность объединений верующих и

[355] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 131. Л. 61.

порядок функционирования вверенных им в пользование молитвенных зданий.

На основе и в развитие этого постановления создавалась и вся остальная нормативно-правовая база, причем она находилась в постоянном процессе доработки в зависимости от меняющихся установок и результатов в антирелигиозной политике.

Низовым работникам трудно было ориентироваться в тонкостях законодательства, в лучшем случае они имели представление о постановлении «О религиозных объединениях» и нуждались в постоянных комментариях юрисконсультов областной комиссии по вопросам культов. Такая переписка в достаточном количестве сохранилась в материалах о закрытии церквей. Но часты были и ситуации, когда в начавшихся перегибах не требовалось ни знания законов, ни потребности в их комментариях, и только активность членов религиозной общины в их протесте могла способствовать сохранению храмов.

К 1929 году религиозные объединения были лишены права вести частную образовательную и общественную деятельность, а именно, создавать приюты, богадельни, кружки, лечебницы и т.д. Также под запрет попала религиозная пропаганда, и общины могли только удовлетворять культовые потребности своих верующих в исполнении религиозных обрядов.

Практически все советские учреждения были обязаны поддерживать и вносить свой вклад в антирелигиозную пропаганду, но на деле она активизировалась лишь в преддверии церковных праздников и представляла собой гонку за показателями: сколько прочитано лекций, сколько новых ячеек безбожников образовано, сколько человек вступило в ряды безбожников и т.п.

Ни один центральный или местный правовой акт не упоминает о каких-либо антирелигиозных кампаниях на рубеже 1920-1930-х годов: речь идет о

закрытии храмов, о необходимости борьбы с контрреволюционными религиозными организациями, о сроках и нормах сдачи колокольной бронзы. В Западной области религиозный вопрос не поднимался ни на одной из областных партийных конференций, как будто как такового его не существовало вообще. Крайне редко этот вопрос обсуждался на заседаниях бюро Западного областного комитета ВКП(б) (практически все вопросы о проведении антирелигиозной политики приняты на закрытых заседаниях Запобкома). Такая своего рода «обстановка секретности» исключала законность и демократичность в антирелигиозной политике.

В осуществлении антирелигиозной политики на первое место вышел административный подход, к которому призывало постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 года и которое позже будет «отменено» постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 10 марта 1930 года. Если в первом документе выделено два вида деятельности церковников – религиозная и контрреволюционная – и декларировался призыв к административному подходу в борьбе с церковью, что в обстановке официального неприятия религии развязало руки местным властям, то во втором постановлении осуждалось любое администрирование в работе по закрытию церквей. Поднялась волна недовольства, посыпались требования открыть храмы, закрытые административно (популярная формулировка для весны 1930 года).

Основным предлогом для ликвидации (закрытия) молитвенных зданий выступали общественно-культурные нужды. Это вполне объяснимо – в селах был дефицит библиотек, домов культуры, школ, административных и технических помещений для создававшихся колхозов. В Западной области, судя по протоколам областного исполнительного комитета, с середины 1929 до конца 1930 года среди всех закрытых по постановлению облисполкома храмов в 51, 6% случаев церкви были закрыты по ходатайствам населения, в

20,5% случаев из-за жилищного кризиса, нехватки складов, в 17,2% случаев ввиду отказов верующих от храма, его бесхозности или отсутствия религиозной общины, в 10,7% случаев за отказ общины в выполнении ремонта, или из-за ветхости и угрозы обвала здания.

Верующие имели возможность спасти местную церковь от ликвидации, зарегистрировав религиозное объединение в количестве не менее 20 человек и получив храм в бесплатное пользование, но, даже если удавалось пройти процедуру регистрации, то выдержать бремя «бесплатного» пользования было под силу не каждой общине верующих. К трем основным налогам на церковь – налог со строений, земельная рента и страхование от огня – добавлялось содержание молитвенного здания, проведения в нем ремонта, затраты на оплату труда священника и церковного сторожа, покупка дров и т.п.

Религиозные общины не имели статуса юридического лица и были приравнены к частным организациям, от чего все их сделки облагались высокими налогами. К этому добавлялись облигации на госзаймы, которые общины вынуждены были выкупать, чтобы не осложнять отношений с местными властями, сборы за авторский гонорар при исполнении церковных произведений и иные незаконные платежи. Некоторые общины не выдерживали и распадались, ведь параллельно с церковными налогами крестьяне испытывали и многие другие материальные обременения, особенно индивидуальные хозяйства.

Пропаганда призывала к закрытию храмов на благие цели, но в реальности переоборудовать молитвенное здание под культурные или общественные нужды оказывалось делом дорогостоящим, и вместо больницы или кинотеатра здания оставались пустующими или разобранными на стройматериал. Связано это было с тем, что переоборудование подчас крупных, не отапливаемых храмов ложилось на плечи местных бюджетов и в сельской местности представляло собой дорогостоящее мероприятие. При

этом не мало церквей были действительно переоборудованы, часто помещение делили на части, которые занимались разными организациями. Значительное количество храмов, судя по письмам религиозных объединений, было занято под овощные или зерновые хранилища.

Раскулачивание священников и их выселение также существенно отражалось на возможностях функционирования религиозных общин, поскольку законом запрещалось проводить службы и даже регистрировать объединения верующих, если при ней не было священнослужителя. Новые законодательные акты отнимали у служителей культа всё больше прав, иногда заставляя их отказываться от сана.

Ещё одним ударом по работе религиозных общин становился запрет колокольного звона, если, на усмотрение местных властей, он мешал работе советских учреждений, а позже – изъятие колоколов и других металлических конструкций из храмов. Само по себе это не означало закрытие храма или ликвидацию религиозной общины, но неизбежно вызывало недовольство верующих, находившее свое выражение в разных формах крестьянского сопротивления антирелигиозной политике государства.

Глава 2. Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов

§ 2.1. Активные и пассивные формы крестьянского сопротивления антирелигиозной политике рубежа 1920-1930-х годов: историографические подходы

Благодаря современной доступности архивных документов, рассекречиванию большинства из них, возможным стало изучение многих, ранее не анализированных, аспектов крестьянского сопротивления на рубеже 1920-1930-х годов. Нас интересуют исследования, так или иначе коснувшиеся протеста верующих, но, так как при советской власти изучение церкви было затруднительным, то справедливо говорить о работах последних двух-трёх десятков лет.

Среди прочего, в трудах учёных, специализирующихся на изучении религиозной политики в СССР на рубеже 1920-1930-х годов, выделяется вопрос о наличии сопротивления в кругах верующих антирелигиозной политике в начале 1930-х годов, и он до сих пор остается открытым. Исследователи не могут прийти к единому мнению в вопросах разнообразия форм сопротивления верующих (делилось ли оно на активное и пассивное, либо активного сопротивления верующих не существовало) и, в принципе, о существовании сопротивления верующих, как такового. Несмотря на то, что при специальном изучении данной научной литературы несовпадение мнений налицо, авторы не выделяют сопротивления верующих в

самостоятельный предмет исследования. Происходит это по разным причинам: для начала 1990-х гг. вследствие рассекречивания архивов были характерны масштабные работы, раскрывающие подлинную историю развития религии и церкви в СССР. Исследования 2000-х гг. имеют уже более узкую тематику – возрастает роль региональной истории, истории личности, подвижничества. Проявляется интерес к сопротивлению верующих, но историки судят о нём по отрывочным сведениям из архивных источников, потому в разных ситуациях приходят к разным мнениям. Чтобы рассуждать на данную тему, историку необходимо определиться с тем, что стоит понимать под «сопротивлением».

В толковом словаре Д.Н. Ушакова глагол «сопротивляться» означает «оказывать противодействие, противостоять, выдерживать воздействие, нападение кого-чего-нибудь»[356]. Сам глагол «сопротивляться» относится к несовершенному виду действия, поэтому заранее оговоримся, что нет оснований рассматривать сопротивление верующих в контексте наступления на советскую власть, – оно проявлялось исключительно как ответ на действия властей всех уровней, и историки единодушны в этом мнении. Сопротивление верующих, буквально в соответствии с формулировкой Ушакова, сводилось к противодействию грабительским изъятиям имущества из храмов, противостоянию налоговому, психологическому и иному воздействию на религиозные общины.

Рассмотрим мнения историков о наличии сопротивления верующих церковной политике в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

От рассуждений о сопротивлении верующих в контексте наступления на советскую власть предостерегает крупный специалист по истории церкви в СССР, один из первопроходцев в постсоветской историографии в вопросах взаимоотношений государства и церкви М.Ю. Крапивин. На основании открывшихся для доступа архивных документов, он приходит к выводу, что

[356] Толковый словарь русского языка. Т. 4. М., 1940. Стб. 388.

«нет оснований (на уровне современных наших знаний) вести речь о некоем едином религиозном (тем более межконфессиональном) движении сопротивления большевистскому режиму в 1928-1931 гг., о некоем церковно-кулацком блоке, противостоявшем правящей партии. Вина священнослужителей перед будущим колхозно-совхозным строем была неадекватна тяжести тех карательных мер, что использовали государственно-чекистские органы против Церкви и верующих»[357].

Автор призывает к внимательному анализу информационных и обвинительных документов того времени, в которых зачастую обычное социальное поведение выдавалось за яростные акты сопротивления: «Как известно, для НКВД и СВБ СССР навешивание политизированных ярлыков стало в конце 1920-х годов абсолютно привычным делом. Как примеры контрреволюционных проявлений характеризовались в сводках упомянутых ведомств факты благотворительной деятельности духовенства; высказывания духовенством вслух пожелания относительно предоставления лицам духовного звания всей полноты гражданских и политических прав; несвоевременное выполнение священниками возложенных на них государством обязательств по поставкам в госфонды зерна и других продуктов сельского хозяйства. Резко негативно властями расценивалось стремление вернуть верующим церкви, закрытые в административном порядке, или начать строительство новых молитвенных зданий (в этом случае власти всегда искали инициатора подобного рода предложений, организатора движения в защиту “незаконных” требований верующих»[358].

Выражение всякого рода протеста представителями духовенства или верующими мирянами, по мнению автора, каралось строгими мерами, т.к. «власти не допускали и мысли о праве верующих защитить самих себя, своё сознание, свою совесть, свою семейную жизнь от насильственного, зачастую

[357] Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 192.
[358] Там же. С. 193.

циничного антирелигиозного давления». Страх властей перед мнимой контрреволюционной силой деревни и безграмотность, беззаконие на местах привели к тому, что «срыв богоборческих мероприятий, и, не дай Бог, избиение верующими наиболее ретивых агитаторов-безбожников, расценивались как контрреволюционный сговор и террор и подводились под расстрельные уголовные статьи»[359]. В то же время многочисленные перегибы и административный подход вызвали закономерный протест и «заставили Центральную комиссию по вопросам культов (постановление от 30 апреля 1930 г.) и Президиум ВЦИК (циркуляр №247/с от 20 июня 1930 г.) выступить с осуждением нарушений культового законодательства 1929 г. в каждодневной практике советских и хозяйственных органов»[360].

На стыке истории, социологии и конфликтологии находится опубликованная на основе кандидатской диссертации, монография Д.Л. Доржиева, посвященная сопротивлению крестьянства государственной политике в Бурятии. Вопросы религии Доржиев рассматривает на местном материале и больше внимания уделяет буддизму, но интересен его подход к природе крестьянского сопротивления: автор, учитывая, что в социологии и политологии «есть целое научное направление, занимающееся изучением так называемых «протестных форм политического поведения» человека, являющихся обязательной составляющей конфликтов подобного рода»[361], придерживается понятия «социально-политического конфликта», которое определяет, как «острое столкновение между оппонентами данного политического режима и самим режимом, возникающее на почве серьезных и глубоких разногласий по поводу тех или иных социально-экономических и политических проблем»[362]. Он выделяет в нем две формы: протест, или протестное движение, и восстание, где протест «оказывается достаточно

[359] Там же.
[360] Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб., 2005. С. 202.
[361] Доржиев Д.Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920-1930-х гг. Улан-Удэ, 1996. С. 77.
[362] Там же.

непродолжительным по времени своего существования и выражается, в основном, в действиях, связанных с неповиновением властям и нарушением общественного порядка», а восстания «нацелены на радикальное разрешение фундаментальных проблем государственно-политического, социально-экономического устройства страны и уже этим самым предполагают проявления вооруженного насилия между его участниками и государством»[363]. Таким образом, справедливо отнести создавшийся в результате церковных преобразований социально-политический конфликт к группе протеста, но никак не к восстанию.

Одним из первых классификацию крестьянского сопротивления в период преобразований 1920-1930 гг., ставшую классической для отечественной и зарубежной историографии, в своей работе «Коллективизация и раскулачивание» привел российский историк Н.А. Ивницкий[364]. Он использовал понятия *активного* и *пассивного* сопротивления, в рамках каждого из которых охарактеризовал формы сопротивления коллективизации. Хотя исследование посвящено вопросам коллективизации и раскулачивания, наличие активных и пассивных форм, а также некоторых видов сопротивления (массовые выступления, террор, агитация и т.д.), описанных в монографии, актуальны, в том числе, для сопротивления антирелигиозной политике, чем и пользуются историки религии СССР.

О наличии активных и пассивных форм крестьянского сопротивления антирелигиозной политике, историки расходятся во мнениях. Одни считают, что для верующих крестьян начала 1930-х годов характерно исключительно пассивное сопротивление. В.А. Бердинских, автор работ по истории крестьянства, в том числе региональных исследований на материале Вятского края, считает, что «активное сопротивление было обречено на неудачу. Пассивное сопротивление – скорбь, оплакивание гибнущей веры,

[363] Там же.
[364] Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30х годов). М., 1994.

тайное хранение икон и тайные молитвы держались долго в крестьянской среде»[365]. Кроме того, пассивное совсем не означало слабое, наоборот, «сломить пассивное сопротивление церкви им [коммунистам] не удавалось. Воинствующее, зачастую безграмотное безбожие, насаждаемое административными методами, не имело шансов на успех»[366], – утверждает другой коллектив авторов в своей региональной публикации архивных документов.

Того же мнения придерживается в своей документальной работе «Голос народа» А.К. Соколов, отмечая, что «закрытие церквей, приспособление их под клубы, склады, амбары, несмотря на стихийные протесты населения, разворачивалось поистине бешеными темпами, а естественное сопротивление этому процессу среди населения выдавалось как усиление религиозной контрреволюционной агитации»[367]. Учитывая специфику опубликованных в работе источников – писем и откликов – автор приводит некоторые примеры слухов и листовок, так называемых «писем от Бога», как свидетельства массового проявления пассивного протеста в среде верующих: «Свидетельством тревожной и неустойчивой ситуации стало распространение слухов, которые, как не раз бывало в прошлом, приобретали совершенно иррациональный характер, поражающий порой отсутствием какого-либо здравого смысла и содержания… Имели хождение «письма от бога», где говорилось, что “нечистый спустился с неба”, что “живут в мире нечестивые”… Сообщалось, что в деревнях “ходят слухи о домовых, леших, всякие легенды и небылицы в связи с коллективизацией. Объявляются иконы. Стекаются паломники. Женщины жалеют, что вступили в колхоз, продав душу Антихристу”»[368].

[365] Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 290.
[366] Беспарточный Б.Д., Ильина З.Д., Карнасевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Курск, 1999. С. 119.
[367] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997. С. 296.
[368] Там же.

Зачастую, не желая отказываться от религии и не принимая новых государственных преобразований, верующие и священники уходили в подполье: «Для многих утрата традиционных форм религиозного поклонения означала конец активной веры… Всеобъемлющие репрессии властей загоняли верующих в подполье, что нередко делало их веру более глубокой и искренней»[369]. Об этом же пишет другой известный российский исследователь, крупный специалист по истории Русской православной церкви А.Н. Кашеваров: «В результате развернувшегося в 1929-1932 гг. антирелигиозного наступления резко сократилось число действовавших церквей, а в ряде местностей верующие вообще остались без храмов. В этих условиях некоторые священнослужители развернули тайную богослужебную деятельность для духовного окормления православных христиан»[370]. Всё это свидетельствует о наличии пассивного сопротивления, но не политического, а именно социального, в желании сохранить традиционный уклад.

Об уходе верующих в немой пассивный протест с нотой разочарования в конце 1990-х упоминал протоиерей В. Цыпин в труде «Русская православная церковь: 1925-1938», уже ставшем, судя по активности ссылок на него церковных историков, классикой историографии: «Разгул дикого вандализма вызвал в душах людей отвращение и ужас. Народ в большинстве своем оставался еще верующим и православным, но русские люди не имели уже сил постоять за себя. Не многих рабочих и крестьян удавалось вовлечь в святотатственные преступления, но остановить врагов Церкви, удержать их от кощунственных злодеяний, защитить святыни было некому: не только физически, но и духовно народ был раздавлен»[371].

Некоторые исследователи отмечают, что крестьянскому сопротивлению антирелигиозной политике конца 1920-х – начала 1930-х годов отнюдь не чужды были активные формы сопротивления. «Перегибы в

[369] Джеффри Хоскинг. Указ соч. С. 243.
[370] Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917-1945 гг. СПб., 1995. С. 114.
[371] Цыпин В. (протоиерей). Русская православная церковь: 1925-1938. М., 1999. С. 203-204.

религиозной политике усугублялись драматизмом массовой коллективизации, попытками «подхлестнуть» темпы преобразований. Протесты против насильственной коллективизации усиливались недовольством части населения закрытием церквей, что, в свою очередь, вызывало применение административных и репрессивных мер, новые перехлесты», – пишет историк Ю.Н. Бакаев в своей работе «Власть и религия: история отношений (1917-1941)»[372].

О том, что активное сопротивление верующих действительно имело место, пишет участник большинства знаковых событий, связанных с преобразованиями в религиозной сфере 1920-1930-х годов, протоиерей Д.В. Константинов. Автор лично принимал «активное участие в довоенном нелегальном движении религиозного сопротивления, которое пытались противопоставить верующие губительному административному разгрому видимой, внешней жизни Русской Православной Церкви (РПЦ), учиненному в тридцатых годах Сталиным»[373].

Одними из первых трудов по церковной истории советского государства, переосмысленных по открытым архивным источникам, стали монографии В.А. Алексеева, в одной из которых о сопротивлении верующих он пишет следующее: «“Время великого перелома” не случайно приходится на 1929-30 годы и совпадает с началом новой войны с церковью. В этот период оказались связанными в тугой узел множество противоречий и проблем, накопившихся в обществе, начиная от «забуксовавшей» экономики по причине волевого притягивания ее к моноукладности, насаждения командных методов руководства сельским хозяйством и промышленностью, и кончая появившимися «нарывами» в области духовной жизни, которую власти тоже хотели унифицировать, подогнать под ранжир. В этот ранжир не укладывался не только религиозный плюрализм, когда в стране

[372] Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917-1941). Хабаровск, 2002. С. 79.
[373] Константинов Д.В. (протоиерей). Гонимая Церковь: русская Православная Церковь в СССР. М., 1999. С. 7.

существовало несколько десятков церквей и религиозных течений, объединявших более 120 миллионов верующих, но и вообще не вписывалась сама религия в некую систему духовных ценностей, насаждаемых партийно-государственной властью. Но внедрение этой новой для общества идеологии (только двенадцать лет прошло после Октября!) встречало не просто пассивное сопротивление или глухое неприятие, но и активное отторжение»[374]. Активное отторжение вылилось в конкретной исторической ситуации в активные формы протеста верующих, в отчаянии отстаивавших своё мнимое право на свободу совести.

При осмыслении международной роли Русской Православной Церкви в довоенные и военные годы российский историк С.В. Болотов не может оставить без внимания рост движения сопротивления в ответ на усиление давления на религию в начале 1930-х годов: «В качестве примера того, как конфликт советских властей с Русской Православной Церковью осложнял работу советским дипломатам, можно привести ряд антисоветских заявлений в международной прессе по поводу преследования верующих в СССР, сделанных в начале 1930 гг. К этому времени ситуация внутри СССР в религиозном вопросе стала критической, что серьезно затрудняло большевикам проведение коллективизации крестьян, поскольку антирелигиозные акции вызывали массовые волнения в деревнях, вплоть до вооруженных столкновений с властями»[375].

Некоторую статистику из информсводок ОГПУ приводит в своем исследовании, посвященном положению и поведению российского крестьянства в конце 1920-х годов, И.И. Климин: «Если в 1926-1927 годах протесты на религиозной почве являлись единичными в СССР, то в 1928 году их зарегистрировано уже 44, из которых за июль-август – 29, за 6 месяцев 1929 года количество таких противодействующих актов селян уже достигало

[374] Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? (Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР). М., 1992. С. 71-72.
[375] Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011. С. 39.

115. А данный вид массовых выступлений занимал второе место после хлебозаготовок»[376]. Рост в несколько раз выступлений на религиозной почве свидетельствует, по мнению исследователя, «о всплеске данного вида крестьянского сопротивления в массовом порядке, как ответную реакцию властям на гонения церкви и священнослужителей»[377].

Относительно крестьянских выступлений против религиозной политики, автор проанализировал опубликованные сводки ОГПУ конца 1920-х годов, сгруппировал их по численному, территориальному, социальному признакам, и пришёл к выводу, что «большинство граждан, участвующих в сопротивлении коммунистической власти за преследование ею церкви принадлежало к крестьянам»[378]. Также он выявил основные причины крестьянского сопротивления на религиозной почве: «17 случаев были вызваны закрытием церквей и монастырей, 11 – изъятием церковных помещений и домов, привлечением священнослужителей для общественных нужд; 3 – на почве застройки церковной земли; 3 – установкой антенны на колокольне»[379].

В своём исследовании И.И. Климин предпринимает попытку выявления природы возникновения феномена сопротивления: «Чрезвычайные меры правительства, широко применяемые против трудового крестьянства при изъятии у него излишков хлеба, обременительные, зачастую непосильные налоги, налагаемые государством на деревню, административный нажим на её жителей при создании колхозов, вынуждали сельчан к различным формам протеста в отстаивании своих экономических, социальных, гражданских и политических прав. Причем его формы во многом зависели от масштабов репрессий, применяемых властями в регионах, их социально-экономических условий, от уровня организованности

[376] Климин И.И. Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1928-1929). СПб., 2010. С. 347.
[377] Там же.
[378] Там же. С. 348.
[379] Там же. С. 347-348.

и сознательности крестьян»[380]. В формировании видов сопротивления автор на первое место ставит фактор региональных особенностей и отмечает, что «в одних местах сопротивление принимало пассивный, оборонительно-экономический характер…, в других оно имело и наступательную форму, перерастало в массовые волнения и насильственные, террористические акты против низовых партийных и советских работников»[381].

Масштабно к проблеме трансформаций 1918-1933 годов подошёл итальянский историк А. Грациози, назвав этот период «величайшей европейской крестьянской войной»[382]. Сам автор отмечает, что «практически никто, по-видимому, и не рассматривал ее как самостоятельное историческое явление. Это повлекло за собой ряд серьезных ошибок в интерпретации событий»[383]. События 1918-1933 годов исследователь выстроил, как пьесу: увертюра (1917), акт первый (1918-1922), интерлюдия (перемирие) (1922-1927), акт второй и последний (1928-1933). Соответственно, Грациози сравнивает гражданскую войну, нэп и коллективизацию с крестьянскими войнами прошлого, приводит примерное количество жертв этой войны (12-15 млн. человек; «цифра неточная, скорее указывающая на порядок величины»), делая это для того, чтобы доказать, что действительно это была война[384].

Церковный вопрос Грациози затрагивает опять же относительно сопротивления, притом сам термин «сопротивление», как и многие исследователи, заключает в кавычки: «Кавычки здесь необходимы потому, что термин этот несомненно неоднозначен и за ним скрывается реальность, в которой главную роль играли голод, страх, отчаяние, дезорганизованность и еще многие факторы, тормозившие сельскохозяйственное производство»[385].

---

[380] Там же. С. 251.
[381] Там же. С. 251.
[382] Грациози Андреа. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2008. С. 7.
[383] Там же.
[384] Там же.
[385] Там же. С. 56.

«Сопротивление» автор делит на открытое и пассивное (в отношении последнего неоднократно цитирует Сталина в его письме Шолохову – «тихая война против Советской власти»)[386], но отмечает, что пассивное «сопротивление» «достигло беспрецедентного размаха» от того, что «крестьяне, которые ненавидели новую систему, но уже стали бояться хладнокровного подавления открытого неповиновения», прибегали к пассивным формам протеста[387].

Основываясь на опубликованных архивных документах, Грациози отмечает, что «в течение 1929 года в СССР было около 1300 случаев беспорядков среди крестьян, причем, как отмечало ОГПУ 28 декабря, «колоссальную роль» в них играл религиозный вопрос»[388]. Говоря об актах сопротивления, автор приводит следующие данные по 1930 году: «Более чем в 7380 случаях беспорядки направлены были против коллективизации, в 2339 – против арестов или высылки «антисоветских элементов», в 1487 – против закрытия церквей»[389].

О резком росте сопротивления в 1930 году пишет и исследователь репрессивной политики конца 1920-х годов Хон Вун Хо. Опираясь на опубликованные архивные данные, он приводит следующие цифры – если в 1929 году по сведениям ОГПУ зафиксировано 112 волнений по стране на религиозной почве, то в 1930 году их насчитывалось уже 1487[390]. Ученый делает вывод, что «распространение такого рода выступлений свидетельствует о том, что в условиях, когда рушился привычный образ жизни, важным становилось не только экономическое и физическое выживание, но и защита традиционных духовных ценностей, духовное самосохранение личности»[391].

---

[386] Там же. С. 57, 62.
[387] Там же. С. 56.
[388] Там же. С. 46.
[389] Там же. С. 51.
[390] Хон Вун Хо. Репрессивная политика и реакция населения в советской деревне (1927-1929 гг.). М., 2004. С. 185.
[391] Там же.

Действительно, вследствие усиления религиозной политики к 1930 году повысился и уровень сопротивления, и даже, как отмечает в комплексном исследовании истории взаимоотношений религии и власти в Бурятии И.С. Цыремпилова, на примере той же республики, «религиозная политика государства продолжала развиваться на всех своих основных направлениях… Что, в свою очередь, явилось причиной массовых крестьянских выступлений, в которых активную роль играло духовенство и причиной имевшего место в начале 1930-х годов церковного возрождения»[392]. «Усиление антирелигиозной политики привело к волне недовольств, носивших "характер массовых выступлений" среди верующих и неверующих. Прямым следствием притеснений и преследований духовенства стал протест священнослужителей, сопровождаемый сложением сана. Среди верующих стали нарастать настроения в поддержку и защиту попираемых религии и церкви»[393], – касаясь темы сопротивления верующих в контексте общей церковной истории и истории региона, историк отметила наличие активного протеста и выделила один из видов пассивного – сложение сана священниками.

О том, что сопротивление религиозной политике начала 1930-х годов всколыхнуло село и возродило церковь, говорит в своих работах Ш. Фицпатрик. В труде, ставшем классическим, «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня» она пишет: «Многие говорили о сдержанном отношении крестьян к религии и священникам в 20-е гг. Я.А. Яковлев, будущий нарком земледелия, повсеместно наблюдал это «наплевательское отношение» и делал ироническое предположение, что единственный способ вновь разжечь в деревне религиозный пыл – это закрыть церкви указом сверху»[394], – что, собственно говоря, позже и произошло. «Коллективизация – а точнее,

[392] Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений. (1917-1940 гг.). Улан-Удэ, 2000. С. 135.
[393] Там же. С. 123-124.
[394] Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. С. 47.

сопровождавшие ее массовое закрытие церквей, сожжение икон, аресты священников – мгновенно возродила православную набожность… Мотив попрания государством исконной веры крестьян занял центральное место в образной системе, используемой селом для выражения протеста против коллективизации»[395].Таким образом, религиозное сопротивление Шейла Фицпатрик рассматривает исключительно как часть общего сопротивления коллективизации, но придаёт ему значительную роль: «Сопротивление крестьян государству в некотором отношении принимало религиозную окраску»[396]; «Мотив попрания государством исконной веры крестьян занял центральное место в образной системе, используемой селом для выражения протеста против коллективизации»[397]; «…в сопротивлении крестьян коллективизации появилась значительная символическая составляющая [о религии]»[398]. Автор не признаёт наличие форм активного сопротивления, объясняя высокой репрессивностью, и всё больше выделяет феномен «повседневного сопротивления», характерный для крестьян в эпоху крепостного права и вернувшийся во времена колхозов. Она выделяет ставшие уже традиционными в историографии формы крестьянского сопротивления коллективизации (бегство, слухи, забой скота, апатия и т.д.), включая туда религиозный протест.

Поведение крестьян во время социальных потрясений в деревне Фицпатрик рассматривает через призму, так называемых, «стратегий». Точнее, она назвала их «стратегиями подчиненных», – «…ибо они неразрывно связаны с подчиненным статусом крестьян в обществе и их положением как объектов агрессии и эксплуатации со стороны вышестоящих органов и отдельных лиц»[399].

[395] Там же. С. 14.
[396] Там же. С. 13.
[397] Там же. С. 14.
[398] Там же. С. 75.
[399] Там же. С. 12.

Все крестьянские «стратегии» Фицпатрик делит на «стратегии сопротивления», «стратегии приспособления» и «стратегии манипулирования». Сам термин «стратегий» автор трактует как «[способы], взятые на вооружение российскими крестьянами, чтобы справиться с последствиями удара, нанесенного им государством в ходе коллективизации, и те способы, с помощью которых они пытались поставить колхозы на службу собственным интересам, а не только интересам государства»[400]. Религиозная тематика автором рассматривается только в «стратегиях сопротивления», потому остановимся на них.

В 1996 году канадский историк Линн Виола опубликовала своё исследование «Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления» (“Peasant Rebels Under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance”), переведённое и переизданное в России в 2010 году. Крестьянское сопротивление автор рассматривает как целый институт, включающий в себя множество других понятий, раскрывающих «язык и ментальность сталинизма» («кулак», «контрреволюция», «саботаж», «измена», «разбазаривание», «самораскулачивание», «перегибы», «массовые беспорядки», «бабьи бунты» и др.)[401]. Она выделяет феномен «культуры сопротивления» – «присущий крестьянству особый стиль коммуникации, поведения и взаимодействия с элитами… В этом стиле стремление диктовать свою волю власти, протестовать против ее шагов сочетается с попытками приспособиться к установленному ею режиму…», – обозначая тем самым серьезность государственной политики, затронувшей в 1930-е годы все сферы жизни крестьянства, и последовавшего ответа на нее[402].

Виола признает наличие активных и пассивных форм «народного сопротивления», придерживается мнения о разнообразии его видов:

[400] Там же. С. 11-12.
[401] Виола Линн. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 21.
[402] Там же. С. 13.

«…закрытие церквей и снятие колоколов в буквальном и в не менее значимом переносном смысле било в самое сердце традиционного уклада деревни, по символам культурного единства общины… Несмотря на то, что в основе процесса коллективизации лежал специфический идеологический аспект коммунизма, беды, которые он нес, в каком-то смысле были «исконными» причинами любого крестьянского восстания, вне зависимости от времени и культурных различий»[403].

Работа Виолы «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» целиком посвящена крестьянскому сопротивлению в 1930-е годы. Автор через поведение крестьян исследует историю коллективизации, в целом: «Когда крестьяне прибегают к актам сопротивления, они “высказываются в полный голос”… Взгляд сквозь призму сопротивления помогает выделить ключевые характеристики крестьянского общества, его культуры и политики»[404].

По мнению автора, сопротивление крестьянства носило ответный характер на действия властей, представляло собой реагирование в ответ на притеснения и радикальные меры[405].

Французский историк Николя Верт в своей работе «Террор и беспорядок» термин сопротивление заключает в кавычки, как бы до конца не признавая его полноценного существования. Так, о сопротивлении он пишет: «“Сопротивление” – это спутник власти. Чем более тотальной она становится, чем сильнее желание осуществлять контроль над самыми разнообразными сферами общественной и экономической жизни, тем упорнее “сопротивление”, причем сама власть всё чаще квалифицирует “обычное” социальное поведение как отклонение от нормы, проявление оппозиции или “сопротивление”.

В этом контексте часто трудно проследить, где пролегает водораздел между намерениями индивидов, степенью осознанности, с которой они

[403] Там же. С. 193.
[404] Там же. С. 13.
[405] Там же. С. 20.

совершали деяния, считающиеся отклонением от существующих норм, и трактовка их поведения режимом как проявление политической позиции»[406].

Автор признает наличие активных и пассивных форм сопротивления крестьянства и выделяет «4 уровня (круга)» «сопротивления»: 1) активное – участие в более-менее организованных коллективных действиях, выражающих полное отторжение советской системы (крестьянские восстания, мятежи, массовые выступления); 2) социальное неподчинение – стихийное проявление стратегий ухода от контроля, ограничений и запретов (массовые невыходы на работу в колхозах, отказы сеять, невыполнение плана); 3) несогласие и расхождение во взглядах – нонконформистские настроения, демонстрирующие степень самостоятельности общественного мнения; 4) модель ухода или взаимного игнорирования – например, сохранение религиозных праздников в атеистическом государстве)[407]. Данная классификация несколько отличается от принятого в историографии деления на активные и пассивные формы, и обладает несколько размытыми границами между уровнями сопротивления, но всё же нельзя поспорить с ее состоятельностью.

Из форм активного сопротивления автор, на основании труда Эрика Хобсбаума «Примитивные бунтари» и в соответствии с документами отделов силовых структур, выделяет три типа бандитизма: уголовный (в основном, крестьянский, направленный против советских учреждений и их сотрудников, вызов «порядку управления»), политбандитизм (приграничный, связанный с антисоветскими иностранными организациями, представленными более всего в приграничных районах) и «бытовой» бандитизм (распространенный в национальных окраинах; разделил его на «летучие» и «оседлые» банды). К ним он добавляет еще «кулацкий бандитизм», и поясняет, что в сводках границы между всеми названными

[406] Верт Николя. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 337.
[407] Там же. С. 338-339.

типами бандитизма размыты[408]. Отметим, что к религиозникам в сводках чаще применялись понятия уголовного и кулацкого бандитизма.

В наши дни рефлексия в отношении места и форм крестьянского сопротивления развивается. Возрастает число региональных исследований по церковной истории, в том числе, о наличии и роли сопротивления верующих. Так, П.А. Рыбаков в публикации о коллективизации в Московской области и реакции крестьянства на преобразование деревни на конкретных примерах из архивных документов доказывает наличие активных и пассивных форм сопротивления, в том числе, и верующего крестьянства: «Часто организация колхозов сопровождалась закрытием церквей, снятием колоколов, гонениями на верующих, арестами священнослужителей… В с. Ветчаны Тумского района 24 февраля прямо во время церковной службы бригадой был арестован поп. В результате на следующий день в селе прошла демонстрация протеста, в которой участвовало до 100 человек»[409]. Крупный исследователь истории Среднего Поволжья 1920-х годов Л.Н. Лютов также выявил некоторое число архивных документов, содержащих доказательства наличия активного сопротивления верующего крестьянства и Церкви закрытию храмов, коллективизации и раскулачиванию на примере Ульяновского округа Средне-Волжской области[410]. Примечательно, что статья выполнена целиком на основе первичного архивного материала.

Как видно, рассмотренные современные исследования деревни конца 1920-х – начала 1930-х годов затрагивают тематику крестьянского сопротивления антирелигиозной политике, но не дают полного представления о проблеме. Одни работы ограничиваются общей эмоциональной окраской на фоне сопротивления коллективизации и раскулачиванию, другие освещают суть крестьянского сопротивления в

[408] Там же. С. 121-124.
[409] Рыбаков П.А. Коллективизация в Московской области в восприятии крестьянства // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 82-88.
[410] Лютов Л.Н. Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 78–90.

принципе, третьи приводят отрывочные статистические данные, не отражающие в полной мере картину происходящего. Практически отсутствуют описания форм активного и пассивного сопротивления религиозной политике.

§ 2.2. Активные формы крестьянского сопротивления государственной антицерковной политике: региональные особенности

Судя по опубликованным и неопубликованным источникам, нет оснований сомневаться в наличии активного сопротивления верующего крестьянства вероисповедной политике государства на рубеже 1920-1930-х годов: верующие не только плакали и сплетничали, доведённые до отчаяния необоснованными закрытиями храмов, арестами, конфискацией церковного и личного имущества, они отстаивали свои права на собраниях, в массовых выступлениях с вилами и кольями в руках.

Органы ОГПУ, конечно, утрировали информацию о группировках церковников, приписывая им задачи и функции, часто им не свойственные (например, свержение советской власти), но, тем не менее, по сводкам ОГПУ можно попробовать установить виды активного протеста верующих.

Наибольшую тревогу властей вызывали массовые выступления верующих и сочувствующих им по причинам недовольства результатами вероисповедной политики. Поэтому, *массовые выступления* следует относить к одному из видов активного сопротивления.

За 1928 год на западе страны, куда входили Смоленская и Брянская губернии, как базовые территории будущей Западной области, было официально зафиксировано два выступления на религиозной почве, что составило 4,5 % от общего количества выступлений по СССР: 44 по одним

данным[411] и 43 – по другим[412]. Всего массовых выступлений в 1928 году по стране было отмечено 709, соответственно, выступления на религиозной почве составляли 6,2 % от общего числа выступлений[413].

В «Обзоре политического состояния СССР за апрель 1929 года (по данным ОГПУ)» отмечалось: «С конца 1928 года наблюдается количественный рост массовых выступлений на религиозной почве. Если за первую половину 1928 года по деревне было зарегистрировано 19 массовых выступлений на религиозной почве, то во второй половине 1928 года зарегистрировано 24 выступления… В 1928 году выступления на религиозной почве составляли около 6 % всех массовых выступлений, за январь-май месяцы 1929 года – 22 %»[414].

Помимо роста числа массовых выступлений органы ОГПУ отмечали рост количества участников в них: «Так, если в 1928 году в среднем на каждое выступление приходилось 235 человек участников, то в 1929 году – до 400 человек»[415]. В 1929 году в Западной области уже было зафиксировано 39 массовых выступлений с общим количеством учтённых участников –4370. По своим основания эти выступления распределялись следующим образом:

Табл. 1.

Массовые выступления в Западной области в 1929 году[416].

Причины	Кол-во выступлений	Доля в процентах	Кол-во участников	Доля в процентах
Хлебозаготовки	1	2,6 %	300	6,9 %

[411] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923-1929. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 819.
[412] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 7: 1929 г. М., 2004. С. 204.
[413] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930-1934. Кн. 1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 519.
[414] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 7: 1929 г. М., 2004. С. 204.
[415] Там же.
[416] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 8: 1930 г. Ч. 1. М., 2008. С. 739.

Религиозные	9	23 %	2460	56,3 %
Коллективизация	14	35,9 %	645	14,8 %
Продзатруднения	8	20,5 %	525	12 %
Землеустройство	2	5,1 %	70	1,6 %
Самосуд	1	2,6 %	не учтено	
Разное	4	10,3 %	370	8,4 %
Всего	39		4370	

Таким образом, с 1928 по 1929 годы количество выступлений на религиозной почве, официально зафиксированных на западе страны, возросло в 4,5 раза.

Из таблицы видно, что эти выступления по количеству участников занимали первое место и составляли больше половины от общего количества, а количество массовых волнений по поводу закрытия церквей и снятия колоколов уступало только волнениям по причине коллективизации и заняло практически четверть от общего числа выступлений. Такая же ситуация наблюдалась и по стране: выступления на религиозной почве составляли 23,5 % (307) от общего числа массовых выступлений (1307) и занимали второе место после волнений по поводу хлебозаготовок[417]. Всего по стране ОГПУ учтено 300 тыс. участников массовых волнений за 1929 год[418], от общего числа которых в Западной области число участников выступлений составляло 1,5 %.

Главной причиной большинства массовых выступлений на религиозной почве ОГПУ называло «закрытие церквей и отвод церковных

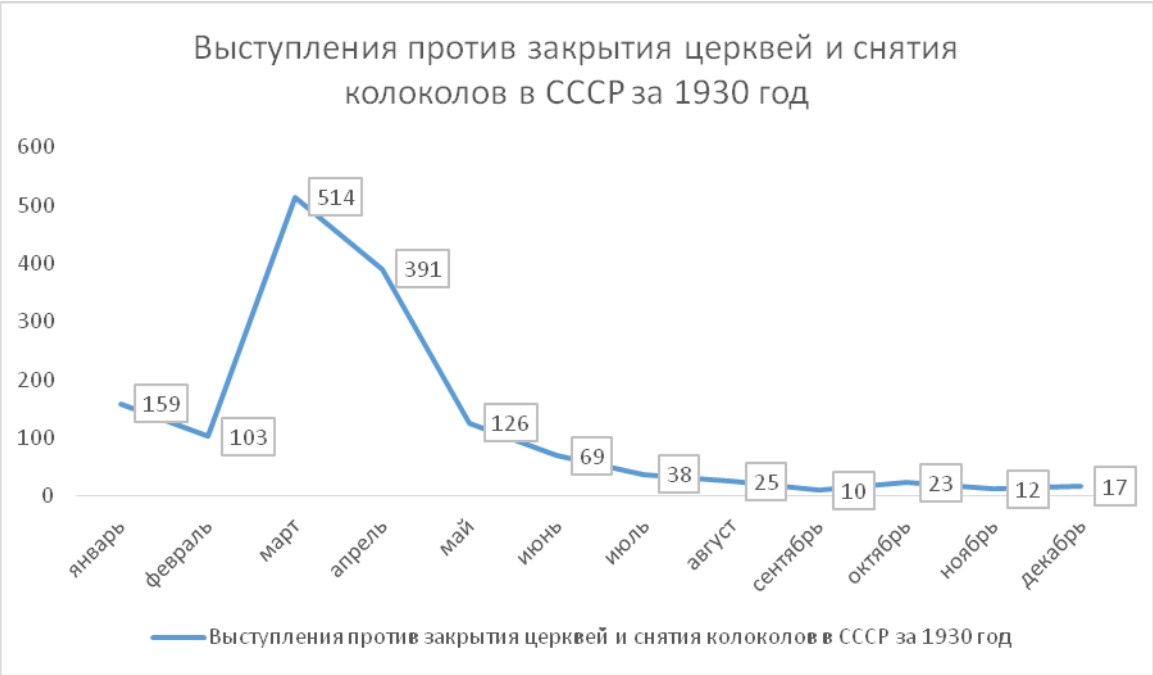
[417] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 787.
[418] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т. 3. 1930-1934. Кн. 1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 329.

зданий для общественных нужд и культурно-просветительных организаций»[419], что не совпадало с интересами религиозных объединений.

К концу 1929 года наблюдался еще больший рост массовых выступлений на религиозной почве: в ноябре такие выступления составили 45 % от общего числа, в декабре уже 58,2 %[420].

По всему СССР за 1930 год органами ОГПУ было зафиксировано 13754 массовых выступления, 1487 из них на религиозной почве, что составило 10,8 % от общего числа массовых волнений[421]. По месяцам выступления на почве закрытия церквей и снятия колоколов в СССР распределялись следующим образом[422]:

График 1.

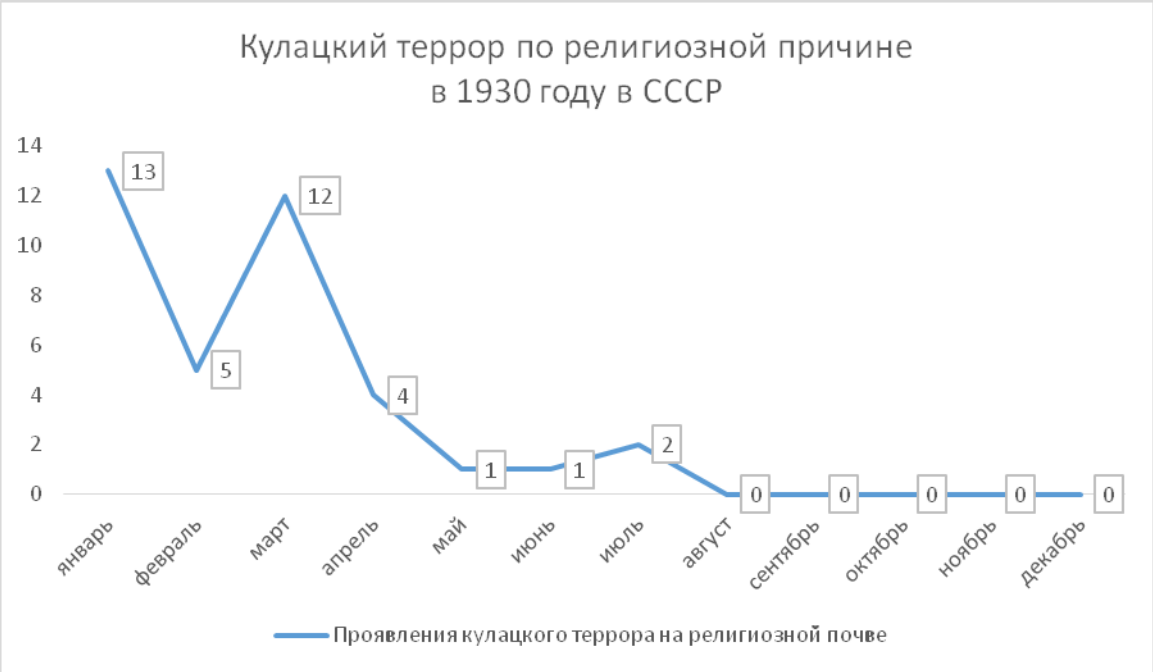


[419] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 7: 1929 г. М., 2004. С. 205.
[420] Там же. С. 583.
[421] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 787.
[422] Составлено по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 802.

По другим данным, на первые четыре месяца 1930 года (январь-апрель) приходилось 811 выступлений на религиозной почве[423], хотя из предыдущего графика видно, что за январь-апрель зафиксировано в целом 1167 массовых выступления «религиозников»[424], что составляет 78,5 % от общего числа волнений на религиозной почве за 1930 год. Всего же массовых выступлений по СССР за январь-апрель 1930 года отмечено 6117 (44 % от числа массовых выступлений за весь год)[425].

Отдельно ОГПУ в своих донесениях выделяло «кулацкий террор по религиозной причине», случаев которого по стране за 1930 год было отмечено 38, и все в первой половине года[426]:

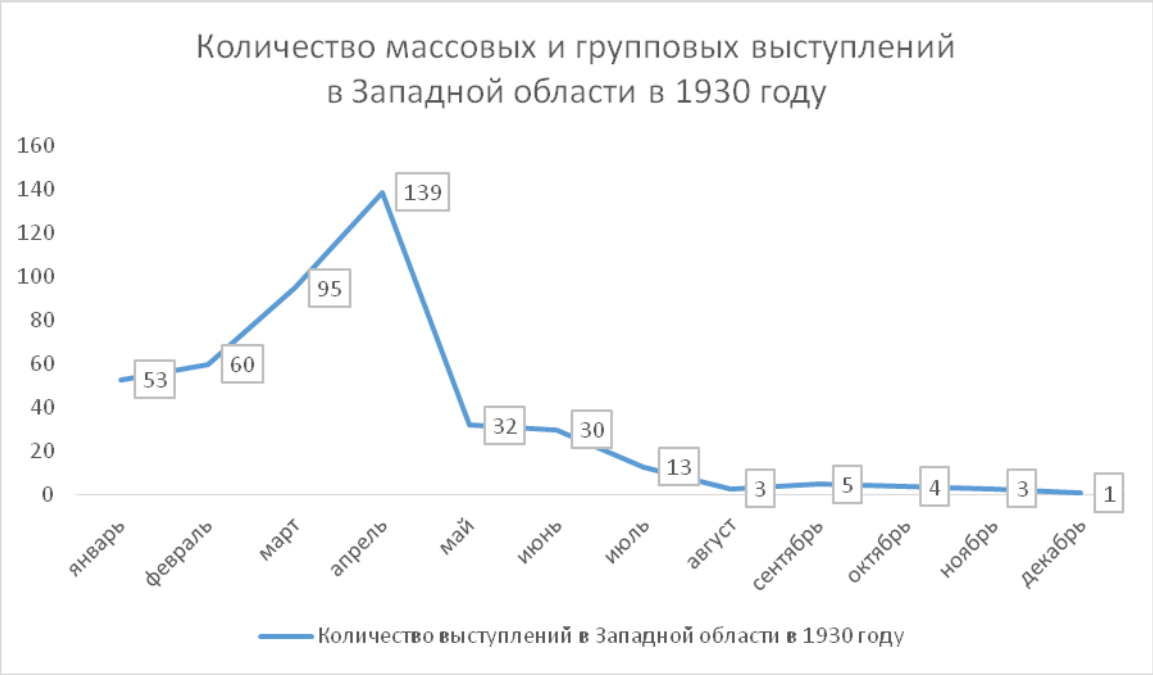
График 2.



[423] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 329.
[424] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 806.
[425] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 329.
[426] Составлено по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 806.

В 1930 году в Западной области было отмечено 438 массовых и групповых выступления в деревне, из которых 381 было с установленным количеством участников[427]. Всего в выступлениях учтено 64 047 человек[428]. По месяцам активность выступлений распределялась так[429]:

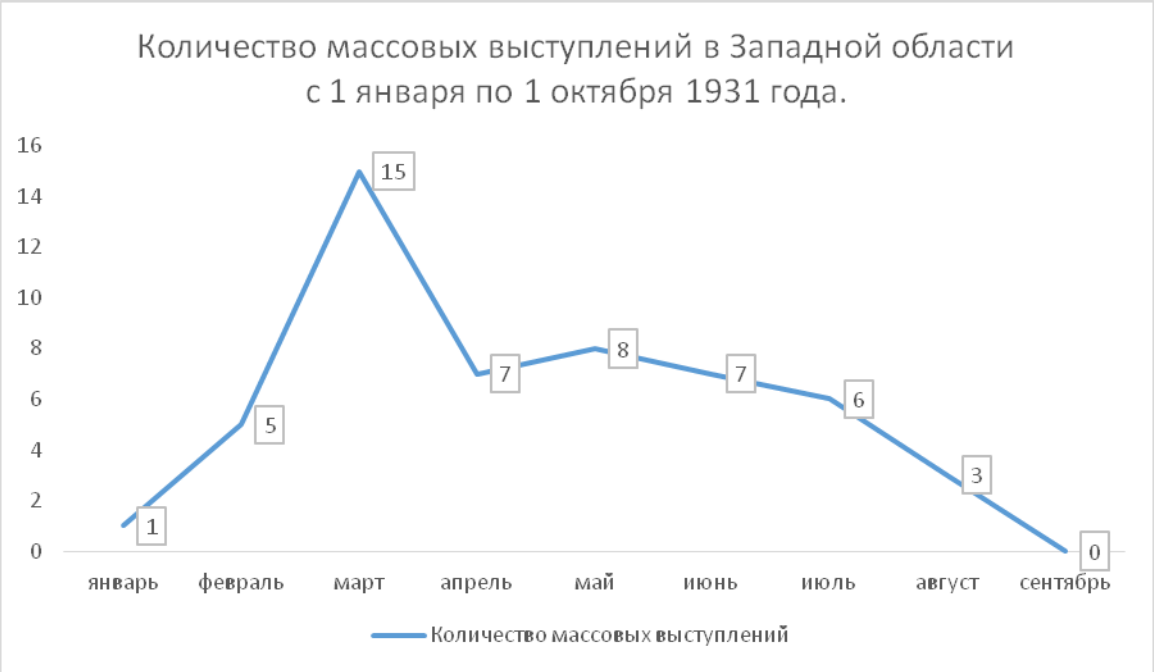
График 3.



Динамика массовых выступлений в Западной области за период с 1 января по 1 октября 1931 года выглядела следующим образом[430]:

График 4.

[427] Там же. С. 803.
[428] Там же.
[429] Составлено по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 803.
[430] Составлено по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 780.



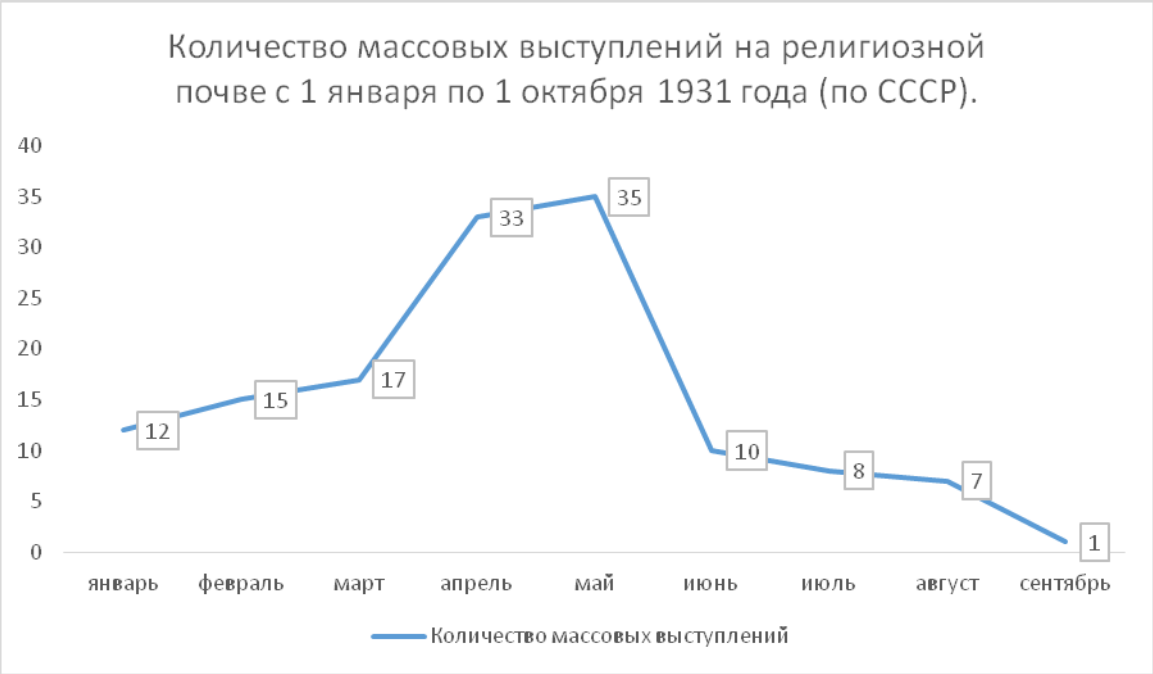
Общее количество выступлений по стране за тот же период по месяцам распределялось так[431]:

График 5.

[431] Составлено по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 781.

Из них на религиозной почве массовые выступления распределялись следующим образом[432]:

График 6.



К 1931 году нажим на «религиозников» ослаб, накал противостояния существенно снизился. Выступления на религиозной почве (всего 138 по СССР за указанный период) «по популярности» уступали выступлениям на почве мясо- и скотозаготовок – 456 (25 % от общего числа массовых выступлений по стране – 1835), выселения кулаков и репрессий антисоветского элемента (АСЭ) – 259 (14 %), продзатруднений – 231 (12,6 %), хлебозаготовок – 213 (11,6 %), коллективизации – 196 (10,7 %)[433]. Таким образом, официально массовые выступления на религиозной почве в 1931 году занимали «уже только» шестое место в сравнении с другими формами

[432] Составлено по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 782.
[433] Там же. С. 776.

протеста. Среди причин кулацкого террора религиозной тематики в статистиках вовсе не звучало[434].

Отдельно следует остановиться на женских массовых выступлениях, или так называемых *«бабьих бунтах»*, как типе массовых выступлений.

За 1929 год органами ОГПУ «по неполным данным… по Союзу было зарегистрировано» 553 выступления с женским участием, из которых 486 (88 %) – с участием только одних женщин и 67 (12 %) – с большинством женщин-участниц[435]. Всего, согласно «Справке ИНФО (информационного отдела) ОГПУ "Об отрицательных моментах в настроении женской части населения города и деревни"» от 25 августа 1930 года, за 1929 год было зарегистрировано 1307 массовых выступления, от числа которых волнения с женским участием составили 42,3 %. Массовых выступлений женщин на почве закрытия церквей из них было 223, что составило 40,3 % от общего числа выступлений (*см. табл.*).

Табл. 2.

Выступления с женским участием по СССР в 1929 году[436].

Причины массовых выступлений	Общее количество выступлений
На почве хлебозаготовок	190 (34,4 %)
Религиозные	223 (40,3 %)
Продзатруднения	31 (5,6 %)
Коллективизация	56 (10,1 %)
Прочие	53 (9,6 %)
Всего	553

[434] Там же. С. 783.
[435] Там же. С. 420.
[436] Составлено по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 420.

В той же справке информационный отдел ОГПУ отмечал «всё более широкое вовлечение женских масс деревни в участие в массовых выступлениях» к концу 1920-х годов[437]. Если в 1928 году выступления женщин сводились к протесту против продуктовых затруднений и требованиям выдачи хлеба, то с 1929 года «выступления женщин приобрели уже более острый характер и возникали в основном на почве хлебозаготовок и религиозной почве»[438]. В том же году отмечался «огромный процент выступлений с участием женщин, возникавших в защиту кулачества и духовенства»[439], как следствие проводимой политики в деревне.

Данные по 1930 году принято делить на первую и вторую половины года, в соответствии с чрезвычайной государственной репрессивной политикой в деревне в первые месяцы года и относительным «затуханием» таковой в последующие месяцы. Так, за январь-июнь 1930 года по стране было учтено «всего» 8707 массовых выступления[440], из которых женщины принимали участие в 2897 волнениях (33 %): «на почве коллективизации имело место 1154 выступления, на религиозной почве – 778, в защиту кулачества – 422, на почве продзатруднений – 336 и т.д.»[441]. Таким образом, выступления женщин на религиозной почве составляли 27 % от общего числа выступлений с участием женщин за январь-июнь 1930 года и 9 % от общего числа выступлений на религиозной почве по стране в том же периоде[442]. Приведем некоторые примеры «бабьих бунтов» в Западной области.

19 января 1930 года в с. Сенное Севского района Брянского округа произошло выступление женщин на почве закрытия церкви[443].

---

[437] Там же. С. 420.
[438] Там же.
[439] Там же.
[440] Там же. С. 421.
[441] Там же. С. 545.
[442] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 802.
[443] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1 Д. 559. Л. 121.

23 января 1930 года в с. Бутри Ильинского района Брянского округа имело место массовое выступление женщин на почве снятия колоколов[444].

19 марта 1930 года в с. Петрова-Буда Гордеевского района Клинцовского округа «имело место массовое выступление женщин всех прослоек, на почве закрытия церкви», о выяснении обстоятельств которого свидетельствует переписка окружного и областного прокуроров[445].

В с. Овстуг Жуковского района Брянского округа, «начиная с 10 марта [1930 года] стали ходить толпами женщины и вести разговоры об открытии церкви… 21-го марта женщины стали собираться кампаниями 100-150 чел. около здания С/совета и требовали созвать общее собрание для обсуждения вопроса об открытии церкви»[446].

23-24 марта 1930 года в с. Слободище Дятьковского района Брянского округа «толпа женщин собралась у С/совета, требовали попа и разрешения на проведение собрания верующих. После толпа направилась к церкви и имеющийся там снятый колокол весом [*не читаемо*] втащили обратно на колокольню и ударили в набат»[447].

Во второй половине 1930 года было учтено 5047 массовых выступлений (общее количество за 1930 год – 13 754, с вычетом первой половины года – 8707)[448], из которых с женским участием 1352[449], что составило 26,8 %. Количество женщин в этих выступлениях распределялось таким образом: «в 543 женщины составляли подавляющее большинство в составе участников (в 464 случаях выступления были исключительно женскими по составу). Во всех остальных женщины составляли значительную часть участников»[450]. Из 543 выступлений, «почти

[444] Там же.
[445] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 454-455.
[446] Там же. Д. 17. Л. 108.
[447] Там же. Л. 111; Там же. Д. 18. Л. 31.
[448] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 787.
[449] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 546.
[450] Там же.

исключительно женских по составу», на религиозной почве учтено 64 (12 %)[451]. От общего числа выступлений на религиозной почве за июль-декабрь 1930 года (125 случаев) – это количество составляет 51,2 % выступлений[452].

В докладах работников ОГПУ указывалось, что «кулаки и антисоветские элементы активно используют церковь, воздействуя на религиозно настроенных женщин через попа, через группирующихся вокруг церкви приживалок-монашек, через пользующихся авторитетом в массах женщин — жен кулаков, зажиточных и антисоветского элемента»[453]. В большинстве своем выступления на религиозной почве «отличались своей организованностью, упорством сопротивления местным властям, сопровождались избиением совработников и советских активистов, разгромом сельсоветов и других общественных организаций и учреждений»[454].

Причинами активности женщин в массовых выступлениях органы ОГПУ считали следующие: «а) недостаточная политико-воспитательная и организационная работа среди женщин; б) активная работа антисоветских элементов по вовлечению женщин в антисоветскую деятельность; в) излишне снисходительное отношение карательных органов к женщине – участнице того или иного антисоветского проявления»[455].

Во время таких выступлений мужчины чаще всего находились в стороне. Объясняется это во многом тем, что среди населения существовало стойкое убеждение, что «женщине ничего не будет, женщине все можно»[456]. В специальном информационном бюллетене Прокуратуры Западной области о террористических актах за период июль-октябрь 1929 года (№3)

---

[451] Там же.
[452] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 802.
[453] Там же. С. 794.
[454] Там же. С. 793; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3.1930-1934. Кн.1. 1930-1931. М., 2003. С. 546.
[455] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 545.
[456] Там же. С. 548; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 793.

отмечается, что во всех случаях терактов «кулак сам не выступает, а прячется за спиной малосознательных, невежественных женщин, которые превращаются в кулацкое орудие»[457]. В связи с этим, «от органов следствия требуется особое уменье отыскать тех, которые прячутся позади и находятся в засаде»[458].

Как отмечено в «Справке ИНФО ОГПУ об участии женщин в активных антисоветских проявлениях в деревне по материалам на 5 января 1931 года» от 8 января1931 года, «при общем снижении числа массовых выступлений во втором полугодии 1930 года относительное участие женщин в них, однако, возрастает»[459], и если в первом полугодии активность женщин к общему числу участников составляла 32 %, то в последующие месяцы, не считая июля, удельный вес женщин в массовых выступлениях (при общем снижении числа самих выступлений) возрастает: июль – 30 %, август – 40 %, сентябрь – 55 %, октябрь – 54 %, ноябрь – 50 %, декабрь – 60 %[460]. Видимо, это связано, с безнаказанностью женщин, о которой писали в сводках и справках ОГПУ, и, как следствие, «суровой карой за участие в беспорядках», которая постигала мужскую часть населения[461]. Но одновременно следует учитывать и то обстоятельство, что из-за репрессий и высылок в деревне сократилось число мужчин, а, следовательно, и в массовых выступлениях, потому повысился процент «бунтующих» женщин.

В сводках спецорганов зачастую фигурирует понятие *террористического акта* как один из видов активного сопротивления верующих. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года зафиксировано понятие «террористического акта», означавшее действия, направленные «против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя

[457] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 3. Д. 15. Л. 101.
[458] Там же.
[459] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 546.
[460] Там же.
[461] Там же. С. 548.

бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации»[462].

В справках ОГПУ находим типичные *виды террористических актов*: убийство, ранение, покушение, избиение, поджог, разгром, имущественное вредительство[463]. В рамках вышеперечисленных видов террора складываются два его типа: *физический и имущественный*, – что подтверждается материалами ОГПУ[464]. Сам факт определения соответствующими органами в своих донесениях случаев избиения и ранения советских партийных и общественных работников верующими, как террористических актов, свидетельствует о восприятии подобных, зачастую бытовых, ситуаций, как реальной угрозы. Следовательно, говорить о террористическом акте, как об одном из видов активного сопротивления верующих на рубеже 1920-1930-х годов вполне уместно. Приведем некоторые примеры.

Из информационной сводки №1 прокурору республики в начале 1930 года (Рославльский округ): «17-го января в деревне Козьминичи местный поп был отправлен для отбытия принудительных работ, но не доезжая до места работы остановился в пос. Ершичах. 18-го января, когда упол. Обкома Казаков шел в Нардом, то по дороге слышал в толпе разговоры, что "сегодня надо сукиных сынов бить за то, что церковь закрыта и загоняют в колхоз", в это же самое время к Нардому направилась толпа с криками "бейте секретаря партячейки тов. Чуванкова", которого тут-же вытащили на улицу, но последний сумел укрыться в помещении почты, тогда толпа набросилась на уполномоченного Обкома тов. Казакова, который получил серьезные ушибы и крепким предметом пробит лоб»[465]. Как отмечено в сводке, расправа

[462] СЗ. 1926. № 15. ст. 106.
[463] Напр.: «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930 г. Ч.1. М., 2008. С. 738.
[464] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 590.
[465] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

учинена не из-за недовольства местной властью, а лично против секретаря райкома, который «проводил жесткую классовую политику»[466].

22 января 1930 года в Песоченском сельсовете и районе Брянского округа были "избиты председатель с/с и члены Песоченского РИКа на почве снятия колоколов"[467].

7 января 1930 года в с. Дубосище Смоленского округа толпа верующих напала на секретаря партийной ячейки и нанесла ряд ударов по голове[468]. Из информационной сводки о политическом состоянии Смоленского Округа за январь месяц 1930 года известно, что «для расследования данного дела был командирован Инспектор Окррозыска. Выявлено 8 обвиняемых: поп с сыном, два члена церк. совета − кулаки и 4ре зажиточных, которые задержаны и заключены под стражу»[469]. Было произведено дознание.

7 апреля 1930 года в с. Больше-Полпино Бежицкого района Брянского округа женщины избили комсомольца со словами «опять пришли закрывать церковь»[470]. Немногим ранее рядом с церковью горел Нардом − никто из находящихся рядом с храмом не помог.

10 марта 1930 года в с. Киваи Клинцовского округа «середнячка Брикс Ева придя к Председьсовета требовала созыва общего собрания. Вечером группа женщин избили безбожницу Стражеву и зайдя в канцелярию с/с изорвали портрет Калинина»[471].

Следующий вид активного сопротивления – деятельность *контрреволюционных группировок и организаций*. Контрреволюционные группировки и организации, судя по сводкам и сообщениям, могли быть задействованы как в активном, так и в пассивном сопротивлении

[466] Там же.
[467] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1 Д. 559. Л. 121.
[468] Там же. Д. 256. Л. 55-56.
[469] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 26. Л. 226; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 55-56.
[470] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.
[471] Там же. Д. 14. Л. 660.

вероисповедной политике. В данном параграфе рассмотрим случаи активного протеста вышеназванных формирований.

ОГПУ относило Западную область к «наиболее пораженным антисоветскими проявлениями районам СССР»[472]. Для данной территории было характерно «наличие значительного количества антисоветских кулацких группировок и контрреволюционных организаций»[473] и, в силу, приграничного положения, выделение отдельного вида группировок, связанных с иностранными консульствами и заграницей. К таким группировкам относили сектантские объединения, которые во всех документах фигурировали, как активно сотрудничавшие с западом, также католические религиозные объединения и религиозные общины национальных меньшинств (еврейские, латышские, немецкие, польские и т.д.).

Из-за близости польско-латвийской границы отношение к Западной области было особенным, она представляла собой «“ближайший тыл, который заблаговременно должен быть обеспечен благоприятной политической обстановкой”. Здесь были сосредоточены “ряд стратегических пунктов, важных военных складов, заводов военной промышленности и расположено Управление Белорусского военного округа”»[474]. Таким образом, «формальных оснований для шпиономании было предостаточно»[475], в том числе, и в отношении религиозно настроенных национальных меньшинств.

В докладе КРО ОГПУ «Предварительные итоги оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в деревне с 1 января по 15 апреля 1930 г.» от 29 апреля 1930 года одной из характерных особенностей деятельности контрреволюционных образований на западных территориях

[472] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000. С. 801.
[473] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930. Ч.2. М., 2008. С. 1289.
[474] Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг. М., 2011. С. 147.
[475] Там же.

страны считалось «большое количество к/р кулацких группировок из кулаков-нацменов»[476]. «В деятельности таких группировок довольно часто имели место факты связи с иностранцами и иностранными представительствами (посылка писем, жалоб, приговоров и т.п., посылка ходоков), активизируя последними к/р деятельности группировок по противодействию и срыву мероприятий…»[477].

Так, по сведениям ОГПУ, на территории Западной области и Белорусской ССР с 1925 по 1929 годы действовала латышская «диверсионно-шпионско-повстанческая организация», возглавляемая лютеранским пастором Швальбэ и поддерживаемая латвийским консульством в городе Витебске Белорусской ССР и лично консулом Германом Пунгой, который во время своего консульства (1927-1930 годы) активно помогал латышам переселяться из СССР на родину[478].

В «Докладе Секретно-оперативного управления (СОУ) ОГПУ за время с 1 по 15 апреля 1930 года об операции органов ОГПУ по кулацкой контрреволюции», подготовленном не ранее 10 мая 1930 года, приводится следующий перечень задач, стоявших перед данной «контрреволюционной организацией»:

«а) подготовка кадров из кулацкой части латышских колоний для активной борьбы с советской властью на случай интервенции;

б) подготовка латышской молодежи на случай войны в целях активной контрреволюционной работы в тылу, организации банд, диверсий, массового дизертирства из Красной Армии;

в) усиление эмиграционных тенденций в латышских колониях;

г) разложение частей Красной Армии через военнослужащих антисоветски настроенных латышей;

[476] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 315.
[477] Там же.
[478] Латвийское консульство в Витебске отмечает 20-летие возобновления своей деятельности // Витебские вести. 2014. 13 мая.

д) активное сопротивление и противодействие мероприятиям власти и партии в деревне»[479].

Как сообщалось в докладе, в латышских колониях создавались специальные контрреволюционные ячейки, «руководство которыми осуществлялось латконсульством (Витебск)»[480], во главе каждой ячейки стояла «тройка»: председатель, секретарь и казначей[481]. Вся работа носила строго плановый характер, заседания «маскировались исполнением религиозных обрядов»[482]. Деятельность организации распространялась, в основном, на Смоленский округ.

В 1929 году группировка была ликвидирована ОГПУ, по делу было арестовано, по одним данным, 96 человек[483], по другим данным – 122 человека[484]. Из показаний пастора Швальбэ: «…за время моей деятельности на территории Западной области и Белоруссии мне удалось сколотить из отдельных группировок путём осуществления общего руководства довольно сплоченную контрреволюционную организацию по всем латышским колониям. Эта организация существовала и развивалась под прикрытием религиозных общин…»[485].

Такого же рода организация существовала и в Невельском районе Великолукского округа под руководством священника Небылова[486]. У организации были тесные контакты с Польшей и разветвлённое представительство во всех районах области. Как отмечает ОГПУ, «организация проводила нелегальные собрания, обсуждала тактику действия на ближайшее время, намечала кандидатуры на случай

[479] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930. Ч.2. М., 2008. С. 1370.
[480] Там же.
[481] Там же. С. 1289.
[482] Там же. С. 1290.
[483] Там же. С. 1370.
[484] Там же. С. 1290.
[485] Там же. С. 1371.
[486] Там же. С. 1290.

контрреволюционного переворота»[487]. Группировка была ликвидирована в 1929 году, по делу арестовано 19 человек.

Также, в справке СОУ ОГПУ «Основные моменты политико-экономического состояния по материалам полномочных представительств» на 15 апреля 1930 года есть донесение о наличии в области «еврейских клерикальных течений», у которых были тесные связи с заграницей и каналы по передаче материальной поддержки «для раввинов и на нелегальное религиозное воспитание детей»[488].

Наличие и активность таких группировок на западе страны (Западная область, Белорусская ССР и Правобережье Украинской ССР) позволило ОГПУ говорить о шпионаже и подготовке диверсий и восстаний против политики советской власти[489].

В общем перечне методов работы контрреволюционных и кулацких группировок (собрания с привлечением кулаков и антисоветского элемента села, антисоветская агитация (устная и письменная), террор, организация массовых выступлений, спаивание бедноты, апелляция к Красной Армии, антисемитская агитация и др.) ОГПУ особо выделяло «использование церковного амвона и подворного обхода с «требами»[490].

В сводках ОГПУ отдельно различались контрреволюционные организации и контрреволюционные группы/группировки. Разница между ними определялась количественным составом: организации были крупнее и имели внутри разветвлённую систему управления. Организации и группы в секретных документах ОГПУ могли именоваться кулацкими, монархическими, поповскими, белогвардейскими и иначе, но все они, в первую очередь, считались контрреволюционными. Работа подобных

[487] Там же.
[488] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.7: 1929 г. М., 2004. С. 740.
[489] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930. Ч.2. М., 2008. С. 1362.
[490] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930 г. Ч.1. М., 2008. С. 739.

образований также приравнивалась к одному из видов активного сопротивления.

В статье 58.1 особенной части Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года даётся определение понятию контрреволюционного преступления: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции»[491].

Кто был участниками этих организаций и группировок? Было бы неверно списывать антисоветскую деятельность «поповских контрреволюционных объединений» на верующих и священнослужителей, но и нет оснований отвергать их активного участия в подобного рода группировках. Постоянная агрессия безбожников, безграмотное и незаконное поведение представителей власти и общественности по отношению к религии и церковной атрибутике доводили до отчаяния верующих и заставляли объединяться в борьбе за свою свободу совести. Но в среде верующих также были и фанатики, и клерикалы[492] (сторонники клерикализма, стремления к установлению главенства церковных организаций в политической и культурной жизни страны), и люди, преследовавшие корыстные цели, в том числе, и борьбу против советской

[491] СЗ. 1926. № 15. ст. 106.
[492] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.7: 1929 г. М., 2004. С. 665.

власти. Поэтому, мы не имеем оснований ни «обелять» всех деятелей церковных объединений, именуемых в сводках ОГПУ и прокуратуры «контрреволюционными», ни отвергать слепую веру в подобные наименования.

В справке КРО ОГПУ «О кулацкой контрреволюционной активности за время с 1 января по 1 мая 1930 г.» от 29 апреля 1930 года контрреволюция деревни делится на три вида по политической окраске, к двум из которых относилась Западная область:

– «монархические (главным образом, церковнические), прямо ставящие вопросы о свержении соввласти и реставрации «Дома Романовых» (небольшое число, преимущественно в ЦЧО, Запобласти, СВК);

– сепаратистские – петлюровские (УССР), кулацко-шляхетские (БССР, Запобласть) и др.;

– лжекрестьянские-народнические (ЦЧО, СВК, МО, Сибирь, крестьянские района СКК)»[493].

Таким образом, в Западной области выделялась церковная, монархическая и западническая специфика контрреволюционных образований.

Например, в Брянском округе, по сведениям ОГПУ, действовала кулацко-поповская организация, возглавлял которую бывший игумен Спиридонов[494]. Управление организацией строилось по образу и подобию партийной системы управления – посредством ячеек, во главе которых, как правило, стояли церковники, «основной же состав состоял из контрреволюционных кулаков»[495]. Задачи этой организации, в оценке ОГПУ, были определены настолько ёмко, что в них можно было уместить практически все отступления от советской нормы. Им приписывали «борьбу против советской власти путем активного противодействия и срыва

[493] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М.: РОССПЭН, 2003. С. 330-331.
[494] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930. Ч.2. М., 2008. С. 1369.
[495] Там же.

проводимых мероприятий в деревне, организацию массовых контрреволюционных выступлений»[496]. Практически это выливалось в распространение листовок и рукописей контрреволюционного содержания «о “явлении спасителя детям”, [об] “антихристовом клейме”, “политическая речь раввина” (погромно-антисемитского характера) и ряд других листовок и рукописей»[497]. Иными словами, названная группировка, если ориентироваться по информации ОГПУ, орудовала методами пассивного сопротивления.

Другая контрреволюционная группировка под названием «Союз христианского усилия» была раскрыта в конце 1928 года в Великолукском округе и ликвидирована, по-видимому, в 1929 году[498]. Руководство группировкой приписывалось священникам Шерднёву, Петрову и др., участниками являлся «ряд монархически-настроенных лиц»[499]. Задачи и методы работы у великолукской группировки примерно те же, что у брянской кулацко-поповской организации Спиридонова: своей задачей они ставили «борьбу против “Красного гнёта”», а в работе по выполнению этой задачи пользовались агитацией среди крестьянства, «использовывая экономические затруднения страны»[500].

Борьбу с советской властью приписывал в обвинительном заключении прокурор Западной области и, так называемой, «контр-революционной монархической организации» в Гжатском районе Вяземского округа в августе 1930 года. Её структура также представляла собой якобы «ряд конспиративных ячеек», разветвлённых по всему району[501]. Но из сведений, поступивших во ВЦИК и побудивших проверку обстоятельств и расследование дела Западным облисполкомом и прокуратурой, совершенно четко вырисовывается иная картина: «Гжатским Горсоветом, вопреки закона

[496] Там же.
[497] Там же. С. 1370.
[498] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 11.
[499] Там же.
[500] Там же.
[501] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 13. Л. 125.

от 8 апреля 1929 г. о религиозных об”единениях, произведена ликвидация Благовещенского собора и Богоявленской церкви, при чем ликвидация носила характер явного издевательства над религиозными чувствами верующих, а именно – веревка, привязанная к трактору зацеплялась за крест церкви и последний стаскивался трактором, при этом под трактор подкладывались иконы. Кроме того, во ВЦИК сообщено, что лица, реагирующие на незаконное закрытие, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности за учинение действий контрреволюционного характера»[502].

Из архивных документов видно, что массовое выступление на почве незаконного и оскорбительного закрытия церквей ОГПУ и прокуратурой (областной или окружной) представлялось как спланированные действия контрреволюционных организаций. В свою очередь, шаблонность задач и методов работы, так называемых, контрреволюционных организаций, в сводках, справках и отчетах об антисоветских проявлениях, также дает основания предполагать, что большинство группировок формировалось на бумаге уже после арестов участников.

В донесениях о контрреволюционных организациях и группировках постоянно подчеркивалась тесная связь церковников с кулаками, фактическое уравнивание степени опасности тех и других для советской власти. Так, в спецсводке №16 СОУ ОГПУ «Об операциях по кулачеству» на 15 февраля 1930 года (в СВК, ЦЧО, ЛВО, в Западной области) сообщалось, что к указанному сроку в Западной области было арестовано всего 3397 человек, из них кулаков 2995 (88,2 %), помещиков – 291 (8,6 %) и служителей культа – 111 человек (3,2 %)[503]. От общего числа священнослужителей (2051) к началу 1930 года в Западной области эта цифра составила 5,4 %[504]. Всего по СССР зафиксировано 699 служителей

[502] Там же. Л. 126.
[503] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. М., 2003. С. 108.
[504] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 10.

церковного культа, но эта цифра, мягко говоря, неполная (сведения по социальному составу не предоставили полномочные представительства ОГПУ Северного края, Урала, Сибири, Дальневосточного края и др.), поэтому не представляется возможным высчитать процентное соотношение между показателями Западной области и всего СССР.

На местах ситуация складывалась примерно следующим образом: из информационного доклада прокурора Сухиничского округа в апреле 1930 года видно, что в пяти районах, выбранных для проверки «выполнения на местах директив партии и правительства» в начале года было раскулачено 125 человек, из которых 42 – раскулачены незаконно. По социальному составу незаконно раскулаченные делились следующим образом: середняков – 22, служителей религиозных культов – 11, семей сельской интеллигенции – 4, семей военнослужащих и бывших партизан – 3, бедняков – 2[505]. Выходит, количество незаконно арестованных священнослужителей составило 26 %.

О сопротивлении антирелигиозной политике конца 1920-х – начала 1930-х годов сложно говорить цифрами, и причин тому достаточно: утрата документов, разрозненность сводок, докладов и отчетов о церковных событиях того времени, невозможность количественного подхода к некоторым видам антирелигиозного сопротивления (оплакивание, слухи, распространение листовок и т.п.).

В то же время, без цифр сложно строить аналитику, говорить о наличии, собственно, антирелигиозного сопротивления верующих, сопоставлять его с сопротивлением коллективизации и раскулачиванию. Судить о протесте закрытию храмов по отдельным фактам невозможно, нужна четкая структура фактологического материала.

Сообщения о случаях активного протеста верующих содержатся преимущественно в партийных документах – это отчеты и докладные записки в Запобком ВКП(б) уполномоченных по проведению

[505] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 17. Л. 163.

коллективизации в районах и округах, а также информационные сводки прокуратуры и отделов ОГПУ (ф.3, 5, 37, 126, 144, 174 ГАНИСО; ф.2683 ГАСО). Сведения эти лаконичны, отрывочны и хранятся порознь в делах с докладными записками по проведению коллективизации и раскулачивания, и сообщениях о случаях искривления партийной линии. Для систематизации и выявления статистики на базе программного пакета Microsoft Office была создана база данных по крестьянскому сопротивлению антирелигиозной политике в Западной области в 1929-1933 годах. При составлении электронной базы данных режим таблицы оказался наиболее удобным из возможных вариантов в Microsoft Office Access 2007 (среди других вариантов существуют режимы сводной таблицы, диаграммы, конструктора), т.к. представляет собой простое создание полей и их заполнение.

База состоит из двух таблиц: «Активный протест» и «Пассивный протест». Таблицы объединены между собой по территориальному признаку (данные о церквях и протестах, связанных с их закрытием, собраны только по Западной области), а также по хронологическому, т.к. поиск сведений проводился в архивных документах 1929-1933 годов.

Наименования полей и их количество зависели от степени информативности архивных документов, с которыми велась работа (информационные сводки, обвинительные заключения, докладные записки). Отсюда в таблицах примерно одинаковые наименования полей. Рассмотрим их по порядку.

Рис.1.

Общий вид таблицы «Активный протест» с наименованиями полей.

Колонка «Дата» составлена преимущественно в формате дат «ДД.ММ.ГГГГ», за исключением случаев, когда в донесении дата точно не определена. Например, в информационной сводке №2 прокурору Западной области «О ходе весенней сельскохозяйственной кампании» сообщалось, что в селе Щигры предположительно в январе 1930 года около 70 мужчин и женщин "с криками "не дадим закрывать церковь" остановили снятие колоколов[506]. Или другой случай – в информационной сводке №1 прокурору республики сообщалось, что в деревне Корсики Ершичского района в день крестного хода собралась толпа около 3000 человек в защиту попа, которому «председатель с/совета предъявил требование уплатить немедленно 500 рублей на самообложение»[507]. Когда документ не содержит четкой даты, в базу заносится формулировка из источника, как например, «предположительно январь 1930», «день крестного хода».

Далее следуют поля «Округ», «Район» и «Деревня/село», наличие которых обязательно во всех таблицах базы. Колонка «Округ» актуальна

[506] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.
[507] Там же. Д. 10. Л. 5.

лишь для событий, произошедших до июля-августа 1930 года, когда все округа в краях и областях были отменены и остались только районы, в том числе и в Западной области.

Графы «Количество участников» и «Состав» есть только в таблице «Активный протест», т.к. эти данные встречаются в источниках, когда речь идет об активных действиях верующих и сочувствующих им. Поле «Количество участников» демонстрирует количественный разброс и различие в видах выступлений. Данные разнятся: от двух участников (разногласия отца и сына на почве закрытия церкви в д. Лысково Краснинского района, вылившиеся в судебное разбирательство)[508] до выступлений двух-трех тысяч человек. Например, в селе Глыбочки Шаблыкинского района 26 января 1930 года, когда около двух тысяч верующих с разных населенных пунктов съехались на службу в день запланированного закрытия церкви и сорвали таковое, забросав камнями инициативную группу во главе с председателем сельсовета[509].

Часто в документах использовался термин «толпа» при описании количества собравшихся верующих: «толпа верующих», «толпа крестьян во главе с церковниками»[510] и т.п. Конечно, толпой можно назвать 30 и 300 человек, − всё зависит от восприятия свидетеля, но наличие такого определения всё-таки подразумевает некоторую массовость и стихийность события.

Все встречающиеся в документах виды активного протеста условно можно разделить на три группы: массовые выступления, мелкие беспорядки и драки/побои. Массовые выступления, судя по донесениям, чаще сводились к «бабьим бунтам», т.к. принимали участие в них женщины (встречаются формулировки «массовое выступление женщин всех прослоек на почве закрытия церкви», «массовое выступление женщин на почве снятия

[508] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.
[509] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 55.
[510] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 4. Л. 38; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 55.

колоколов»), либо указывали просто «массовое выступление крестьян»[511]. К мелким беспорядкам относились угрозы, срыв собраний, совещаний по вопросам закрытия церквей, хождение с криками по селу и др.[512] Среди побоев и драк чаще встречаются случаи избиения представителей местной власти[513], реже случаи мести за закрытие церкви, выяснения отношений между членами одной семьи по тем же причинам, дошедшие до судебного разбирательства и т.п.[514]

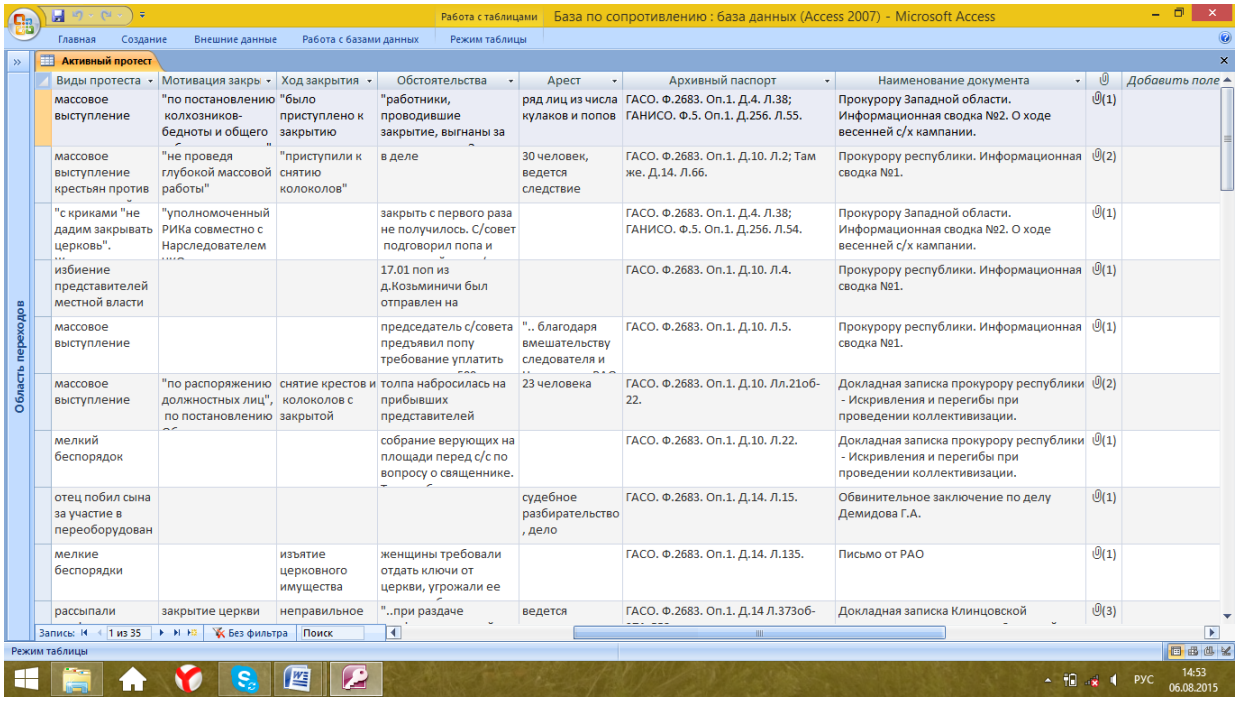
Так выглядят поля «Виды протеста» электронной базы. Следующие три колонки – «Мотивация закрытия церкви», «Ход закрытия», «Обстоятельства» − раскрывают суть событий, описанных в архивных источниках. К мотивации закрытия мы относим формальный или неформальный повод ликвидации здания, будь то «постановление колхозников-бедноты и общего собрания граждан»[515], либо закрытие церкви никем не было санкционировано[516]; ход закрытия освещает практические действия обеих сторон, а в обстоятельства попадают дополнительные описания событий, если документ ими располагает. Если описываемые происшествия влекли за собой аресты и даже судебные разбирательства – данные сведения нами отнесены к полю «Аресты».

Что немаловажно, к каждой позиции прикреплен свой архивный паспорт с указанием архива, в котором хранится источник, фонда, номера описи, дела и листов, а также наименование документа (чаще это информационные сводки прокурору области и республики, докладные записки, информационные бюллетени Облпрокуратуры, обвинительные заключения).

Рис.2.

[511] Напр.: ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 454-455; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1 Д. 559. Л. 121, 122.
[512] Напр.: ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 54; ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 660; Там же. Д. 18. Л. 31, 32-33.
[513] Напр.: ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 4; Там же. Д. 18. Л. 24; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 55-56; Там же. Д. 559. Л. 121.
[514] Напр.: ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 15, 780 (с об.).
[515] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 4. Л. 38; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 55.
[516] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14 Л. 373 об-374, 552.

Общий вид таблицы «Активный протест» с наименованиями полей.



Виды протеста	Мотивация закры	Ход закрытия	Обстоятельства	Арест	Архивный паспорт	Наименование документа	Добавить поле
массовое выступление	"по постановлению колхозников-бедноты и общего	"было приступлено к закрытию	"работники, проводившие закрытие, выгнаны за	ряд лиц из числа кулаков и попов	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.4. Л.38; ГАНИСО. Ф.5. Оп.1. Д.256. Л.55.	Прокурору Западной области. Информационная сводка №2. О ходе весенней с/х кампании.	(1)
массовое выступление крестьян против	"не проведя глубокой массовой работы"	"приступили к снятию колоколов"	в деле	30 человек, ведется следствие	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.10. Л.2; Там же. Д.14. Л.66.	Прокурору республики. Информационная сводка №1.	(2)
"с криками "не дадим закрывать церковь".	"уполномоченный РИКа совместно с Нарследователем		закрыть с первого раза не получилось. С/совет подговорил попа и		ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.4. Л.38; ГАНИСО. Ф.5. Оп.1. Д.256. Л.54.	Прокурору Западной области. Информационная сводка №2. О ходе весенней с/х кампании.	(1)
избиение представителей местной власти			17.01 поп из д.Козьминичи был отправлен на		ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.10. Л.4.	Прокурору республики. Информационная сводка №1.	(1)
массовое выступление			председатель с/совета предъявил попу требование уплатить	".. благодаря вмешательству следователя и	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.10. Л.5.	Прокурору республики. Информационная сводка №1.	(1)
массовое выступление	"по распоряжению должностных лиц", по постановлению	снятие крестов и колоколов с закрытой	толпа набросилась на прибывших представителей	23 человека	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.10. Лл.21об-22.	Докладная записка прокурору республики - Искривления и перегибы при проведении коллективизации.	(2)
мелкий беспорядок			собрание верующих на площади перед с/с по вопросу о священнике.		ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.10. Л.22.	Докладная записка прокурору республики - Искривления и перегибы при проведении коллективизации.	(1)
отец побил сына за участие в переоборудован				судебное разбирательство, дело	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.14. Л.15.	Обвинительное заключение по делу Демидова Г.А.	(1)
мелкие беспорядки		изъятие церковного имущества	женщины требовали отдать ключи от церкви, угрожали ее		ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.14. Л.135.	Письмо от РАО	(1)
рассыпали	закрытие церкви	неправильное	"..при раздаче	ведется	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.14 Л.373об-	Докладная записка Клинцовской	(3)

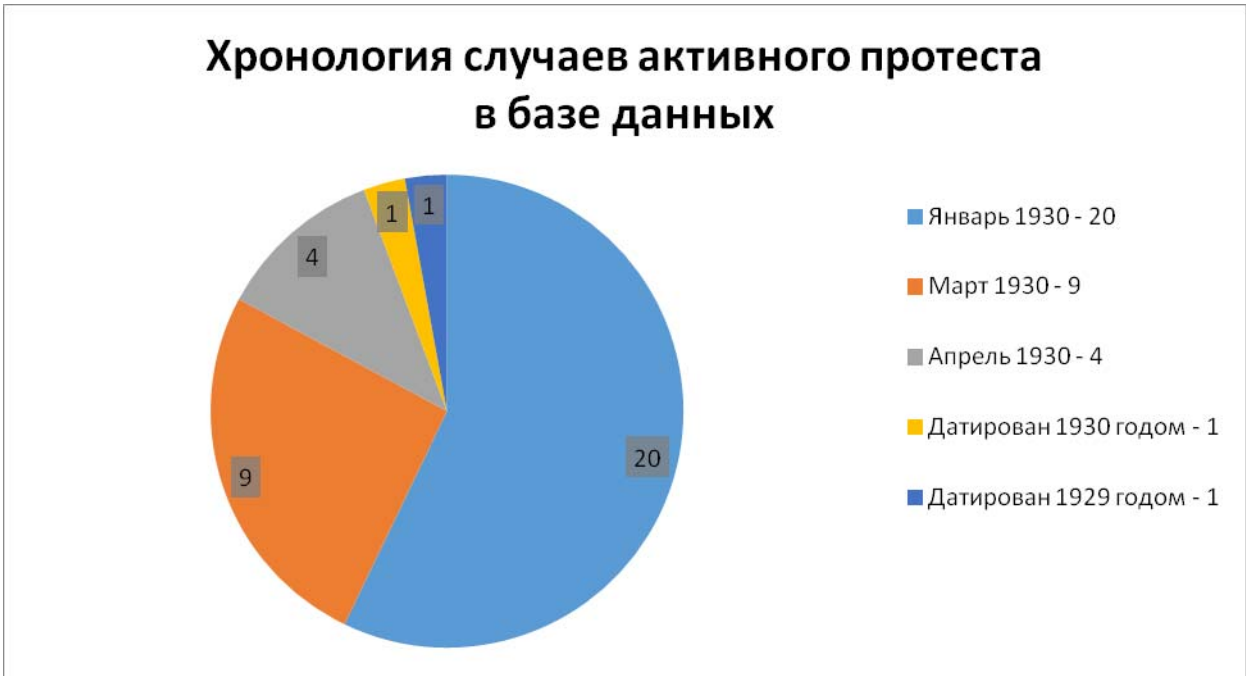
Из 35 случаев активного протеста, зафиксированных в базе данных, 33 составляют протесты января-апреля 1930 года, один случай датирован 1930 годом по смежным документам (антисоветская демонстрация-митинг в селе Шмаково Починковского района против закрытия церкви за неуплату страховых платежей) и ещё один случай относится к 1929 году. 21 мая 1929 года в селе Колошичье Севского района Брянского округа, судя по докладу о духовенстве Западной области, подготовленному в начале 1930 года, около 50 женщин встали на защиту священника, которого сельсовет лишал земли и огорода[517]. Женщины с требованиями не трогать попа Введенского явились на заседание сельсовета, а это происшествие было отмечено властями как антисоветское выступление.

20 из 35 случаев приходится на январь 1930 года (57,1 %), причем 15 случаев из них зафиксировано во второй половине января, 9 случаев – в

[517] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 11.

марте, что составило (25,7 %), 4 – в апреле (11,4 %). Таким образом, по сохранившимся в архивах документам видно, что на первые четыре месяца 1930 года пришлось, как минимум, 33 выступления на религиозной почве в Западной области. Для сравнения – за весь 1929 год их насчитывалось по области только 9[518].

Диаграмма 1.



По округам выступления распределились следующим образом: Брянский – 15 (42,9 %), Клинцовский – 8 (22,8 %), Рославльский – 5 (14,3 %), Смоленский – 5 (14,3 %), Великолукский – 2 (5,7 %). Данные, полученные из архивов Смоленской области ещё раз подтверждают, что наиболее «поражёнными» округами являлись Брянский и Клинцовский[519].

Перейдём к анализу количества участников волнений. В 15 случаях не указано даже приблизительной цифры, ничего. 10 из них – выступления

[518] «Совершенно Секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930 г. Ч.1. М., 2008. С. 739.
[519] Напр.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930. Ч.2. М., 2008. С. 1289; Там же. Ч.1. М., 2008. С. 739.

женские по составу, два – смешанные по социальному признаку (бедняки, кулаки, середняки). В трех случаях не указано ни количество, ни состав участников протеста, – это связано с краткостью сообщений о данных событиях в сводках и докладных.

Женских по составу выступлений всего было 15 (42,9 %). Что интересно – всё это активные выступления, требования, иногда избиения, и как часто сообщалось в информационных сводках ведомств – об арестах в источниках не упоминается. Пресловутое мнение «женщине ничего не будет, женщине всё можно» косвенно подтверждается в нашей таблице – лишь в трёх случаях сообщается о проведении расследования. В 6 случаях женщинами были организованы массовые выступления против закрытия церквей и снятия колоколов, в 3 – выступления с требованиями, в 2 случаях – избиения общественных работников (комсомольца и безбожницы). Остальное мелкие беспорядки – хождения с криками по селу, россыпь семенного фонда в церкви, срыв собраний.

Такая же картина и по всем зафиксированным случаям протеста – они делятся на три группы: массовые выступления, волнения, демонстрации-митинги – 22 (62,9 %); террористические акты (избиения, драки, угрозы партийным и общественным работникам) – 8 (22,8 %); мелкое хулиганство (россыпь семфонда, срыв собраний, мелкие беспорядки) – 5 (14,3 %).

6 позиций таблицы занимают выступления с наименованиями количества участников «толпа», «толпа верующих», «толпа крестьян во главе с церковниками» (17,1 % от общего количества протестов).

В 4 случаях количество участников протестов было меньше 100. Сюда входит и семейный конфликт в деревне Лысково Краснинского района Смоленского округа, когда 5 января 1930 года отец побил собственного сына за участие в переоборудовании церкви в с. Мерлино[520]. На основании произошедшего проводилось судебное разбирательство, в обвинительном

[520] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

заключении дело рассматривалось как теракт[521]. Или, другой пример теракта с участием 5 человек – 21 апреля 1930 года в с. Смолявичи Клинцовского округа драка на почве мести за закрытие церкви между лишенцем и бедняками, также закончилась судом[522]. В с. Щиграх Брянского округа в январе собралось около 70 человек мужчин и женщин «с криками “не дадим закрывать церковь”», и на какое-то время добились своего[523].

От 100 до 500 участников зафиксировано в 6 выступлениях (17,1 %), свыше 500 – в 4 случаях, причем в 2 случаях это выступления с количеством участников две и три тысячи человек. В первом случае, около 2000 верующих, съехавшихся 26 января 1930 года со всех окрестных деревень на службу в с. Глыбочки Шаблыкинского района Брянского округа, забросали председателя сельсовета, вошедшего в церковь и вознамерившегося закрыть её, камнями[524]. Вероятнее всего, местный глава решил утвердить свою власть в глазах народа, и тем самым спровоцировал верующих на активное сопротивление и нападение. Аналогично, 7 января в д. Корсики Ершичского района Рославльского округа во время службы, когда собралось около 3000 человек верующих, председатель сельсовета предъявил попу требование оплатить немедленно 500 рублей на самообложение[525]. Ситуация достигла сильного накала, если лишь «благодаря вмешательству следователя и Начальника РАО, которые оказались там случайно, конфликт был устранен»[526]. В обеих ситуациях невооруженным глазом видно, что массовых столкновений можно было избежать при более обдуманной тактике местных властей (или при наличии этой тактики, в принципе).

Средним по многочисленности (300-400 человек), но самым резонансным в области стало выступление крестьян в с. Белоглавом Жуковского района Брянского округа во второй половине января 1930 года.

[521] Там же.
[522] Там же. Л. 780-780 об.
[523] Там же. Д. 4. Л. 38; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 54.
[524] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 55.
[525] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
[526] Там же.

В обращении Вяземского округа ко II областной партийной конференции Западной области, проходившей спустя полгода после событий, с 5 по 12 июня 1930 года, сообщается следующее: «…политические ошибки, «левые» загибы и заскоки в области коллективизации, недочеты в массовой работе и т.д. усугублялись теми головотяпствами по отношению церквей, религиозных чувств крестьян, которые были допущены в ряде мест, несмотря на то предупреждение, которое дал обком партии еще в январе с.г. в связи с т.н. Жуковским делом»[527]. Кроме этого документа, наименование «Жуковское дело» больше не встречается нам ни в одном источнике, но известно, что в Жуковском районе Западной области в январе 1930 года было всего лишь одно массовое выступление крестьян «по вопросу снятия колоколов и перехода на сплошную коллективизацию», которое позже упоминалось во многих протоколах окружных и областных заседаний, и произошло оно в селе Белоглавом[528].

В двух информационных сводках – прокурору Западной области и прокурору республики – все события описаны вкратце, но уже эти факты помогают представить целостную картину «дела»[529].

Судя по материалам сводок, «13 января с.г. [1930] не подготовив общественности члены ВКП(б) и ВЛКСМ села Белоглавой приступили к снятию колоколов с Белоглавской церкви. Когда только представители ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ залезли на колокольню, то к церкви со всех сторон начала собираться толпа крестьян (300-400 чел.). Исполнитель (член ВКП(б) Корнеев) снятия колоколов пытались [пытался] уговорить толпу но эта попытка не увенчалась успехом толпа не позволила снимать колокола и заставила представителя прекратить снятие колоколов и избила комсомольцев и угрожали убийством» (текст приводится в авторской

[527] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 133. Л. 108.
[528] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.
[529] Прим.: обе сводки имеют схожие сведения, поэтому далее приведем выдержки одной из них, наиболее полной. Вторая сводка имеет следующие выходные данные: ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

орфографии и пунктуации)[530]. Казалось бы, обычная для того времени картина, но недовольства и выступления крестьян не ограничились одним днем: «После инцидента масса не успокоилась, всех присутствующих представителей нежелали выслушать и настаивали на удаление комсомольцев из села. 20-21-го января сего года прибыли представители РИКа и Округа для улаживания конфликта то масса подстрекаемая местным попом и кулаками вооружившись кольями, вилами и т.д. пытались избить наших представителей. Вынуждены были в село Белоглавое выехать на место отряд милиции, ОГПУ, Зам. Нач. Окр. Отдела ОГПУ, Секретарь Окружкома, член президиума КК-РКИ, Нарследователь Жуковского района, Представитель Окр.Прокуратуры»[531].

Трудно переоценить масштаб выступлений при таком внушительном списке привлеченного аппарата усмирения. Как ни странно, но ответ на все вопросы дает окончание сводки по вопросу состояния дел в селе: «Когда масса успокоилась было проведено собрание. На собрании крестьяне заявляли, что они за Советскую власть, но против сплошной коллективизации и снятия колоколов с церквей»[532].

По делу было арестовано 30 человек, на момент составления сводки планировались еще аресты. Буквально через несколько дней после формального урегулирования конфликта Бюро Брянского окружкома ВКП(б) утвердило резолюцию по вопросу снятия колоколов и закрытия церквей в ответ на «Жуковское дело»: «…по ряду сельских местностей имели место случаи, когда массовая антирелигиозная работа подменялась голым администрированием, низовые общественные организации, вместо того, чтобы вести глубокую агитационно-пропагандистскую, антирелигиозную работу, …стали практически разрешать эти вопросы, чем вызвали значительное недовольство и массовое выступление со стороны верующих,

[530] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
[531] Там же.
[532] Там же.

преимущественно женщин (Белоглавая, Крыжино Жуковского района; Морачево, Березовичи – Жирятинского района; Бучнево, Салтановка, Бутры – Навлинского района; Павловичи – Суземского района)»[533], – заметно, что белоглавские настроения прокатились волной выступлений по многим районам Брянского округа.

Бюро Окружкома ссылается в своей резолюции на телеграмму Обкома партии «о немедленном и организованном прекращении работы по закрытию церквей и изъятию колоколов»[534], соответственно, ситуация держала в напряжении, в том числе, и руководство области. В целом, резолюция призывала к тому, чтобы «закрытие церквей и изъятие колоколов стало результатом длительной массовой антирелигиозной работы», к немедленному использованию уже закрытых церквей, запрету метода социалистического соревнования в вопросе ликвидации молитвенных зданий и снятия колоколов и привлечении к партийной ответственности в случае допущения «административного наскока и голого командования в вопросе закрытия церквей и изъятия колоколов»[535].

Характерно, что ни в одном официальном документе центрального или местного уровня нет упоминаний о наличии антицерковных кампаний на рубеже 1920-1930-х годов: речь идет о коллективизации сельского хозяйства, о ликвидации кулачества как класса, о хлебозаготовках, о займах индустриализации. О кампании по закрытию церквей документы ничего не говорят. Есть призывы к усилению антирелигиозной пропаганды, к избавлению от поповского гнёта, невежества, но кампанией эту борьбу нигде и никогда не именовали. Тем не менее, все решения центральной власти и последовавшие за ними действия руководителей на местах «оформили» антирелигиозную политику государства именно в крупную кампанию по ликвидации всего связанного с религиозными культами.

[533] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 6-7.
[534] Там же.
[535] Там же.

§ 2.3. Пассивное сопротивление крестьянства государственной антирелигиозной политике

В своей известной работе «Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933» итальянский историк Андреа Грациози определяет крестьянское сопротивление всей государственной политике в деревне в исследуемом нами периоде как «тихую войну» против Советской

власти»[536] с беспрецедентным размахом в ее пассивных формах. Насколько правомерно такое обобщение относительно пассивного крестьянского сопротивления антирелигиозной политике на рубеже 1920-1930-х гг. в целом по Советскому Союзу и в части его западного региона того времени в отдельности?

Выявленные на сегодня региональные архивные материалы свидетельствуют, что нет оснований говорить о каких-либо проявлениях «крестьянской войны» на религиозной почве в Западной области. Пассивное сопротивление антирелигиозной политике было также не столь массовым, как в других проблемных регионах.

Совсем незначительным и неподдающимся количественному подсчету видом пассивного сопротивления, судя по сохранившимся архивным материалам, были *оплакивания*, причем они явно таковым и не являлись изначально, скорее это просто реакция на творившееся беззаконие и несправедливость, в том числе в церковной политике. Часто это первая ответная и необдуманная реакция, как стихийные бунты, но не агрессивная и активная, а пассивная. Сообщения о них выглядели примерно так: по данным информационной сводки прокурора области Куликова от 17 февраля 1930 года, после закрытия церкви в Петровском сельсовете Брянского округа «в тот же день вечером в закрытой церкви устроили танцы. Несколько женщин по поводу такого события плакали»[537].

Основными видами пассивного протеста в Западной области стали *агитация и письма-жалобы* в органы власти разного уровня.

Советская пропаганда рубежа 1920-1930-х годов «главным злом» строительства нового общества определяла так называемую контрреволюционную *агитацию*, которую, наряду с другими слоями

[536] Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2008. С. 56-57.
[537] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 7 об.

деревенского социума, проводили священники и члены религиозных объединений.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова слово «агитировать», произошедшее от латинского «agito» – побуждаю, означает «убеждать (массы) в правильности политики какой-нибудь партии или иной организации, призывать к борьбе за эту политику (полит.)»[538].

На рубеже 1920-1930-х годов к агитации приравнивалось любое мнение, имевшее расхождение с официальным. 18 мая 1929 года XIV Всероссийский съезд Советов изменил формулировку статьи 4 Конституции РСФСР 1925 года, которая теперь запрещала всякую религиозную агитацию и пропаганду: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»[539]. В ходе активного усиления антирелигиозной пропаганды, считает Ю.Н. Бакаев, «основной причиной для изменения редакции статьи Конституции явились укоренившиеся к концу 20-х годов среди руководящих работников взгляды на свободу религиозной пропаганды как на нечто несовместимое с социализмом. Носители этих взглядов считали, что Советское правительство не может законодательно закреплять свободу пропаганды ненаучных и вредных предрассудков и заблуждений»[540].

Агитацию можно разделить на несколько *типов*: агитация священников в проповедях, агитация контрреволюционных группировок, разговоры или слухи среди верующих с выраженным недовольством вероисповедной политикой, несанкционированные собрания верующих и т.д.

[538] Толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 1935. Стб. 13.
[539] Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991): материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Кн.1. М., 1995. С. 311.
[540] Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917-1941). Хабаровск, 2002. С. 86.

Агитация стала удобным поводом к аресту, в том числе верующего или служителя культа. Особенно тщательным контроль был за священниками – любая неосторожная фраза в проповеди или разговоре с паствой могла стоить им свободы и даже жизни. Фиксировались такие случаи работниками ОГПУ, присутствовавшими на церковных службах, представителями низового управленческого аппарата или любыми другими гражданами, даже из числа самих верующих.

Общая установка на максимальное устранение служителей культа как таковых выделяет *агитацию священнослужителей* в отдельный тип агитации. И это именно протест, и даже сопротивление, ежедневное спокойное сопротивление складывающейся ситуации, которое сводится к пассивному лишь по своему физическому признаку (потому что протекало без истерик и стихийности, которыми обладали часто массовые бунты), а по систематичности и продуманности, так называемая, агитация была гораздо активнее и продуктивнее драк с комсомольцами и «бабьих бунтов». Приведем некоторые примеры.

Так, священник г. Людиново Дятьковского района Брянского округа Западной области Николай Федорович Голубович был арестован 14 июня 1929 года за антисоветскую агитацию, которую «проводил вполне сознательно, с единственной целью подорвать авторитет власти и партии в глазах масс, используя для этого недостатки страны в насущных вопросах»[541]. По материалам обвинительного заключения известно, что во время совершения религиозного обряда в квартире гражданки Маминковой «на вопрос, как живется Голубовичу, последний ответил: “жизнь не важна, притесняют религию, церковь, жизнь станет лучше только тогда, когда падет жидовская советская власть. Евреи нами командуют, а мы русские их холопы. Ни чего евреям теперь не сделаешь, ибо никто не виноват, что

[541] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 3. Д. 18. Л. 14.

русский народ дурак”»[542]. Помимо этого, как свидетельствуют в своих показаниях его же собеседницы из числа верующих, во время проповедей Голубович, «пользуясь присутствием большого количества народа, выступал … перед гражданами со следующими словами: “гр-не, всякие лозунги антипасхальные это ерунда и на них не обращайте внимания. Их повесили для смущения народа, для необразованных – темных, так как грамотный в этом разберется и кто в курсе науки для него эти лозунги чепуха”. Дальше Голубович старался доказать, что хотя по конституции церковь отделена от государства и установлена свобода слова и печати, но это всё известными лицами нарушается, подразумевая коммунистов»[543]. И, несмотря на то, что священник отрицал все предъявленные ему обвинения, дело направили на внесудебное рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ.

Также поступили со священником с. Красное Выгонического района Брянского округа М.И. Архангельским, который обвинялся прокуратурой «в повседневной активной антисоветской агитации среди крестьянства всего Красносельского прихода, …как в отдельных беседах, так и в произносимых им проповедях, действуя на темных и опутанных дурманом крестьян, запугивая таковых карой господней за их маловерие, призывая их не подчиняться Советской власти…»[544]. Агитацией было квалифицировано и заявление священника 16 января 1930 г. во время службы в храме с. Глыбочки Шаблыкинского района о том, «что он служит в последний раз и что 26.01 церковь закроют»[545].

В другом обвинительном заключении священник дер. Новодроково Суражского района Клинцовского округа Д.Е. Сивоха обвинялся в том, что «начиная с 1925 года с момента прибытия в с. Новодроково Суражского района на постоянное жительство и по день ареста с церковной трибуны и при личных встречах призывал верующих раскаяться за допущенный раздел

[542] Там же. Л. 13.
[543] Там же.
[544] Там же. Л. 164.
[545] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256. Л. 54.

помещичьих и монастырских земель и экономий, к поминанию изгнанных из республики, в призыве противодействию изъятия церкви для культурных целей села, в агитации против организации коллективных хозяйств, для целей подъема с/хозяйства и не сдаче государству по х/заготовкам излишков хлебных культур и путем распространения волнующих и порочащих слухов, т.е. в использовании невежества верующих в целях борьбы с существующим государственным строем и его мероприятиями, проводимыми на селе»[546]. Обращает на себя внимание формулировка в обвинении: «…в призыве противодействию изъятия церкви для культурных целей села», – то, что было предоставлено законом как право оставить церковь функционирующей расценивалось Клинцовской окружной прокуратурой как преступление. «Когда в зиму этого года [1929] возникает вопрос об изъятии церкви у верующих для культурных целей села под клуб и радио, гр-н Сивоха Д.Е. среди членов церковного совета выступает с доказательством об удержании церкви у себя. В результате, когда этот вопрос переносится на собрание верующих, то под влиянием членов церковного совета церковь под клуб не уступается»[547], – за волеизъявление верующих в итоге ответил священник, как агитатор-контрреволюционер.

Аналогично был осужден священник с. Теменичи Бежицкого района Брянского округа Д.З. Атрощенков. Его обвинили в том, что «в апреле месяце с.г. [1929] желая удержать верующих от закрытия церкви, вел агитацию среди них в плоскости возбуждения у них недоверия к Соввласти вообще и в частности в вопросе закрытия церкви, доказывая, что церковь будет использована не под школу, как этого хотят гр-не, а под клуб для развлечения коммунистов»[548]. Священник с. Филипповичи Трубчевского района Брянского округа П.В. Гонорский 11 ноября 1929 года был обвинен в том, что «на общих собраниях гр-н своими провокационными выступлениями возбуждал верующих против действий местной власти –

[546] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 3. Д. 18. Л. 91 об.
[547] Там же.
[548] Там же. Л. 96.

изъятии церковной сторожки и распределении церковной земли между бедняками, …что Соввласть налогами давит духовенство и бедняков, а равно и среди гр-н высказывал надежду на возможную перемену власти»[549].

Помимо агитации отдельных священнослужителей, в отчетах и сводках фигурировала *агитация контрреволюционных группировок*. Разговоры, роспуск слухов, скопления людей, обсуждавших проблемы местной церкви могли быть квалифицированы как контрреволюционная агитация. Из доклада уполномоченного по г. Карачеву от 1.04.1930 г.: «Наблюдается усиленная агитация религиозно-настроенных групп и др. элементов к пересмотру решения закрытия церквей /в Карачеве в течение 2-х дней на почве частичного ремонта одной церкви, вокруг церкви собиралось много женщин, оказалось толпой руководила определенная группа»[550].

В конце 1929 года были закрыты православная и старообрядческая церкви в пос. Полотняный Завод Бухаринского района. Это породило неизбежное недовольство части верующих. Виновными же становились священнослужители. «Антисоветский элемент, – читаем в обвинительном заключении, – усиленно стал вести антисоветскую агитацию, как среди рабочих фабрики, так и окружающих деревнях о, якобы, незаконном закрытии церквей. Одновременно пытаются привлечь рабочих к активному выступлению за открытие церквей»[551]. Из материалов дела следует, что «для большей конспирации и активизации своей деятельности из таких лиц были созданы две группы – по православным церковникам и старообрядцам»[552]. Выведены даже общие задачи группировок: «1) добиться открытия церквей и если таковые не откроют начать кампанию за постройку новых церквей. 2) Провести работу среди рабочих фабрики, склонив последних к активному выступлению за открытие церквей. 3) Привлечь крестьянские массы из ближайших деревень к защите церкви и удержание последних от вступления

[549] Там же. Л. 293.
[550] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 755. Л. 144.
[551] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 15. Л. 297.
[552] Там же.

в колхозы и 4) Активного противодействия всем проводимым партией и Сов. властью мероприятиям»[553].

Все показания свидетелей по данному делу сводятся к доносам на верующих, собиравшим подписи за открытие церквей, например: «После закрытия старообрядческой церкви Каретников начал усиленно агитировать за открытие ее. Мне он также однажды предложил взяться хлопотать за открытие церкви. С этой целью мы с Каретниковым один раз собирались у него дома, где решили созвать собрание граждан по вопросу ходатайства открытия церкви (свидетель Портной)»[554], – а также на разговоры о недовольстве властью: «В Мае мес., числа не помню, при выпивке Баскаков жаловался на плохую жизнь, говоря, что в старое время жилось гораздо лучше, что кроме голода коммунисты ничего народу не дали (свидетель Шанин)»[555].

Сопротивление крестьянства и служителей культа по данному конкретному факту борьбы за церковные здания положительных результатов для верующих не дало. Борьба велась долго, но, решением комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 19 февраля 1932 года (протокол №1) постановление Президиума Запоблисполкома от 1.03.1931 г. «о ликвидации старообрядческой и Спасо-Преображенской церквей в пос. Полотняный Завод, Бухаринского района» было утверждено[556]. Одновременно это означает и то, что ликвидация указанной «контрреволюционной группировки» до самого конца 1929 г. также не дала предполагаемого результата.

Данное обвинение против священнослужителей по Бухаринскому району, как и многие другие, по большей части, было построено на *разговорах и слухах*. Подслушанные «антисоветские» разговоры без указания конкретных фамилий нередко попадали в соответствующие донесения. В той или иной мере они отражали «политические настроения» среди населения.

[553] Там же.
[554] Там же. Л. 298.
[555] Там же. Л. 301.
[556] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

Так, в докладной записке №92 «О политнастроении неорганизованного городского населения по Вяземскому округу по состоянию на 9/V-30 г.» окружного отдела ОГПУ начальнику информационного отдела ПП ОГПУ по Западной области читаем: «“Вот до чего дошли и церкви стали сволочам мешать, раньше бы лучше своё создали, а потом разбивали бы да разваливали”, так говорили в частной беседе два мещанина во время снятия колоколов в г. Вязьме»[557].

Вопрос, мучавший простых людей, – почему старое рушат, а хорошего нового ещё ничего не создали, – судя по источникам, и порождал *слухи* об Апокалипсисе, конце Света, скорой войне и т.п. Так, в Вязьме, например, во время антирождественского карнавала 1930 года, в ходе которого инсценировали «похороны старого быта», «в частной беседе одна гражданка сказала: “Да хоронят, черти старый быт, но увидим, какой они новый устроят. При старом быте хорошо жилось, а при новом жизнь ни к черту не годится, все только разрушают, но ничего не устраивают»[558].

На фоне такого рода разговоров и слухов в стране «оформлялись контрреволюционные группировки» (в кавычках, потому что, судя по обвинительным заключениям на членов этих группировок, они были, скорее, на бумаге, на деле же это больше похоже на жизненные ситуации недовольных людей, нежели на спланированную агитацию).

Так, весной-летом 1930 года в Хмельниковском сельсовете Издёшковского района Вяземского округа была «зафиксирована» контрреволюционная группировка, оформившаяся, судя по прокурорскому обвинительному заключению, 8 сентября 1929 года. Группировка распускала «провокационные слухи о войне и Папе Римском, который идет “спасать Россию и православную христианскую веру”»[559], о том, что «…антихристы хотят закрыть церковь, нам нужно её отстоять, иначе нам будет плохо»[560] и т.п. Главой группировки назывался священник Михаил Матвеевич Андреев.

[557] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 139. Л. 160.
[558] Там же. Л. 159.
[559] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 15. Л. 256.
[560] Там же. Л. 257.

Всего же в ней состояло четыре человека: священник, бывшие помещица и городовой, местный торговец. Обвинительное заключение также, в основном, базируется на свидетельских показаниях-доносах, к примеру: «16/IV-30 г. – Андреев собрал в с. Митине бедняков и середняков [4 фамилии], которым читал газету “Известия” и истолковывал события в своем поповском духе, против коллективизации»[561]. События, описанные в материалах дела, похожи в разных ситуациях, пожалуй, больше на недовольства в ходе активности политических кампаний, не подразумевают, кроме пересказа слухов и реплик, ничего угрожающего.

Из секретного «Обзора политических настроений рабочих и служащих участка ОДТООГПУ-Смоленск» №380 [Областной дорожно-транспортный отдел Объединённого государственного политического управления] за период с 20 сентября по 20 октября 1929 г.» следует: «В связи с закрытием Рославльского монастыря среди верующих ж.д. служащих ст. Рославль наблюдается недовольство в форме разговоров и возмущений сопровождающееся выпадами против ВКП(б). Характерные выступления по этому поводу: “коммунисты насильно закрывают церкви, не дают верующим соблюдать религиозные обряды, чем вооружают против Соввласти народ, скоро наступит их царству конец” /выступление конторщика МГ-3 Рославль – Шкелева/»[562]. Подобных выступлений в отчетный период уполномоченный зафиксировал три.

Тем же уполномоченным в «Обзоре…за период с 20.02 по 20.03.1930 г. №6» обычный разговор служащих участка, по всей видимости об интервью митрополита Сергия, был определен как агитационное проявление: «Богажные кассиры ст. Рославль Фомин Василий, Васильев, Щербин и весовщик Иванов среди рабочих и служащих станции доказывают правоту действий Римского Папы, говоря: “Все церкви в России Сов. властью закрываются насильственным путем. Опубликованное в газетах заявление

[561] Там же.
[562] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 24. Л. 113.

русского духовенства о непреследовании в СССР религии дано под насилием, из-за боязни расстрела”»[563].

Подобные обвинения священников, отдельных верующих граждан или их групп квалифицировались по одной статье Уголовного кодекса РСФСР – ст.58.10: «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально-охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контр-революционным организациям или частным лицам. Передача или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально-охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителя ведомства, учреждения и предприятия, за вознаграждение или безвозмездно организациям или лицам, указанным в 1 части настоящей статьи»[564]. Хотя намного ближе к перечисленным в приведенных примерах «преступлениям» подошла бы ст.58.13 – «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей», либо ст.58.14 – «Использование религиозных предрассудков масс с целью свержения Рабоче-Крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям»[565].

Тема протеста реакции международной общественности на религиозную политику в СССР находит свое отражение во многих докладных записках в ходе агитационных массовых кампаний этого периода. Так, заведующий отделом агитмассовых кампаний Вяземского окружкома ВКП (б), в записке о ходе проведения митингов в округе 21 марта 1930 года

[563] Там же. Д. 97. Л. 134.
[564] СЗ. 1926. № 15. ст. 106.
[565] Там же.

против «крестового похода» Папы Римского отмечает, что: «…в отдельных случаях имело место проявление и антисоветской агитации, так, например, на митинге в Гжатске в частных беседах некоторые участники говорили: “В случае будет война, крестьянство власть поддерживать не будет и демонстрация здесь не поможет. В г. Вязьме отдельные крестьяне, присутствовавшие на митинге, в беседах говорили: “Церковь и попов добивают, а тут ещё и смеются над ними” /указывая на антирелигиозные плакаты/. Одна из женщин – домашняя хозяйка, во время речи сказала: “Сами разоряют церкви, кладбища, священников сажают, а сваливают все на папу Римского”»[566].

В тот же период в дополнение к демонстрациям и митингам принимались резолюции с подписями рабочих и служащих о подтверждении отсутствия гонений на веру в стране. Подобную резолюцию в марте 1930 года пытались принять на фабрике «Туркшелк» в городе Ржеве, в ответ на которую отдельные рабочие заявляли: «вы уже и резолюцию приготовили без нас, нас не обманешь, вам все религия мешает; не верно, что у нас церкви не тронули, мы за эту резолюцию голосовать не будем, голосуйте сами»[567]. В конечном итоге «за» проголосовало только 50%, и раздавались возгласы: «как это вы зачитали резолюцию, что у нас нет гонения на религию, это не верно, гонение есть и у нас, ведь комсомольцы жгли иконы и не давали нам молиться на пасху»[568].

На фабрике «Ралф» (Клинцовский округ) группа работниц также воспротивилась мнимому примиренчеству со сложившейся ситуацией: «Сперва сами церковь закрыли, а теперь приходите нас уговаривать; никакие решения рабочими о закрытии церквей не выносились»[569]. Подобные выступления фиксировались и в других районах, и других округах области.

[566] ГАНИСО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 118. Л. 36.
[567] ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 23 об.-24.
[568] Там же.
[569] Там же. Л. 24.

По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» религиозные общества, при желании провести общее собрание верующих, обязаны были предварительно получить разрешение на его проведение от районного (в сельской местности) или городского (в городах, соответственно) административного отдела (п.12 постановления)[570]. Без разрешения и уведомления имели право собираться только исполнительные и ревизионные органы обществ верующих, каждый из которых по закону состоял не более, чем из трёх человек (п.п.13, 15, 16 постановления)[571]. Любое *несанкционированное собрание* или малость похожее на него скопление людей, обсуждавших церковные проблемы, расценивалось как нарушение, о чём свидетельствуют информационные сводки и докладные записки.

Собрания верующих в противовес другим собраниям также рассматривались как акты протеста и противодействия советскому аппарату. Так, например, в 1929 году отмечались как нарушение череда молитвенных «сборищ» духоборов в Батуринском и Бельском районах в противовес перевыборным собраниям[572]. И, если единичный случай, максимум вызвал бы нарекания, то цепочка таких собраний наводит на мысль о протесте, в данном случае, кампании перевыборов.

Часто самим фактом обнаружения несанкционированных собраний верующих донесения не ограничивались. Брошенные сгоряча фразы могли привести к постановке оратора на учёт спецорганами, как минимум, а то и к аресту. Из информационной сводки «о политическом состоянии Смоленского округа за январь месяц 1930 год» известно, что 16 января в с. Кощино Гриневского района Смоленского округа «попом собрано собрание верующих составляющих кулацко-зажиточную часть деревни, не имея на то разрешения адмотдела, где он выступил с антисоветской агитацией,

[570] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1949. С. 236-237.
[571] Там же. С. 237.
[572] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 12.

призывая верующих к поддержанию церкви и недопущения ее закрытия»[573]. В конечном итоге, за антисоветскую агитацию «означенный поп задержан, заключен под стражу. Дело передано ОГПУ по Гриневскому району»[574].

Различного рода мелкие расхождения с объявленными пропагандой нормами воспринимались, как протест. Например, в докладе в Западный обком ВКП(б) о духовенстве Западной области за 1929 год отмечалось, что священник города Невеля Невельского района Великолукского округа Шепелев, «являясь ярым приверженцем монархии, в праздники во время службы в церкви облачается в ордена и медали и др. награды, полученные при царизме. Во время молитвы поминает за упокой императоров, оглашая их полные императорские титулы»[575].

Протестными признавались даже внешне безобидные, но явно вызванные антирелигиозным напором ситуации. Из докладной записки уполномоченного бюро Обкома ВКП(б) по Сухиничскому округу Я.Ю. Юрмальнека от 30 апреля 1930 г.: «Народный Судья член партии назначил слушанием дело попа на первый день пасхи. Поп накануне в церкви во время службы заявляет народу “Сегодня служу, а завтра служить не буду, так как я должен явиться на суд, меня будут судить”. В церкви получилась буза и возгласы “ничего батюшка мы тебя выручим”. На следующий день около 100 женщин с песнями пошли через город где происходил суд. Все, однако, проходило гладко. Я об этом факте узнал только потом»[576].

Из другой докладной того же уполномоченного: «В Мосальском районе, как вообще в Сухиничском округе имело место хождение женщин с просьбой выписать из колхоза. Выяснилось, что главными причинами

[573] ГАНИСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 26. Л. 223.
[574] Там же.
[575] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 11.
[576] Там же. Д. 750. Л. 20.

являлось решение по обобществлении скота и курей, а также на религиозной почве, в связи с закрытием церквей»[577].

Таким образом, в условиях законодательно запрещенной религиозной агитации попытки уберечь храм от закрытия почти автоматически переводили священнослужителя или любого сочувствующего в разряд агитаторов-контрреволюционеров со всеми вытекающими из этого последствиями.

Самым массовым видом пассивного протеста, судя по архивным источникам, являлись жалобы, или как ещё принято их называть − *письма во власть*, которые, как мы увидим, именовались по-разному, но все представляли собой единый жанр письма, которое призвано найти правду во власти. Жалобы – пассивная мера только номинально, потому что относятся к эпистолярному виду источников. Реально же жалобам предшествовал целый блок активных действий: собрания верующих, сбор подписей, оплата несправедливых налогов и сборов, хождение по инстанциям. Часто жалобы сопровождались большим числом подписей. Также, чтобы жалоба была обоснованной и содержательной, требовалось ориентироваться в современном религиозном законодательстве, прессе, собирать эти данные, или хотя бы иметь одного такого человека в своем окружении. Одна жалоба редко решала вопрос, верующие должны были писать в разные инстанции и не раз.

Для изучения этого источника были отобраны все письма общин верующих за 1929-1933 годы – с начала активизации курса на усиление антирелигиозной политики в 1929 году до начала формирования системы жалоб в 1932-1933 годах, в том числе и на религиозную тематику. В фонде Западного облисполкома (Ф.2360) Государственного архива Смоленской области (ГАСО) собраны документы, относящиеся к деятельности всех окружных и районных исполнительных комитетов Западной области, в том

[577] Там же. Д. 755. Л. 17.

числе и комиссий по вопросам культов. Письма верующих во власть хранятся в делах по закрытиям церквей, и за означенный период нами были собраны 318 заявлений верующих. В это число сознательно не были включены письма служителей культа, относящиеся к их проблемам личного характера, т.к. это является темой отдельного исследования, и напрямую не затрагивает контекст притеснения интересов верующих и их общин (о косвенном влиянии репрессий священников и судеб общин верующих см. гл.I, §2). Для удобства обработки писем была создана отдельная таблица в упомянутой в предыдущем параграфе базе данных под названием «Жалобы», состоящая из 15 полей. Не станем отдельно останавливаться на полях «Дата», «Церковь», «Село», «Район», «Округ», «Ссылка на архив», «Примечания», «Вложения», т.к. они охарактеризованы выше при описании таблицы «Активное сопротивление».

Не во всех жалобах упоминаются округа, в которых расположена община верующих и соответствующая церковь. Для идентификации следует понимать, что округа существовали до 23 июля 1930 года, потом они были упразднены на всей территории страны постановлением ВЦИК и СНК СССР «О ликвидации округов», районы перешли в прямое подчинение области. Но до июля-августа 1930 года в Западной области было 8 округов: Смоленский, Брянский, Великолукский, Клинцовский, Вяземский, Сухиничский, Рославльский, Ржевский. 12 мая 1930 года Смоленский округ был переименован в Ярцевский и так просуществовал ещё два-три месяца до окончательной отмены округов, что отражено в базе жалоб – в случае, когда округ на жалобе не прописан, а по району установлено, что это либо Смоленский, либо после 12 мая 1930 года – Ярцевский.

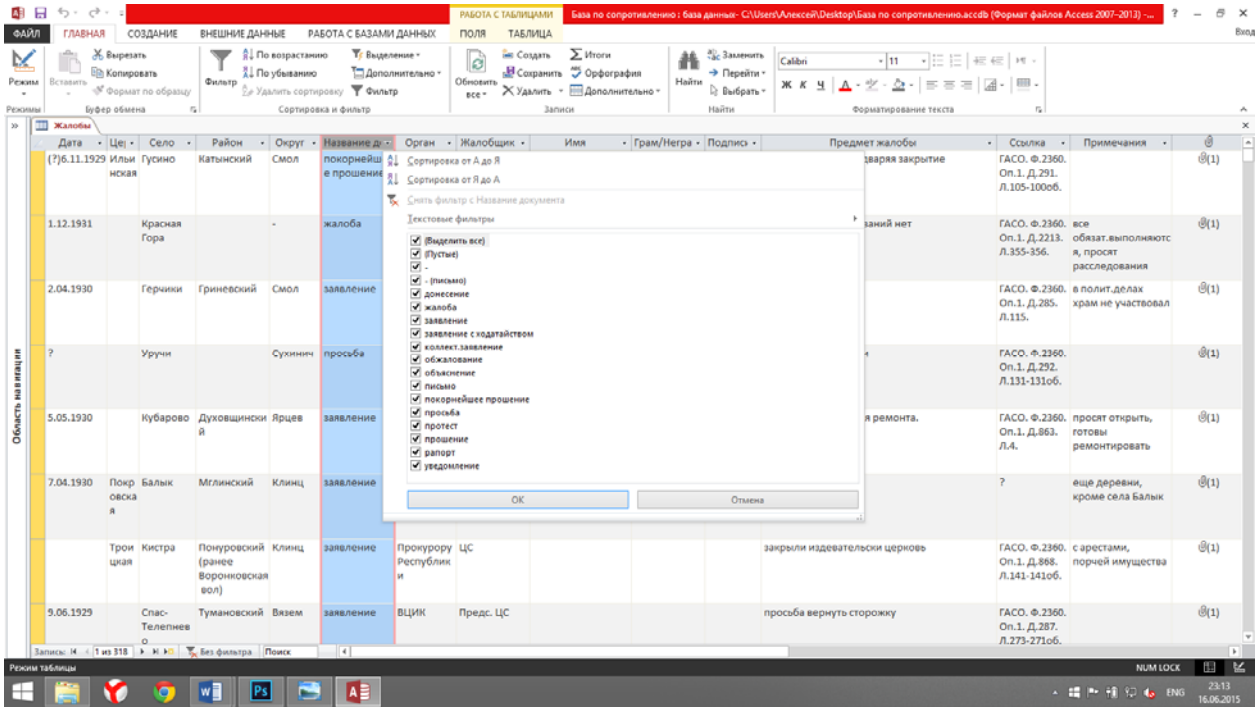
В графе «Название документа» обозначено наименование письма. Условно мы именуем жалобами или письмами во власть, но из представленного массива видно, что существовало разнообразие наименований. Так, вообще без всякого обозначения значится 15 писем, что

составляет 4,7 % от общего числа. Из них во ВЦИК направлено 3 письма, в Западный облисполком – 6 (в одном из которых указано «В Комиссию по делам религиозных культов», что не дает возможности точно понять адресата, – ВЦИК или ОблИК[578]), в областное бюро жалоб – 1 (после 1932 года, когда начали создавать сеть бюро жалоб), Сергию (митрополиту, патриаршему местоблюстителю) – 1, церковному старосте – 1, «Западному областному митрополитанскому управлению» - 1, «во власть» - 1, в районный административный отдел – 1. «Жалобами» свои письма именуют в 33 случаях (10,4 %), один из которых подписан «обжалованием». В 252 случаях (79,2 %) это «заявления», из которых по одному случаю «коллективного заявления» и «заявления с ходатайством». Заявление с ходатайством было направлено в Смоленский облисполком от Бежицкой общины Петропавловского собора г. Бежицы Брянского округа, и ходатайство сводилось к тому, чтобы «не закрывать Петропавловскую церковь»[579]. «Поднятая в общественных и рабочих кругах г. Бежицы Компания, а также помещаемые статьи и заметки в местных органах печати, как в газетах «Брянский рабочий» и «Красный профинтерн» по закрытию нашей последней (одна закрыта) Петропавловской церкви, ⁻ читаем в заявлении верующих, ⁻ вызывает в среде верующих собора и всего верующего населения г. Бежицы существенную тревогу и особенное напряжение. …Количество верующих, посещающих наш собор превышает…пять тысяч человек»[580]. Заявление, подписанное как коллективное, было направлено в Брянский Дом Советов (Горсовет) 7 января 1930 года от верующих Николаевской церкви с. Толмачево Брянского округа, в котором верующие просят открыть храм, закрытый собранием неверующих без ведома первых[581].

Рис.1.

[578] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 872. Л. 162-163 об.
[579] Там же. Д. 289. Л. 10 об.
[580] Там же.
[581] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 874. Л. 27.

Таблица «Жалобы» базы данных, содержание поля «Название документа».



12 писем из 318 (3,8 %) именовались «просьба», «покорнейшее прошение», «прошение», из них покорнейшее прошение было только одно – от Уполномоченного общины верующих Ильинской церкви с. Гусино Катынского района Смоленского округа Ивана Старикова в ноябре 1929 года во ВЦИК с просьбой защиты церкви от закрытия: «В нашем приходе идет систематическая агитация со стороны неверующих за немедленное закрытие храма. Собирались уже собрания и выносились решения, при чем большинство голосов объявлялось искусственно. Ввиду того, что мы наблюдаем уже в других местах закрытие храмов на основании таких искусственных протоколов и при том без всякого ведома высших органов власти, наш приход и решил предварительно обратиться к Центральному Исполнительному Комитету с покорнейшего и убедительнейшего просьбою обратить на наше дело внимание и принять меры с своей стороны к тому, чтобы наш храм не прекратил своего существования….Покорнейше и

убедительнейше просим Центральный Исполнительный Комитет чтобы храм у нас не отбирали и не закрывали. Храм является для нас величайшею святыней. Он для нас слишком дорог. Закрытие его для нас было бы величайшим огорчением»[582]. «Покорнейшее прошение» сопровождалось подписями 718 человек.

Один документ назван «объяснением» - письмо от церковного совета Владимирской церкви с. Людинки Клетнянского района от 13 октября 1932 года в областное управление коммунального хозяйства с просьбой прекратить начатое верующими дело по постройке новой сторожки из-за того, что некому подготовить «генеральный план земельного участка, на котором находится церковь, и плана, на котором желательно на[нести] сторожку»[583]. Верующие писали, что хотели построить новую сторожку своими силами и как «крестьянский дом», без планов и расчетов, но их планы натолкнулись на бюрократические нормы и дело затухло.

Ещё одно письмо именовалось «донесением» и адресовано было областному бюро жалоб в 1932 году от церковного совета Казанской церкви с. Хотеево Брасовского района за личной подписью председателя церковного совета Ивана Григорьевича Чеплыгина[584]. В своем донесении от лица верующих своего прихода Чеплыгин просит открыть церковь, закрытую из-за неправильно начисленных налогов, с изложением мелких конфликтных ситуаций с местными чиновниками.

Среди прочих писем есть один «протест» от общества верующих Казанской церкви г. Жиздра Жиздринского района в районный исполнительный комитет, датированный сентябрём 1932 г. Из данного «протеста» становится ясно, что в одной из частей церкви случился пожар, после которого райисполком постановил церковь закрыть и снести. Общество верующих письменно обратилось к ВЦИКу с просьбой о помощи,

[582] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 291. Л. 105-100 об.
[583] Там же. Д. 2243. Л. 144-144 об.
[584] Там же. Д. 1532. Л. 70-71 об.

и ВЦИК оставил церковь в пользовании верующих, разрешив богослужения. Тем не менее, райисполком не прекращает дела по сносу, на что в своем протесте религиозная община спрашивает, как же быть в такой ситуации и где проводить службы, разрешенные ВЦИКом[585].

Также, в единственном числе письмо, именуемое «рапортом», написанное церковным советом и причтом с. Новый Городок Издешковского района в адрес уполномоченного Издешковского района 22 сентября 1932 года, которое, по сути, было простым доносом на то, что в церковную сторожку заселены посторонние люди, и они производят постепенную порчу сторожки, как церковного имущества[586].

Есть одно «уведомление» в комиссию по религиозным делам Западного облисполкома от общества верующих с. Мытищи Знаменского района от 18 снентября1932 года о том, что общине пришлось уйти в подполье из-за того, что её не желают регистрировать местные органы[587].

Также, представлено одно «письмо», адресованное М.И. Калинину от верующего гражданина Трёхсвятской церкви Кардымовского района Фрола Николаевича Пав[лова] от 11 декабря1929 года с его личной просьбой открыть церковь для служб[588].

Таким образом, из 318 писем наибольший пласт представляют «заявления» − 252, затем следуют «жалобы» − их 33, «просьбы» и «прошения» − таких 12, письма без наименования документа – 15, и по одному случаю − «уведомление», «рапорт», «объяснение», «протест», «донесение», «письмо».

Диаграмма 1.

Наименования писем во власть верующих Западной области

[585] Там же. Д. 2213. Л. 34.
[586] Там же. Д. 2243. Л. 127-128.
[587] Там же. Д. 2244. Л. 165-165 об.
[588] Там же. Д. 866. Л. 727-727 об.

в 1929-1933 годах.

Письма-жалобы религиозного характера отличаются своим коллективным характером, − в большинстве случаев они написаны от имени широкой общественности, или, как минимум, общины верующих. В числе исследованных нами жалоб 165 писем были направлены от обществ верующих (52 %), 115 (36,2 %) – от имени церковных советов, 31 (9,7 %) – от верующих граждан, 2 (0,6 %) письма от служителей культа, по одному от крестьянина и ходока, 3 (0,9 %) письма не подписаны.

Диаграмма 2.

Отправители жалоб на религиозную тематику

в Западной области в 1929-1933 гг.

Всего коллективных писем 285 (89,6 %), в это число включены и письма от уполномоченных общин, которые составлялись одним человеком, но по уполномочию объединения верующих, как это требовалось по закону, когда община из своего состава выделяла одного человека, желательно грамотного, который мог представлять её интересы в различных органах власти при решении той или иной проблемы. 28 писем индивидуального характера (8,8 %), но сюда включены и письма от председателей церковных советов общин, которые составлялись одним человеком в защиту интересов верующего населения. Так или иначе, но даже письма, подписанные одним автором, всё равно были направлены от общего числа верующих, − здесь вопрос больше в составлении формы этих писем, нежели в индивидуальном желании автора спасти храм.

Данные, полученные при изучении жалоб верующих, разнятся с результатами исследования жалоб и писем во власть, полученных несколько лет назад французским историком Франсуа-Ксавье Нераром. При изучении огромного пласта жалоб конца 1920-начала 1940-х годов, сохранившихся в архивах Нижнего Новгорода по всем тематикам, он пришёл к выводу, что «в

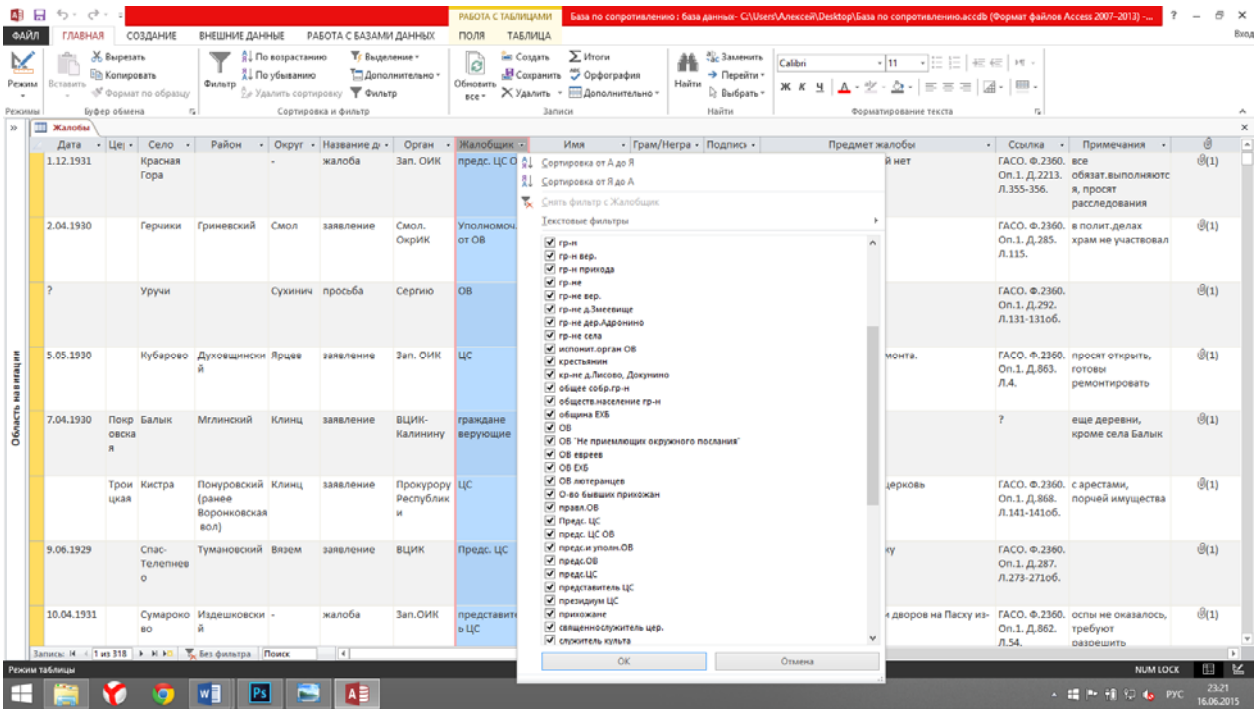
корпусе изученных писем автор – прежде всего частный человек (77 %): коллективные письма в СССР относительно редки (приблизительно 10 %)»[589]. Совершенно противоположные результаты дало изучение жалоб церковной тематики в Западной области: среди писем верующих 89,6 % − это письма коллективные, 8,8 % − индивидуальные, 1,6 % − без обозначения автора.

Авторы коллективных писем обозначали себя, как «верующие», «граждане верующие», «крестьяне» (а именно, «крестьяне дер. Лисово, Докунино»)[590], «прихожане», «общественное население граждан». Это часть коллективных писем относится к верующим, прямо незадействованным в религиозных объединениях, а к причту, наличие которого было важно для функционирования храмов, но не было определяющим. Весь груз ответственности за церкви несли на себе «двадцатки» − общины верующих, которые заключали договора на пользование храмами и несли все сопутствующие издержки в связи с переменами церковной политики. Вторая часть коллективных писем как раз относится к религиозным объединениям – общинам и группам верующих. Но здесь есть ряд неточностей – важно понимать, что разница между обществом верующих и группой верующих по закону «О религиозных объединениях» была значительной: общество верующих («двадцатка») состояло минимум из 20 человек, которые имели право взять церковь на баланс своей общины, тогда как группа верующих могла состоять не более, чем из 10 человек, и не имела права пользоваться храмами.

Рис.2.

Таблица «Жалобы» базы данных, фрагмент содержания поля «Жалобщик».

[589] Нерар Франсуа-Ксавье. Указ. соч. С. 236.
[590] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 872. Л. 94.



В жалобах часто встречаются наименования авторов – «группа верующих» – хотя, в то же время, авторы жалуются на ликвидацию принадлежащего им храма, что само по себе свидетельствует о том, что письмо написано общиной, а не группой верующих. Видимо, здесь дело скорее в ошибочной терминологии со стороны жалобщиков, нежели в самоидентификации. Такие слова, как «община», «общество», «группа» воспринимались синонимично, судя по источникам. Потому мы объединили эти письма. Также, как упоминалось, двадцатки выделяли из своего состава уполномоченных представлять интересы своей общины перед чиновниками, – письма, подписанные уполномоченными, таким образом, тоже относятся к коллективным письмам общин. И третье, – внутри каждой двадцатки обязательно выбирался исполнительный орган, церковный совет, состоящий из трёх человек, одним из которых был председатель церковного совета. Письма, авторство которых принадлежит церковным советам или председателям церковных советов, мы также относим к коллективным письмам религиозных объединений, тем более, зачастую они сопровождались подписями членов общины или верующих. Встречаются

разные наименования церковных советов «президиум», «исполнительный орган», «тройка церкви», «члены правления».

Среди жалоб общин верующих 10 писем от еврейских общин (3 %) из Великих Лук, Осташкова, Почепа, Шумячей, Усвят, Брянска. Все эти письма отличаются грамотной речевой культурой изложения, юридической подкованностью, большинство машинописные, что встречается крайне редко в жалобах этого периода. 8 писем от общин Евангельских христиан баптистов (2,5 %) и абсолютно каждое с жалобой на отказ в регистрации общины. По всей видимости, это связано с тем, что по стране был взят общий курс на борьбу с сектантством, а бороться с ним вернее всего было путем недопущения общины к регистрации, − нет секты на бумаге, значит она не проходит ни в каких отчетах, значит её как бы нет вовсе. Ведь после регистрации сектанты законно могли бы требовать храм в бесплатное пользование, а так у них и права-то такого не возникало.

Из 318 писем только 3 было от старообрядческих общин: два заявления от Чуровичской общины Знаменской церкви в Западный облисполком и ВЦИК с жалобой на то, что местные власти отобрали обе церкви и требуют недоимки 6000 руб.[591], и ещё одна жалоба из Сухиничей в Западный Облисполком, которая заслуживает отдельного внимания.

Исходя из материалов письма, в г. Сухиничах существовало две старообрядческих общины верующих: первая, община «Не приемлющих окружного послания», вторая – Казанская община «Приемлющих окружное послание», − разница между которыми на момент написания жалобы (не ранее 17.07.1931 г.) существовала около 60 лет. Казанская община в 1929 году отказалась «от своего церковного здания, не желая уплачивать Государственные налоги; в силу чего помещение это изъято из их пользования»[592]. Спустя время Казанская община «возбудила ходатайство

[591] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1548. Л. 3-3 об., 16-16 об.
[592] Там же. Д. 862. Л. 454.

перед Сухиничским РИКом о предоставлении им помещения для совершения религиозных обрядов»[593], и РИК вынес решение о совершении обрядов двух общин в одной церкви. И верующие в своем заявлении спрашивают, как возможно служить общинам разных религиозных течений в одном храме. Из сопроводительных документов, имеющихся в деле этих общин известно, что верующие со своей проблемой дошли до центральных органов власти, и их просьба выделить каждой общине свой храм осталась без удовлетворения.

Также, 6 писем принадлежит обновленческим общинам верующих (1,9 %), 5 из которых от верующих с. Лобок Невельского района с жалобами на несправедливое взыскание денег со священника общины, проживающего в сторожке и выполняющего дополнительно функции церковного сторожа. По договору с религиозным объединением священник должен был оплачивать сторожку в счет своей зарплаты, как сторожа, а сельсовет требует от него платы 100 руб. в месяц[594]. Ещё одна жалоба от Людинковской общины в Западный облисполком от 16.09.1931 г. на то, что их церковь закрыли якобы по решению верующих, которые на самом деле таких решений не принимали и исправно платят все налоги.

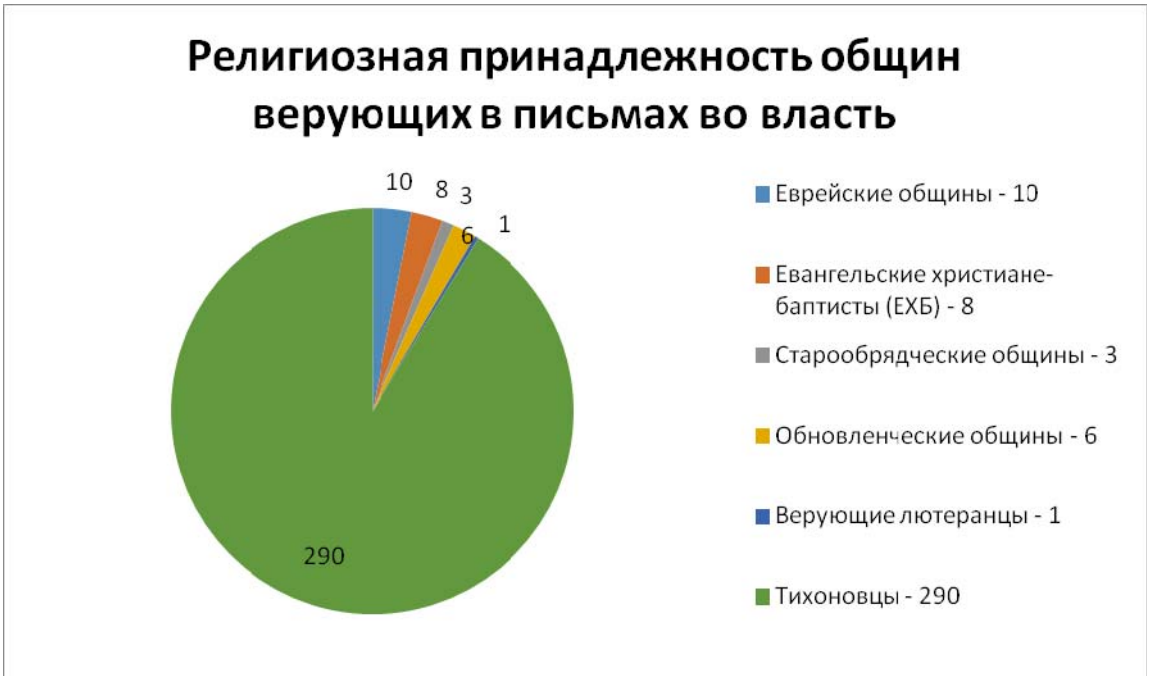
И всего 1 заявление от общины верующих лютеранцев (эстонцев и латышей), направленное во ВЦИК 17.05.1930 г. из г. Торопца Торопецкого района Великолукского округа с жалобой на непосильные налоги[595]. Так выглядит разброс писем во власть по религиозным течениям. Кроме 28 вышеупомянутых заявлений, остальные 290 предположительно от общин тихоновского направления, – мы можем так предполагать только с определенной долей вероятности, потому что тихоновцы обыкновенно в жалобах обозначали себя просто «община верующих», т.к. это православное течение в области сильно преобладало, а остальным общинам приходилось

[593] Там же.
[594] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2242. Л. 15-15 об., 19-20 об., 23-24, 33-33 об.
[595] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 305. Л. 62-62 об.

себя идентифицировать определениями «старообрядческая», «баптистская» и т.п., чтобы автоматически не попадать в ряды тихоновцев.

Диаграмма 3.

Религиозная принадлежность общин в письмах во власть Западной области в 1929-1933 гг.



Среди адресатов жалоб верующих 61 письмо (19,2 %) было направлено Центральным органам власти, в основном, ВЦИКу. Направляемые в центр жалобы подписывались по-разному: «ВЦИК» - 50, «М.И. Калинину» - 7, «в Москву» - 2, «во власть» - 1, одно письмо в «ЦК ВКП(б)». В центр писали с просьбами открыть храмы, снизить налоги, с жалобами на действия местных властей.

Закон «О религиозных объединениях» предусматривал право верующих подавать жалобы в Президиум ВЦИК, минуя всю цепочку нижестоящих ведомств, и тогда до окончательного решения Президиума ВЦИК, а именно Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР, храм по закону должен был находиться в руках верующих: «Если

верующие, составившие религиозное общество, в двухнедельный срок со дня объявления им постановления о ликвидации молитвенного здания обжалуют это постановление в Президиум ВЦИК, то все дело о ликвидации молитвенного здания пересылается в Президиум ВЦИК. Договор с верующими теряет силу и здание культа изъемлется из их пользования только после утверждения соответствующего постановления Президиумом ВЦИК» (ст.37 постановления «О религиозных объединениях»)[596]. На деле обжалование напрямую во ВЦИК существенно упрощало верующим жизнь – обращения в местные органы (РИК, Облисполком, Адм. отделы, прокуратура и т.д.) замедляли процесс сохранения или возврата церкви. Из-за малочисленности аппарата, низкого уровня образования и, как следствие, правовой грамотности местные органы на жалобы порой не обращали внимания.

Жалоба, направленная во ВЦИК, давала некоторые гарантии в привлечении внимания к своим проблемам. На центр надеялись, искали там правды, которую не думали найти в своей области или районе. Село Самуйлово Кармановского РИКа Ржевского округа – прошение от церковного совета и верующих граждан в конце 1929 г.: «Мы вся верующие знаем что Центральная Советская власть не запрещается молиться в храмах и охраняют свободу веры просим защиты просим возвратить нам церковь тысячу верующих ждут от Центральной власти что она возвратит нам храм и помещение церковной сторожки»[597]. Или, «покорнейшее прошение» от общества верующих с. Гусино Катынского уезда (позже района), ноябрь 1929 года: «Ввиду того, что мы наблюдаем уже в других местах закрытие храмов на основании таких искусственных протоколов и при том без всякого ведома высших органов власти, наш приход и решил предварительно обратиться к Центральному Исполнительному Комитету с покорнейшего и

[596] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. С. 241.
[597] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 285. Л. 168.

убедительнейшего просьбою обратить на наше дело внимание и принять меры с своей стороны к тому, чтобы наш храм не прекратил своего существования»[598].

При поступлении жалобы во ВЦИК, центральная комиссия запрашивала дело о закрытии церкви в областном исполкоме, но дела не всегда были в наличии, особенно, если храм ликвидировали спонтанно, без соблюдения формальностей. Судя, по переписке областного руководства с районным и сельским (ГАСО, фонд 2360, дела Комиссии по вопросам культов), запросы дел затягивались на месяцы. Западный областной исполнительный комитет устанавливал сроки высылки дел, которые не соблюдались, затем ставил новые сроки. Таким же образом выглядит переписка центрального руководства с областным – на высылку дел предполагался двухнедельный срок, но сроки отодвигались дальше и дальше с каждым запросом из-за задержек дел районными исполкомами.

Конечно, комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР была перегружена жалобами и посетителями, ищущими правды в исполнении церковной политики. И.Я. Шимон в своем исследовании приводит следующие статистические сведения о количестве писем в центральные органы, занимавшиеся церковной политикой: если в 1924 году общее их число составляло 1506, в 1927 – 2043, то в 1929 году это уже было 5242 жалобы, 1932 – 6355, в 1933 суммарное количество «писем во власть» верующих равнялось 4808[599].

Естественно, что при таком потоке обратить внимание на свои проблемы можно было только настойчивостью – многие общины верующих в лице своих уполномоченных посылали по несколько заявлений во ВЦИК с некоторой периодичностью, что повышало шансы рассмотрения дел, хотя такие затраты были не каждой общине по силам. Но, даже положительное решение ВЦИКа об оставлении храма в руках общины верующих ещё не

[598] Там же. Д. 291. Л. 105-100 об.
[599] Шимон И.Я. Указ. соч. С. 84.

означало его открытие. Волокита с передачей решения по всем инстанциям, бюрократические проволочки на стадии принятия новых постановлений райисполкомами и облисполкомами не обеспечивали скорое возвращение храма. Пока дело проходило через ВЦИК, храм мог быть уже переоборудован под иные нужды или вовсе быть снесён. Как пишет исследователь Ю.Н. Бакаев, в подобных ситуациях «виновники нарушений отделывались символическим наказанием или же вообще оставались безнаказанными. Подобная практика нередко поощряла у местных работников неуважительное отношение к законам о свободе совести»[600]. Хотя, в протоколах заседаний президиума Запоблисполкома наглядно показано, что виновники всё-таки несли ответственность: из-за скорейшего переоборудования церкви в с. Дареевске Погарского района в конце 1930 г., как молитвенное здание её ликвидировали, но имеющийся по делу материал было решено «передать Прокурору Зап. области для привлечения виновных в закрытии и переоборудовании церкви без соответствующего о том постановления Облисполкома к ответственности»[601].

В документах Западной области нередки случаи защиты руководством своих решений о ликвидации храмов. Председатель Запоблисполкома И.С. Шелехес в официальном письме секретарю ВЦИК Н.Ф. Новикову в июне 1931 года просил пересмотреть решение центральной Комиссии по вопросам культов от 20 февраля 1931 года (хотя, заседание с рассмотрением этого вопроса состоялось 6 февраля 1931 г.[602]) об отмене постановления президиума Западного облисполкома от 6 октября1930 года «О ликвидации церкви в селе Субботниках, Сычевского района» и оставлении церкви в пользовании верующих. Шелехес, ссылаясь на личную встречу со Смидовичем, который заверил его, «что он это решение отменит», но вместо этого получив извещение «с предложением выполнить постановление ВЦИК

[600] Бакаев Ю.Н. Указ. соч. С. 79.
[601] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 37. Л. 474.
[602] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

и сообщить об исполнении», просит о пересмотре решения[603]. Судя по тому, что во всех дальнейших протоколах центральной комиссии по вопросам культов упоминаний о церкви в с. Субботниках не наблюдается (по крайней мере, в документах до 1934 г. включительно), просьба Шелехеса осталась без удовлетворения.

176 писем (55,3 %) направлены в Западный областной исполнительный комитет. Западный областной исполнительный комитет (Зап. облисполком) в жалобах именовали по-разному: Смоленский областной исполком, президиум Западного облисполкома, комиссия по религиозным вопросам облисполкома, комиссия по вопросам культов облисполкома, культовая комиссия Запоблисполкома, – но все эти жалобы, направленные руководству области, стекались непосредственно в комиссию по вопросам культов при президиуме Западного облисполкома, потому при анализе заявлений мы все подобные письма объединили пометкой «Зап. ОИК» (Западный Облисполком). Иногда, в силу сложившейся привычки, писали в губернский исполнительный комитет (Смоленский, Брянский, Московский), – эти письма также адресовались областной комиссии. Происходило так из-за неспособности населения быстро реагировать на частые административно-территориальные изменения.

7 писем из 318 написаны в административные отделы областного и районного уровня, как органы управления и надзора за деятельностью религиозных общин. 5 писем адресованы церковному руководству: 1 – «Западному областному митрополитанскому управлению», 4 – патриаршему местоблюстителю Сергию, причем одно из них подписано «Епископу нашей советской страны». 19 писем направлены окружным исполнительным комитетам, причем так же, как в случае с областным исполкомом, в 1929-1930 годах окружные исполкомы иногда ошибочно писали как уездные по тем же причинам административно-территориального переустройства. 19

[603] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 862. Л. 85.

писем направлены в районные исполкомы (либо волостные). 5 писем – в сельсоветы и 6 – в горсоветы.

10 писем зафиксировано в адрес республиканской, областной, окружной и районной прокуратуры, из них 1 в областной суд. И ещё 1 письмо в районную милицию, - в данном случае, Ржевскую. Всё это жалобы на незаконное изъятие храмов, волокиту и издевательские выходки местных руководителей в помещениях церквей.

Одно заявление не имеет адресата – от общества верующих пос. Усвяты Усвятского района от 22 декабря 1931 года на то, что рядом с церковью базарная площадь и их обязывают убирать территорию рядом с церковью после базара (мусор, навоз), и если они не успевают, то местные власти их штрафуют[604]. Община не намерена мириться со столь обидной ситуацией и просит помощи.

По 3 письма направлено в областное бюро жалоб и областному управлению коммунального хозяйства, причем последние от одной общины верующих уже упоминавшейся Владимирской церкви с. Людинки Клетнянского района в связи с прекращением дела о постройке новой сторожке из-за невозможности сделать план постройки и участка[605]. В областное бюро жалоб же писали после 1932 года (создания сети бюро жалоб). Это жалобы от общины с. Воино Комаричского района на непосильные налоги на храм и трудовые повинности священника[606], и донесение от общины Казанской церкви с. Хотеево Брасовского района с просьбой открыть церковь и личными обвинениями районных чиновников в незаконной ликвидации храма[607].

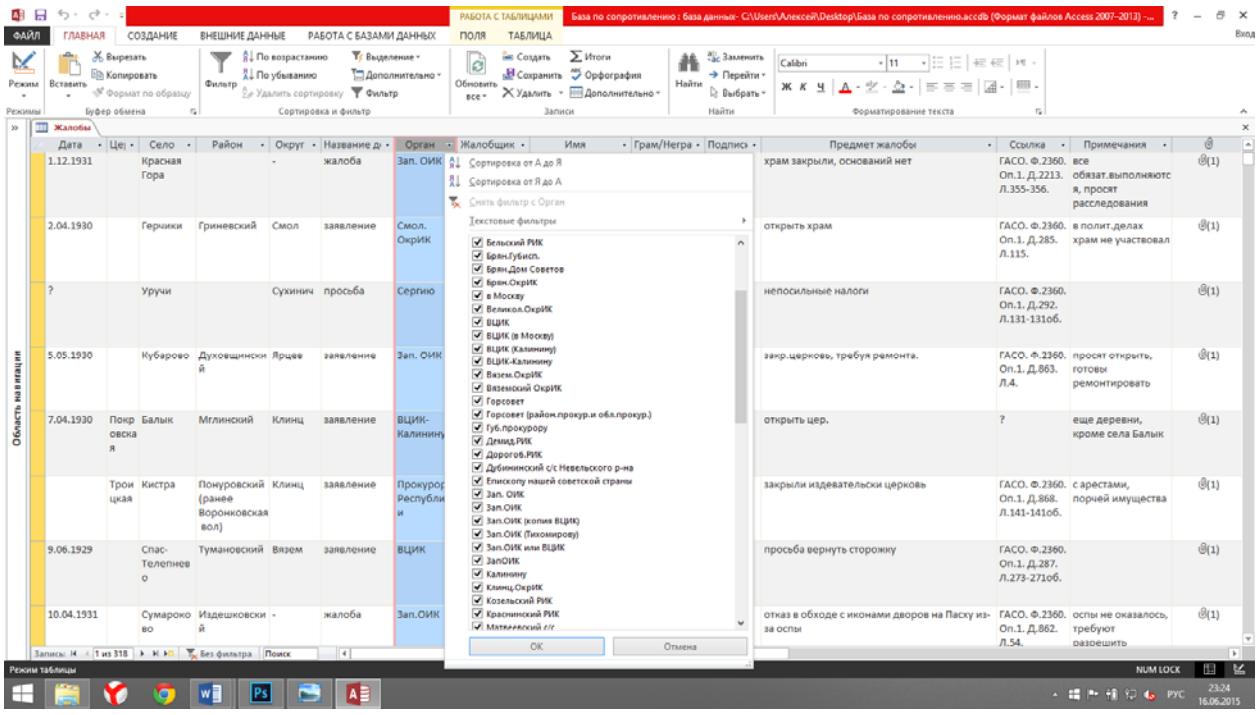
[604] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2244. Л. 73-73 об.
[605] Там же. Д. 2243. Л. 144-144 об., 149, 150-150 об.
[606] Там же. Д. 2919. Л. 135-136 об.
[607] Там же. Д. 1532. Л. 70-71 об.

По одной жалобе в числе исследованных верующие направили в Смоленскую рабоче-крестьянскую инспекцию[608], редакцию газеты «Брянский рабочий»[609], финансовый отдел Западной области[610], уполномоченному района[611], церковному старосте[612]. Причем, последняя явно показательного характера: в ней граждане дер. Адронино Дорогобужского района недоумевают, на каких основаниях закрыта церковь и требуют ее открытия. Судя по тому, что жалоба отложилась в фонде Западного Облисполкома, её предназначение было дальше церковного старосты, и она нашла своих истинных читателей[613].

Рис.3.

Таблица «Жалобы» базы данных,

фрагмент содержания поля «Орган подачи».



[608] Там же. Д. 288. Л. 98-98 об.
[609] Там же. Д. 875. Л. 85-85 об.
[610] Там же. Д. 2240. Л. 46-46 об.
[611] Там же. Д. 2243. Л. 127-128.
[612] Там же. Д. 882. Л. 74.
[613] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 882. Л. 74.

Несмотря на то, что мужчины и женщины были уравнены в правах, зачастую подписи в жалобах и заявлениях следуют «душами» или «дворами». Роберта Маннинг в своем сборнике статей о Бельском районе Западной области в 1937 году, отмечала, что в тридцатые годы, как среди единоличников, так и среди колхозников «основной социальной единицей оставалась не личность, а довлеющее мужское начало, двор»[614]. Подобные примеры есть и среди писем во власть верующих Западной области на рубеже 1920-1930-х годов. Заявление верующих села Чаус Погарского района в Клинцовский окружной исполком от 2 апреля 1930 года в конце подписано: «Дополним, что церков села Чаус имеет верующих: в селе Чаусах 215 дворов, Марковск 90 дворов, Гарицы 115 дворов, пос. Леднев 28 дворов, х. Огонек 27 дворов и пр. хутора»[615]. Или пример, когда муж распоряжался одновременно и голосом жены: «Я член колхоза Красная Заря Крылов Сергей Никифорович даю свою подписку о согласии закрыть церков в с. Замошье и передать её под Замошенскую Ш.К.М. а также и моя жена Крылова Наталия. 4/II 32»[616].

В жалобах и заявлениях верующие писали минимум о своей лояльности к советской власти, а то и питали пиетет к властям, приводя цитаты из священных книг. Группа верующих села Щипони Сещинского района в своем заявлении в волостной исполком (письмо написано весной 1929 года, когда Западная область находилась в стадии своего формирования) писала: «В настоящее время, в нашей организации насчитывается более 200 человек верующих; как единогласно протестуют против состоявшегося постановления собрания и просят В.И.К. не оказывать в дальнейшем репрессию на общину верующих; которая в административном отношении находится в районе подчинения Советской Власти и проникается чувством уважения к ея представителям; следуя постановлениям своего

[614] Маннинг Т. Роберта. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998. С. 43-44.
[615] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 866. Л. 165-165 об.

[616] Там же. Д. 1543. Л. 28.

морального учителя – св. апостола Павла: несть власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога ученены суть; так же: противлялся власти – Божию повелению противляется»[617].

Или, заявление прокурору Смоленского округа от «общественного населения граждан» дер. Печек Губниковского с/с Понизовского РИКа в конце апреля – первых числах мая 1930 г.: «Мы общественно Печковское насиления Врагами советской власти быть нежилаем и нежилали, А поетому мы и не старались и нестораемся силами защитить и восстановить наше Понизовскую церков А просим советскую власть дать нам разрешения (тово), чтобы мы имели право; на основе документальных данных: от имени советской власти, по своему желанию возстановить наше Понизовскую церковь для собрания побогомолебным служениям праздничных дней»[618].

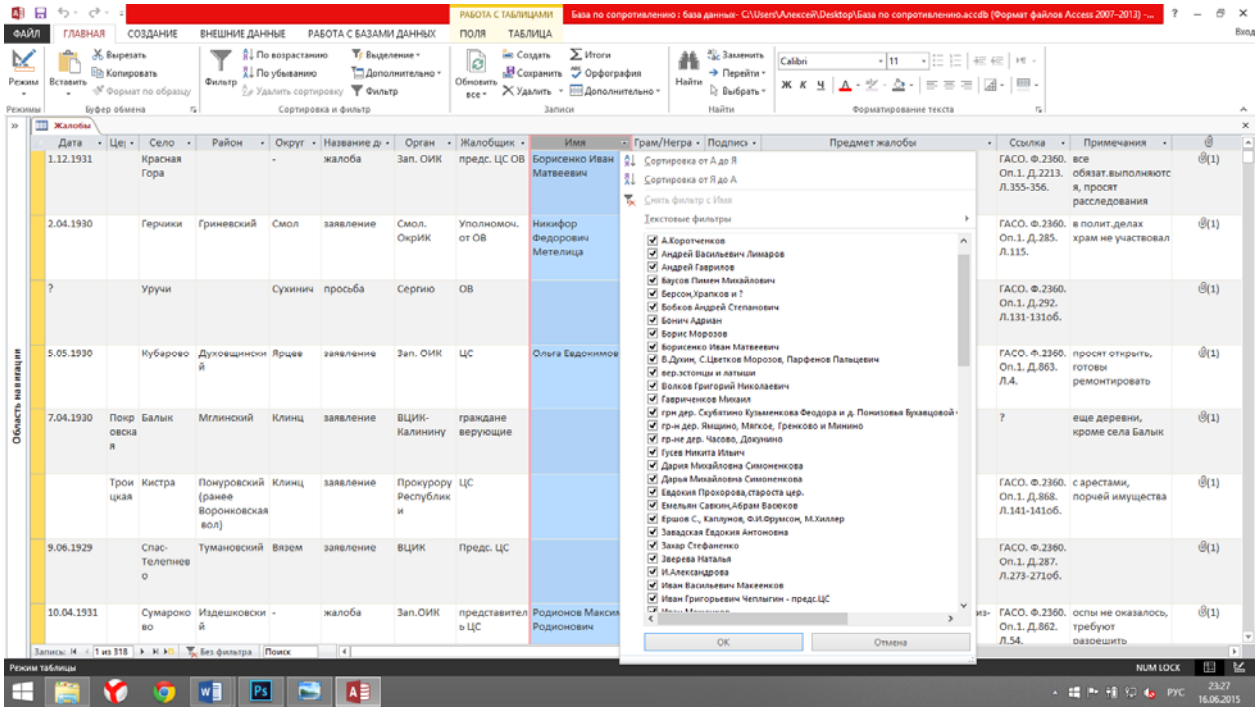
В 99 случаях (31,1 %) письма подписаны конкретными людьми, которые представляют мнение верующих (председатели церковных советов, уполномоченные от общин, просто верующие). В подавляющем большинстве это мужчины, социальное происхождение которых нам из писем неизвестно, т.к., напомним, в религиозных письмах не принято было писать от своего лица, – изложение велось от лица общины или всех верующих. Анонимных писем нет. Все письма, не подписанные конкретным жалобщиком, либо вовсе без подписей, как обозначение того, что достаточно указания местонахождения причта, общины или церковного совета, либо сопровождающиеся большим числом подписей всех верующих (например, 1273 подписи верующих прихода с. Волочек Дорогобужского района[619], 3288 подписей верующих с. Понизовья Понизовского района[620], 1037 подписей в письме Карачевской общины верующих Карачевского района[621] и т.д.).

Рис.4.

[617] Там же. Д. 558. Л. 57-57 об.
[618] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 287. Л. 250-246 об.

[619] Там же. Д. 882. Л. 9-9 об.
[620] Там же. Д. 287. Л. 171-171 об.
[621] Там же. Д. 865. Л. 317-318 об.

Таблица «Жалобы» базы данных, фрагмент содержания поля «Имя».

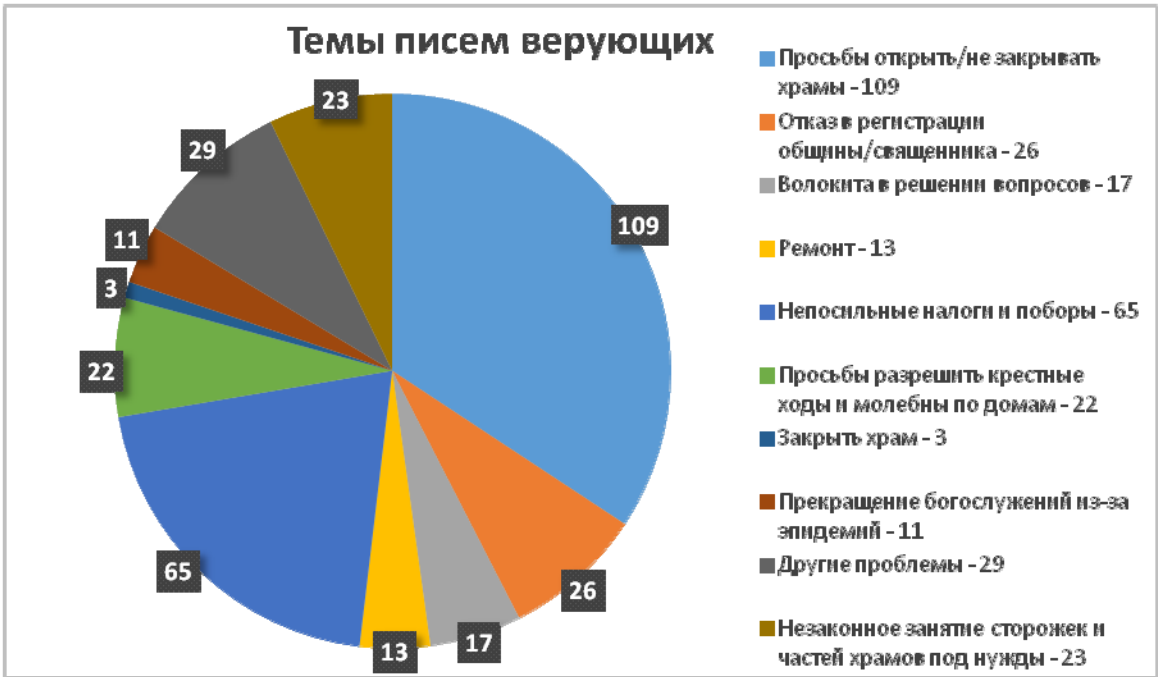


В результате подробного анализа самой ёмкой графы таблицы «Предмет жалоб» мы выделили 10 групп писем, объединённых по проблемам, описанным в них верующими. Количественные показатели по этим группам представлены в следующей диаграмме:

Диаграмма 4.

Темы писем верующих в 1929-1933 гг.

по материалам Комиссии по вопросам культов Западного облисполкома.



Больше всего заявлений было написано с просьбами открыть приходской храм или предотвратить закрытие такового. Всего таких заявлений насчитывается 109 (34,3 %). Часто в этих письмах верующие жалуются на незаконное и административное закрытие, и естественно, большинство таких писем падает на март-май 1930 года, время развернувшейся борьбы с административным подходом местных властей в связи со статьей Сталина «Головокружение от успехов» и последующим постановлением ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Так, община верующих с. Смолевичи Клинцовского района и округа в своих попытках достучаться до властей и открыть церковь, не встретила понимания даже в прокуратуре: «…на просьбу вернуть нам бумаги с подписями для посылки в облисполком, нас с прокуратуры выгнали, и пом прокурора сказал придите ко мне в дом и я там разберу на печке, а то вы не туда попали. К чему это было сказано незнаем, но все в целом похоже на издевательские выходки над религиозными чувствами о чем своевременно предупреждал тов. Сталин»[622] (27.03.1930). Или, например, из с. Кистра Понуровского района Клинцовского округа сохранилось 5 писем с просьбами открыть издевательски закрытую церковь,

[622] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 866. Л. 203-203 об.

направленные в различные инстанции: в Клинцовский окружной исполком от прихожан храма[623], в Западный областной исполком[624] и 2 письма во ВЦИК от уполномоченной общины Завадской Евдокии Антоновны[625], Прокурору Республики от церковного совета[626]. Из заявлений нам известно, что закрытие храма проходило в обстановке страха, запугивания населения репрессиями, голосования на собраниях проводились формально, без досконального учёта мнения большинства и меньшинства, а при непосредственной ликвидации молитвенного здания всерьез были затронуты религиозные чувства верующих: «…сельские власти, не предъявляя никакого распоряжения высших органов власти, приступили к разгрому церкви: срубили крест на колокольне, пробив и испортив для этого крышу, иконы с иконостаса сбрасывали с такой силой, что они разбивались в щепы, ризы из дорого стоящего материала свалили в кучу, как никуда негодный хлам, служебные книги изорвали, церковная библиотека и архив растасканы…»[627]. Затем, последовал арест председателя церковного совета, что ещё более возмутило верующих. В своих письмах они просят либо им помочь открыть храм, либо «без волынки отказать в нем [в ходатайстве – *Б.В.*], чтобы, таким образом, раз и навсегда избавить нас от безплодной траты времени и средств, собираемых по копейкам»[628].

Верующие граждане с. Понизовье Понизовского района Смоленского округа в заявлении в Московскую прокуратуру от 20 апреля 1930 года жаловались, что сборщики подписей за закрытие храма «заставляли подписываться учеников разных возрастов 8-9-ти летних, которые не имеют на то и права и к тому же некоторые записывались по 5 и более раз. Находясь в каждой деревне так вот подписывались»[629]. Также, церковный совет с. Княжино Починковского района Смоленского округа в заявлении от 29 марта

[623] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 868. Л. 340-340 об.
[624] Там же. Л. 157-158.
[625] Там же. Д. 868. Л. 357; Там же. Д. 296. Л. 158-158 об.
[626] Там же. Д. 868. Л. 141-141 об.
[627] Там же. Л. 141-141 об.
[628] Там же.
[629] Там же. Д. 287. Л. 236-233 об.

1929 года жаловался, что на собрании по поводу закрытия храма голосовали дети, пьяные, неверующие[630]; верующие с. Песчанки Клинцовского округа в своем заявлении Клинцовскому окружному прокурору в 1929 г. писали о закрытии храма без учета голосов общего собрания[631]; председатель общества верующих церкви г. Ивот Дятьковского района Чубукова Анна Николаевна в «обжаловании» Западному облисполкому от 2 ноября 1931 г. писала, что церковь закрыли без собраний, для чего выбрали фиктивный церковный совет[632].

Подобно этому, в заявлении во ВЦИК от 4 апреля 1930 г. верующий из с. Сушаны Чуровичского района жаловался на незаконное закрытие церкви фиктивным большинством голосов, в ходе которого украли часть церковного имущества. Церковь верующим вернули только через полгода, когда, наконец, Чуровичский райисполком подал официальное ходатайство в Заполисполком, на заседании президиума которого (6 октября 1930 г., протокол №68) было решено: «Ходатайство отклонить, предложив Чуровичскому райисполкому церковь в с. Сушаны оставить в пользовании верующих»[633].

Религиозные объединения писали письма и предваряя закрытие храма в надежде спасти его от ликвидации. Община верующих Петропавловского собора г. Бежицы Бежицкого района в заявлениях в Западный облисполком и ВЦИК в начале 1930 г.: «…поднятая в общественных и рабочих кругах г.Бежицы Компания, а также помещаемые статьи и заметки в местных органах печати, как в газетах «Брянский рабочий» и «Красный профинтерн» По закрытию нашей последней (одна закрыта) Петропавловской церкви, вызывает в среде верующих собора и всего верующего населения г.Бежицы существенную тревогу и особенное напряжение»[634]. С такой же просьбой

[630] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 289. Л. 100-100 об.
[631] Там же. Д. 866. Л. 242.
[632] Там же. Д. 1529. Л. 13-15 об.
[633] Там же. Д. 37. Л. 450 об.
[634] Там же. Д. 289. Л. 10 об., 17.

обращался церковный совет с. Щипони Сещинского района Рославльского округа не ранее 2 апреля 1929 г. в, тогда ещё, волостной исполком, и 26 марта1930 г. президиум Запоблисполкома постановил «церковь в с. Щипонь, Рогнединского района [к тому моменту с. Щипони перешло в ведение именно Рогнединского района – *Б.В.*], закрыть, передав здание в распоряжение РИКа, в целях переоборудования под клуб»[635].

Храмы закрывали часто даже без видимых причин, что было самым тяжелым ударом для общин. В своих письмах они указывали на то, что аккуратно соблюдают все договорные обязательства по содержанию церквей, в том числе и непосильные налоги, но всё равно лишаются их. Заявление общины верующих с. Селище Пречистенского района Ярцевского округа в Западный облисполком от 28 мая1930 г.: «Постановление[м] Окружного Исполнит. Комитета от 15 апреля с/г, по ходатайству Пречистенского Рика, без ведома верующих и совершенно неожиданно для них, прикрыт храм в с. Селище, Ярцевского окр. Пречистенского Рика. Число верующих, по придполагаемым неполным спискам (дальние селения за недостатком времени не доставили списков) более 600 человек, своевременная уплата всех платежей, причитающихся с нашей церкви дают нам право пользоваться нам храмом, а потому Просим Смоленский Областной Исполнительный Комитет разрешить нам продолжать службу в храме и произвести разследование – по каким причинам прикрыт наш храм»[636].

Верующие с. Чаусы Погарского района Клинцовского округа в заявлении в окружной исполком от 2 апреля 1930 г. жаловались, что церковь их закрыта без согласия верующих и без проведения собраний населения[637]. Окрисполком в ответ на своё ходатайство о закрытии перед

[635] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 37. Л. 228 об.
[636] Там же. Д. 865. Л. 179.
[637] Там же. Д. 866. Л. 165-165 об.

Запоблисполкомом получил отказ с решением оставить церковь верующим (протокол №68 от 6 октября1930 г.)[638].

Община верующих Вознесенско-Кладбищенской церкви г. Рославля Рославльского района в своем заявлении в Западный облисполком от 3 апреля 1930 г. просит открыть им неправильно закрытую церковь и жалуется на начальника районного административного отдела т. Ерохина, который со словами: «Церковь не отдадим никому, она нам самим нужна», – игнорирует все попытки верующих вернуть храм[639]. Или, храм в с. Герчики Гриневского района Смоленского округа, – общине верующих также было неизвестно, за что его закрыли. В заявлении в Смоленский окружной исполком от уполномоченного общины верующих Никифора Федоровича Метелицы: «Храм наш никогда ни в каких политических делах никогда не участвовал, исключительно удовлетворял культовые нужды верующих посещающих храм только по доброй воле»[640] (2 апреля1930 г.). Община и верующее население были уверены, что это ошибка местных властей и уповали на областное руководство.

Писем об отказах в регистрации общества верующих или регистрации священнослужителей при общине насчитывается 26 из 318 (8,2 %). В эту группу включены и смежные с регистрацией проблемы со служителями культа. Например, церковный совет с. Жабово Дубровского района в своем заявлении в Западный облисполком от 14 августа 1932 г. писал: «В Феврале м-це настоящаго года от нас выбыл священник. В Марте м-це прибыл новый, зарегистрировался в РИКе и приступил к служению. Сельский председатель явился в церковь, запретил служение и приказал священнику немедленно убираться из прихода. Священник уехал и с тех пор в нашей церкви служения нет. Сельский совет препятствует всеми силами службе и старается закрыть храм вопреки желанию верующих»[641]. С аналогичной проблемой

[638] Там же. Д. 37. Л. 450 об.
[639] Там же. Д. 863. Л. 97-97 об.
[640] Там же. Д. 285. Л. 115.
[641] Там же. Д. 2221. Л. 32-32 об.

столкнулись и верующие с. Покрово Вяземского района, которые в своем заявлении от 8.05.1933 г. жаловались на сельсовет, который гонит всех служителей культа, нанимаемых религиозной общиной; просят оставить их, наконец, в покое[642]. Такая же беда постигла религиозную общину с. Ильинское Хотынецкого района, которая в заявлении от 21.09.1931 г. жаловалась областному руководству, что сельсовет отводит вот уже третьего священника, из-за чего невозможно совершать службы[643].

Встречались случаи навязывания священников общинам. Так, в 1932 году уполномоченный от общины Введенской церкви с. Горки Великолукского района Пётр Карзиков в своем заявлении изложил следующую проблему: «Недавно мы, с благословения нашего Епархиального Архиепископа Серафима, наняли священника о. Феодора Гоголевского, а заведующая Великолукским Административным Отделом не зарегистрировала нам его. Заведующая Административным Отделом и отделом ЗАКСа навязывает нам священника другой ориентации верующих и заявила, что она может зарегистрировать к нам на служение только священника обновленца, что для нас является неприемлемым и насилием над нашей религиозной совестью»[644].

Прикольская община верующих Руднянского района в январе 1932 года жаловалась в Западный облисполком на то, что никак не может зарегистрировать священника при общине, хотя община аккуратно соблюдает все договорные обязательства[645]. Или, другой пример: тихоновская община верующих Варваринской церкви г. Севска Севского района в нескольких своих заявлениях жалуется на то, что их религиозное объединение и священника отказываются регистрировать, из-за чего у них отняли храм и отдали его обновленческой общине[646]. Община верующих с.

[642] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2249. Л. 89-89 об.
[643] Там же. Д. 2240. Л. 102.
[644] Там же. Л. 118-118 об.
[645] Там же. Л. 5-5 об.
[646] Там же. Л. 20-20 об., 29-29 об.

Курганье Людиновского района в своем заявлении в Запоблисполком от 27 февраля 1932 г. жаловалась на то, что священника арестовали, и теперь нет возможности производить богослужения[647].

Отказ в регистрации по постановлению «О религиозных объединениях» лишал общины верующих их статуса (п.4)[648], они не могли пользоваться молитвенным зданием, совершать сделки, – объединения просто не существовало. Отказ в регистрации священника лишал общину верующих возможности проводить богослужения, а в случае долгого отсутствия богослужений церковь могла быть признана бесхозной и малопосещаемой, что влекло за собой её закрытие.

В 65 (20,4 %) случаях из 318 верующие писали о своих финансовых затруднениях в содержании храма. В первую очередь, это непосильные налоги, достигшие своего апогея летом 1930 года. Резкий рост связан с принятыми ещё 19 августа 1929 г. ВЦИК поправками в «Положение о местных финансах РСФСР»[649], направленными на относительную самостоятельность местных советов в формировании собственных бюджетов. Ориентируясь на это положение, 2 января 1930 г. президиум Запоблисполкома постановил: «…установить на 1929/30 год на территории Западной области взимание нижеследующих местных налогов и сборов, и надбавок к государственным налогам, пошлинам и сборам», которые для религиозных обществ обернулись повышением налога со строений, «предназначенных для целей религиозного культа (молитв. зданий), с обслуживающими их постройками», в размере ½ % материальной стоимости строения[650]. На деле, ставки налога со строений для молитвенных зданий подскочили в разы. В письмах многие общины жалуются на произвол

[647] Там же. Д. 2225. Л. 11-11 об.
[648] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1949. С. 235.
[649] СУ РСФСР. 1926. № 92. ст. 668.
[650] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 37. Л. 118 об.-119.

местных властей, хотя такое повышение ставок шло из центра и распространялось повсеместно.

Например, община с. Бобровки Оленинского района в своем заявлении во ВЦИК от 22 ноября 1930 г. писала: «Церковное здание, которым пользуется религиозное объединение по договору Рабоче-Крест. Советской власти было оценено Госстрахом в 18,000 руб. до 1930 года. В этом году наше здание каменной церкви было кем-то переоценено без представителя от группы верующих и без властей от Оленинского Рика в 171,550 руб. Бобровское религиозное объединение очень удивлены такой безумной переоценкой нашего храма. Ввиду всего вышеизложенного, Просим Комиссию по делам культов раз.яснить нам по этому делу и указать нам сколько именно должны платить за принадлежащие нам здания в текущем году»[651], – страховая оценка данной церкви в момент возросла почти в 10 раз. С подобной проблемой столкнулась община Преображенской церкви с. Бутри Навлинского района, с просьбой в письме ВЦИКу от 26 августа 1930 г. вернуть старые расценки[652]; Воскресенская община г. Белого Бельского района, которой также в конце 1930 г. в разы повысили страховую оценку: «…страховая премия (т.е. взноская налоговая плата) почему-то прогрессирует. В прошлом году было 353р. 17к. (исправлено самим агентством Бельского Госстраха вместо первоначальных 536р. 58к.); нынче предъявляется ко взносу уже 1550р. 46 к. (опять-таки по исправленному подсчету вместо первоначальной суммы 1782р. 87к.). Увеличена, значит, страховая премия в три (3) раза»[653].

Церковный совет Вознесенско-Кладбищенской церкви г. Гжатска Вяземского района и округа в заявлении во ВЦИК также жалуется на резкое увеличение страховой оценки и нереальную срочность выплат: «В текущем году группе верующих было предложено внести в трехдневный срок

[651] Там же. Д. 286. Л. 169-169 об.
[652] Там же. Л. 83-83 об.
[653] Там же. Д. 872. Л. 162-163 об.

страховку в сумме 1663 рубля. Такой суммы в столь короткий срок группа верующих, естественно, внести не могла, а вместе с тем, было внесено, в отсутствие этой группы постановление о закрытии названной церкви. Данное постановление ныне приводится в жизнь и в ближайшие дни будут сняты колокола»[654].

Непосильные налоги – одна из основных проблем религиозных общин, судя по многочисленным жалобам. Неокладное страхование храмов от огня на деле не давало общине абсолютно никаких гарантий, что в случае пожара, она сможет получить страховую сумму для постройки нового или восстановления сгоревшего здания. Из протоколов заседаний Президиума Западного облисполкома очевидно, что суммы чаще уходили на культурно-общественные нужды – постройку клубов, школ, больниц и т.д. (премия за сгоревшую церковь в с. Ольша Катынского района 12935 руб. – на школьное строительство в районе[655]; 28000 руб. за сгоревшую церковь в с. Спас-Переборье Молодотудского района передать РИКу на строительство школы в этом же селе[656]; 6154 руб. премии за сгоревшую Михайловскую кладбищенскую церковь в г. Велиже решено было «обратить на культурные нужды города Велижа, выдав 3000 руб. Детдому, 1500 руб. Педтехникуму, 1654 руб. – 5ой школе 1ой ступени»[657].

Верующие также жаловались, что с сельских церквей взыскивают земельную ренту, как с городских[658]; что платы с них взимают, как с торговых обществ, хотя они не являются юридическими лицами (например, обязательство РИКом общине верующих с. Невдольское Суземского района платить зарплату сторожу не 20 руб. в месяц, а 60 руб.)[659]; постоянное требование дополнительных платежей (облигации, жилстроительство, авторский гонорар, личная ответственность членов общины за долги по

[654] Там же. Д. 296. Л. 80-80 об.
[655] Там же. Д. 37. Л. 383 об.
[656] Там же. Л. 450.
[657] Там же. Л. 24 об.
[658] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2244. Л. 171-171а об.
[659] Там же. Л. 4-5 об.

церкви), которые общинам приходилось выплачивать, чтобы обрести кажущиеся гарантии неприкосновенности[660]; что невозможно добиться ни в каких инстанциях ответа, за какую именно неуплату закрывают храм[661]; что храмы и сторожки изымают, а платежки на них всё равно приходят[662].

Жалоб на тему изъятия сторожек и требования их возврата из 318 насчитывается 18 (5,7 %), и писали в них о незаконном заселении сторожек, оставшихся на территориях храмов, и тем самым, прямой угрозе церковному имуществу. Подобные заявления поступали от Тихвинской общины г. Брянска в Западный облисполком 6 октября 1932 г.[663], «просьба» церковного совета с. Недоходово Юхновского района 27 апреля 1932 г.[664], «рапорт» церковного совета и причта с. Новый Городок Издёшковского района уполномоченному района от 22 сентября 1932 г.[665]Верующие с. Лутта Клетнянского района в жалобе в Запоблисполком от 15 июля1932 г. писали, что сельский совет отобрал у них сторожку, которую они совсем недавно заново выстроили для священника[666]. Подобно этому, выделяется также 5 жалоб на незаконное занятие помещений храмов под складские нужды: засыпка картофелем, зерном[667]. Так, например, община верующих с. Усмынь Усмынского района Великолукского округа в заявлении в Запоблисполком от 15 августа 1930 г. жаловалась, что местное потребительское общество незаконно заняло первый этаж церкви под склад, и просили освободить помещение[668]. Но, судя по протоколам заседаний президиума Запоблисполкома, ходатайство с просьбой райисполкома разрешить занять «часть Усмынской церкви под хлебозаготовительную кампанию 1930/31 г. под склад» поступило в область и рассматривалось только в конце 1930 г.

[660] Напр.: ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2244. Л. 7, 15-15 об., 62-62 об.; Там же. Д. 291. Л. 119, 113 об., 120.
[661] Напр.: ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2244. Л.13-13 об.; Там же. Д. 2239. Л. 87-87 об.
[662] Напр.: ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1570. Л. 51-52 об.; Там же. Д. 2243. Л. 19-20, 109-110 об.; Там же. Д. 1537. Л. 45 (с об.), 49; Там же. Д. 2244. Л. 42-42 об.
[663] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2243. Л. 213-213 об.
[664] Там же. Л. 73-73 об.
[665] Там же. Л. 127-128.
[666] Там же. Л. 120-121 об.
[667] Напр.: ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 285. Л. 89-89 об., 91-93; Там же. Д. 2249. Л. 32-33 об.
[668] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 868. Л. 176-177 об.

(протокол №76 от 5 декабря 1930 г.), и было отклонено[669]. Нижний этаж церкви постановили вернуть верующим.

Возвращаясь к финансовым проблемам религиозных общин, отметим, что деньги у них отбирали и просто так, например, в момент закрытия: Покровская община г. Ивот Дятьковского района жаловалась областному руководству «27го Октября сего 1931 года явился Председатель ГорСовета города Ивота в сопровождении милиционера, и проверив церковное имущество закрыл церковь на замок опечатав вход в нея. Деньги принадлежащие общине верующих в сумме четыре тысячи двести рублей взяты в 10 часов вечера у председателя Церковной общины председателем Гор. Совета в присутств. милиционера»[670].

Либо, применялись более «тонкие» меры изъятия денежных средств общин. Церковный совет при храме в с. Холм Холм-Жирковского района жаловался на то, что под напором уполномоченного ОГПУ арестованный член приходского совета Гаврилов Федор взял все храмовые деньги из кассы в сумме 5409 руб., «и деньги были положены в Холмовское отделение Госбанка на имя церковного совета Гаврилова Федора… В тот же день был освобожден из-под ареста Гаврилов Ф.…Прошло семь или восемь дней, часть денег потребовалось церковному совету на покупку свечей и отделение Холмовского банка отказало в выдаче таковых, ссылаясь на то, что денег нет и такие отказы повторялись несколько раз»[671]. Ситуация прояснилась спустя пару недель, когда «Холм-Жирковский финотдел прислал на имя Гаврилова Федора извещение об уплате за торговлю прежних лет налогу подоходного и промыслового на сумму 5409 руб., а так как своих денег у Гаврилова Федора не было, то деньги 5409 руб., принадлежащие церкви были переведены из банка на счет Холм-Жирковского райфо»[672]. Конечно же, не случайно

[669] Там же. Д. 37. Л. 502.
[670] Там же. Д. 1529. Л. 21-21 об.
[671] Там же. Д. 2249. Л. 58.
[672] Там же.

изъятая таким хитрым образом касса религиозной общины вся до копейки обратилась в личные долги одного из членов приходского совета.

В некоторых письмах верующие просят разрешения делать добровольные сборы вне храма, чтобы осилить таким образом очередные выплаты. Например, председатель церковного совета храма в с. Большие Зарубинки Касплянского района Дарья Михайловна Симоненкова в заявлении начальнику административной части Западного областного исполнительного комитета писала: «Несмотря на то, что церков существует на добровольное пожертвование верующих, Зарубинским с/с воспрещено собирать добровольные пожертвования вне храма, т.есть по домам своих верующих. Между тем как граждане проживают от храма на растоянии восьми, десяти и более верст многие колхозники и не могут каждое воскресенье регулярно все как один быть в храме, вследствии чего верующие наши и просили делать сбор по их домам, но со стороны Р.И.К.а и с/совета мы встретили препятствие с предупреждением, что если будем собирать, то нас арестуют. Если бы граждане как это в городе жили бы не далеко от храма, то конечно, нам непришлось делать сбор по их домам. На основании вышеизложенного убедительно прошу вышеозначенную адмчасть разрешить нам производить сборы среди верующих вне храма, по их домам, на нужды храма и о разрешении оповестить Р.И.К. и с/совет, что бы он нечинил препятствий»[673].

Обратимся снова к главному религиозному закону с 1929 по 1990 гг. – постановлению «О религиозных объединениях»: ст.54 – «Члены групп верующих и религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования как в самом молитвенном здании, так и вне его, но лишь среди членов данного религиозного объединения и только на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных

[673] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 865. Л. 475-476.

органов. Всякого рода принудительное взимание сборов в пользу религиозных объединений влечет ответственность по Уголовному кодексу РСФСР»[674]. Выходит, община под страхом ареста просила разрешения на то, на что имела законное право.

Из писем известно, что добровольные сборы среди верующих запрещали также Троицкой общине с. Волосово-Звегино Козельского района (заявление в Западный облисполком от 28 марта 1932 г.)[675], общине с. Вержино Сафоновского района (заявление председателя церковного совета Гавриченкова Михаила в Запоблисполком от 10 марта 1933 г.)[676] и верующим с. Уручи Сухиничского района (заявление от общины верующих во ВЦИК в 1931 г.)[677].

В 17 случаях из 318 (5,3 %) общины жаловались на волокиту в решении их вопросов по инстанциям и просили ускорить рассмотрение своих заявлений. По этим письмам видно, что в волоките обвиняли местные власти, жаловались на них областному и центральному руководству. Так, в заявлении от 2 апреля 1930 г. в Вяземский окружной исполнительный комитет уполномоченный от общины верующих с. Зилово Воскресенского района Андрей Гаврилов писал: «Настоящим ходатайствую от имени всех верующих прихожан об открытии Храма в с. Зилове закрытаго административным порядком, т.к. к тому явилась настоятельная потребность по открытию религиозных треб, на что уже сделано распоряжение Центра»[678]. Подобно тому, община с. Волочек Дорогобужского района Смоленского округа в своем заявлении РИКу от 25 мая 1930 г. пыталась добиться ответа, получены ли РИКом документы от ВЦИКа с решением об оставлении храма верующим. В углу заявления красными чернилами читаем резолюцию секретаря районного исполкома: «Материал в РИКе имеется и

[674] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1949. С. 244-245.
[675] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2244. Л. 156-156 об.
[676] Там же. Д. 2919. Л. 24-24 об.
[677] Там же. Д. 292. Л. 133-133 об.
[678] Там же. Д. 308. Л. 53-54.

находится в стадии проверки, после чего будет направлен в ОкрИК»[679]. Видимо, районный и окружной исполнительные комитеты не очень доверяли ВЦИКу, раз приходилось дополнительно проверять материалы дела. Хотя, естественно, в общей антирелигиозной обстановке главным было найти пусть малейший, но предлог к закрытию. Жалоб от религиозного объединения с. Волочек по этой тематике в деле две[680].

Всего 3 письма (0,9 %) верующих зафиксировано с просьбами закрыть приходской храм. В одном заявлении верующие с. Троицкое хутор Октябрьского района у административного отдела просят разрешения на собрание верующих для отказа от церкви[681], в другом – временный заместитель председателя церковного совета при церкви с. Зайцево Ржевского района Зверева Наталья просит у районной милиции принять церковь из-за больших налогов и малой активности верующих в их оплате[682], а в третьем, община верующих с. Верховья Бельского района обращается с просьбой передать церковь Верховской школе, «т.к. последняя в здании крайне нуждается. Церковь же не нужна, а оставить ее дальше в таком состоянии нельзя, так как наблюдается хищение оконных стекол, церковного имущества и поломка рам. Приспособить ее для школы вполне возможно и школьное помещение будет очень удобное»[683]. В данной ситуации, мы брали для анализа только самостоятельные письма, сохранившиеся в фонде Западного облисполкома, не принимая во внимание многочисленные протоколы и записки от отдельных граждан с просьбами закрытия храмов, подлинность которых ещё нужно устанавливать, т.к. в большинстве своём они написаны одним почерком, но под разными фамилиями со ссылкой на неграмотность просителей.

[679] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 882. Л. 68.
[680] Там же. Л. 12.
[681] Там же. Д. 2231. Л. 121.
[682] Там же. Д. 905. Л. 16.
[683] Там же. Д. 872. Л. 89-89 об.

В 13 случаях (4 %) заявители писали о проблемах, связанных с ремонтом храмов. Ст.46 постановления «О религиозных объединениях» гласит о ремонте церквей следующее: «Если молитвенное здание в силу своей ветхости угрожает полностью или частично обвалом, то комиссиям по рассмотрению религиозных вопросов, районному исполнительному комитету или сельскому Совету предоставляется право предложить исполнительному органу религиозного объединения или представителю группы верующих временно, впредь до осмотра здания специальной технической комиссией, прекратить в нем устройство богослужений и собраний верующих»[684]. Так, под предлогом произведения осмотра здания специальной технической комиссией можно было на законных основаниях приостановить богослужения в подавляющем большинстве храмов, учитывая, что самые новые храмы датировались постройкой, максимум, начала XX века. Техническая комиссия, в которую входили техник или инженер, назначаемые управлением соответствующего строительного контроля, представитель городской или районной культовой комиссии и представитель религиозного объединения храма, заключала акт об осмотре здания и выносила вердикт – подлежит сносу или ремонту. В случае, если выносилось решение о ремонте, в акте устанавливался«необходимый ремонт молитвенного здания, и срок, достаточный для ремонта»[685]. И тут, как сказано у законодателя: «В случае отказа верующих от производства указанного в акте обследования ремонта, заключенный с ними договор на пользование зданием и имуществом культа подлежит расторжению постановлением Центрального Исполнительного Комитета Автономной республики, краевого, областного исполнительного комитета» (ст.51)[686].

В заявлении М.И. Калинину община верующих с. Самуйлово Кармановского района Ржевского округа не ранее 28 марта 1930 г. пишет,

[684] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1949. С. 243.
[685] Там же. С. 244.
[686] Там же.

что их храм был закрыт специальной комиссией на ремонт, оцененный в 18000 руб.[687] Община, в свою очередь, ссылаясь на систематический ремонт здания, не согласилась с требованиями, в следствии чего церковь у них была изъята. Подобно этому, в с. Старые Сокольники Новосокольницкого района в феврале 1932 г. была закрыта церковь «за неисполнение ремонта», хотя ремонт, «согласно Акта Технической Комиссии, чисто наружный, и состояние храма не предоставляет никакой опасности»[688]. Наружный ремонт в срок, в феврале. Из второй жалобы этого религиозного объединения нам известно, что общине не открыли храм, даже когда она сделала весь ремонт[689]. Или другая ситуация: храм Казанской общины г. Жиздра Жиздринского района закрыли, а взамен дали другое помещение, требующее ремонта, в котором до момента его завершения запретили проводить богослужения[690]. Общине с. Васильево Дорогобужского района, как сказано в заявлении уполномоченного от верующих от 18 июля 1931 г. в областной суд, запрещают службы в храме до полного окончания ремонта, хотя, весь основной ремонт давно завершен[691], и судя по вынесенному ещё 16 августа 1930 г. постановлению президиума Запоблисполкома о назначении заинтересованной группе верующих достаточного срока для производства ремонта в церкви[692], – история этого ремонта была довольно продолжительной.

В 22 письмах (7 %) верующие спрашивают разрешения провести крестные ходы на великие религиозные праздники, а также возможности проведения молебнов по домам верующих. Всё тот же закон о религии от 8 апреля 1929 г. о шествиях религиозных объединений гласит, что в ситуации, когда они происходят внутри церковной ограды и не мешают уличному движению, особых разрешений на них не требуется, – в остальных случаях

[687] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 285. Л. 201-201 об.
[688] Там же. Д. 2228. Л. 9.
[689] Там же. Л. 7.
[690] Там же. Д. 2213. Л. 3-4.
[691] Там же. Д. 300. Л. 29-32 об., 28-28 об.
[692] Там же. Д. 37. Л. 385.

необходимы разрешения органов надзора за деятельностью общин верующих (ст.59-61)[693]. Крестные ходы, как незаменимую часть службы на великие праздники, просила совершить Троицкая община Екимовичского района на праздник Святой Троицы 20 июня 1932 года[694], община с. Новосокольники Новосокольницкого района на Пасху к 1 мая 1932 г.[695](Пасха в 1932 году из-за совпадения с празднованием главного социалистического праздника оказалась под угрозой срыва – верующим запрещали крестные ходы, молебны по домам, сами богослужения попали под угрозу срыва).

В законе от 8 августа 1929 г. о молебнах на дому сказано: «В помещениях, специально не приспособленных, молитвенные собрания верующих происходят с уведомления в сельских поселениях – сельского совета и в городских поселениях – комиссии по рассмотрению религиозных вопросов при горсовете»[696]. Судя по тому, что в числе исследуемых жалоб имеются письма в Западный облисполком, – на местах такие разрешения общины получали не всегда, поэтому им приходилось и такого рода вопросы решать на областном уровне. Большая часть таких писем приходится на 1933 год и скомплектована в одном архивном деле: церковный совет с. Терешок Стодолищенского района в заявлении от 9 января 1933 г. «ввиду отказа … РИКа без указания каких либо уважительных причин», просит разрешить «служение пасхальных молебнов по домам верующих по их желанию и приглашению»[697] (судя по дате заявления в райисполком – 5 апреля 1933 – отказ не заставил себя долго ждать[698]); Покровская община г. Ивот Дятьковского района в двух своих письменных «просьбах», уповая на то, что исправно платили все государственные займы помимо прямых церковных налогов, также спрашивают разрешения на пасхальные молебны[699];

---

[693] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1949. С. 246.
[694] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2243. Л. 225-225 об.
[695] Там же. Д. 2240. Л. 38-39.
[696] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1949. С. 245.
[697] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2919. Л. 137.
[698] Там же. Л. 138.
[699] Там же. Л. 139-140.

церковный совет с. Никифоровское Погорельского района в заявлении от 31 марта 933 г. дополнительно предоставили список всех селений, в которых планируется служение по домам верующих[700],равно как и общины с. Надва Руднянского района[701], с. Кузьминки Медынского района[702] и др.

В 11 случаях (3,5 %) верующие жаловались, что церкви закрывали или приостанавливали службы из-за разного рода эпидемий, и, в данной ситуации, большинство писем также приходится на 1933 год. Вероятно, сыграла роль общая паника в связи с голодом 1932-1933 гг., прогрессирование инфекционных заболеваний, отдельные случаи заболевания животных чумой в 1929-1930 гг.[703], и как следствие, дополнительный повод ограничения активности верующих. При этом часто в письмах звучит, что остальные общественные учреждения продолжают свою работу вплоть до школ и детских садов, а угрозу почему-то представляют исключительно храмы. Так, община верующих с. Фошни Жуковского района в заявлении во ВЦИК от 10 июня 1932 г. излагала суть своей проблемы: «Приход села Фошни охватывает несколько деревень, люди приезжают крестить и исполнять другия требы за несколько верст, и очень не довольны на Церковный Совет что закрыт Храм и требы неисполняются. Они вынуждены ехать в соседние приходы за 26 верст и на эти поездки убивают еще больше времени. А возможность занесения заразы увеличивается на пл. большую в два три раза.

Обществу верующих не понятно и странно почему только Храм является местом заразы, а например: кино-театр, школы и общественные столовые по прежнему работают и посещаются всеми гражданами, в больнице также общая прихожая и даже общие кружки для питья воды. В Храме – они на оборот приходят только здоровые обыкновенно после бани и

[700] Там же. Л. 142-142 об.
[701] Там же. Л. 143-144, 146-146 об.
[702] Там же. Л. 145-145 об.
[703] Там же. Д. 37. Л. 474.

в чистом белье и каждый с собственной бутылкой в кармане воды или молока»[704].

Через год (23 мая 1933 г.) из того же района во ВЦИК поступила аналогичная жалоба от церковного совета с. Высоцкое: «21 февраля с/г нами получено от Высоцкого с/с распоряжение о закрытии нашей церкви, по предписанию эпидимического врача. Через неделю по прошествии закрытия церкви, 28 февраля школа, молочно – сливочные пункты, собрания и друг. общественные места открыты, обратились и мы в сельсовет открыть церковь, но нас отправили в Рик к врачу. 10 марта обратились мы к врачу, тот в открытии церкви отказал, ссылаясь на эпидимические заболевания, побыли мы в местной больнице, справились о количестве больных, там ответили, что больных в больнице почти нет никого, каждый день мы ожидали распоряжения об открытии церкви, но ожидания наши остались напрасны»[705]. Из с. Князичи того же Жуковского района примерно в то же время (27 мая 1933 г.) в заявлении в Западный облисполком церковный совет писал: «19 го февраля с.г. по случаю тифа закрыта церковь в нашем селе. За весь этот период тифозных больных было только 8 человек. В виду того, что массовой эпидемии не было, поэтому школы и спектакли своей деятельности не прекращали. На нашу просьбу открыть церковь Рик отказал»[706]. Таких писем из Жуковского района за весну 1933 г. насчитывается 6, и в каждом верующие сообщают, что запрет распространяется только на церкви, минуя остальные общественные учреждения. По всей видимости, из-за наличия около десятка больных сыпным тифом, Жуковский райисполком перестраховался, но в короткий срок стало ясно, что угрозы эпидемии нет, а предлог к прекращению работы храмов оставался удобным.

В последнюю группу писем по предмету жалоб включены заявления с различными просьбами, не отличающиеся частотой повторения, – всего

[704] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1526. Л. 30-30 об.
[705] Там же. Д. 884. Л. 28-29 об.
[706] Там же. Д. 2919. Л. 209.

таких писем 29 (9,1 %). Это жалобы на запрет колокольного звона (с. Надва Руднянского района, заявление не ранее 8 января 1932 г.[707]; заявление в Запоблисполком от 11 января1933 г. общины с. Кузьминичи Екимовичского района[708]; заявление от председателя церковного совета с. Зарубинки Руднянского района от 15.01.1933 г. Дарьи Милай[709]; заявление от общины с. Елисеевка Руднянского района от 5 мая 1933 г. в Запоблисполком[710]); вопросы правового характера: кто может быть членом двадцатки, как поступают с изъятым церковным имуществом (заявление во ВЦИК председателя церковного совета с. Старые Сокольники Новосокольницкого района от 18 октября 1933 г.[711]; заявление Владимирской общины Людинок Клетнянского района в августе 1932 г.[712]; заявление председателя церковного совета с. Игнатовское Людиновского района в январе 1933 г. с вопросом – могут ли колхозники одновременно быть членами церковных советов по закону, – т.к. ему в колхозе угрожали исключением за такое совмещение[713]); жалобы на общую обстановку притеснения верующих и поиск правды (в октябре 1931 г. в Запоблисполком от уполномоченного общины с. Григорьевское Воскресенского района на то, что различными финансовыми и административными мерами изживают церковный совет[714]; заявление церковного совета с. Быгородка Ярцевского района от 28 ноября 1931 г. в Западный облисполком на то, что отнимают сторожку за неимением помещений, когда помещений достаточно[715]; заявление общины верующих с. Побухово Новодугинского района во ВЦИК от 2 апреля 1933 г. на то, что совхоз ломает церковную железную ограду[716]); одно с просьбой разрешить достроить сгоревший храм (с. Красное Хвастовичского района – жалоба в

[707] Там же. Д. 2240. Л. 15-16.
[708] Там же. Д. 2919. Л. 90-90 об.
[709] Там же. Л. 174.
[710] Там же. Л. 189-189 об.
[711] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2228. Л. 3-4 об.
[712] Там же. Д. 2243. Л. 149.
[713] Там же. Д. 2919. Л. 94.
[714] Там же. Д. 2247. Л. 29-29 об.
[715] Там же. Д. 2243. Л. 4-5 об., 7-7 об.
[716] Там же. Д. 2249. Л. 55-55 об.

Запоблисполком от 26 ноября 1932 г.[717]); два письма с отказами от своих жалоб и др.

Так выглядит пассивный протест верующих Западной области сквозь призму письменных заявлений во власть. Естественно, это небольшая часть всей истории попыток общин отстоять приходские храмы, – большой объем переписки, сопровождающей документации, сохранившейся в делах с этими письмами, свидетельствует о том, что законное право обжалования общинами верующих тех или иных вопросов скорее «загоняло» их в новые конфликты, растраты и волокиту, нежели давало гарантии спокойствия и неприкосновенности религиозных свобод. Но в то же время, как пишет Роберта Маннинг, «письма-жалобы имели очень важное политическое значение, обращая внимание сосредоточенного в городах политического истеблишмента страны, как центрального, так и местного, на злоупотребления, явную некомпетентность и чрезмерные преступления, совершаемые местными руководителями на глазах у населения, которые иначе могли бы остаться незамеченными»[718].

Проанализированный массив жалоб крестьян, позволяет усомниться в правомерности тезиса о “«тихой войне» против Советской власти”[719]: ни в одной из жалоб нет и тени недовольства государством и его политикой, верующие сетуют на местную власть, якобы переступающую все грани закона, но заявляют о полной лояльности к самой советской власти и собственной принадлежности к партийной системе.

[717] Там же. Д. 2248. Л. 24-25 об.
[718] Маннинг Т. Роберта. Указ. соч. С. 41.
[719] Грациози А. Указ. соч. С. 56-57.

***

Отсутствие специальных исследований по теме крестьянского сопротивления антирелигиозной политике в конце 1920-х – начале 1930-х годов не способствовало выработке единого подхода в научном сообществе к вопросу о формах сопротивления верующих. Традиционно о протесте верующих говорилось в связи с крестьянским противоборством коллективизации и раскулачиванию, поскольку деревня одновременно испытала преобразования, связанные с политикой коллективизации и раскулачивания и антирелигиозной политикой.

Между тем, эти сложные процессы протекали то совершенно самостоятельно, как в 1929 году, то в тесном пересечении, как в начале 1930 года. Но, даже при их слиянии, выделялась линия протеста коллективизации и раскулачиванию, линия протеста антирелигиозной кампании (в начале 1930 года этот протест связан исключительно с закрытием храмов) и смешанная линия протеста, в которой уже трудно установить истинные мотивы из-за отсутствия достоверной информации.

Сохранились сводки спецорганов с донесениями о различных формах и видах сопротивления верующих или с участием верующих, но среди них важно различать, где верующие и клир в числе прочих выступали против мероприятий коллективизации и раскулачивания, а где они были во главе протеста антирелигиозной кампании. Этот подход значительно затрудняет поиск и сужает круг источников.

Основной вывод по результатам исследования – крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике на рубеже 1920-1930-х годов, также как и сопротивление коллективизации и раскулачиванию, выделяется в самостоятельную форму противоборства, проявлявшегося как в активных, так и в пассивных формах. При этом полностью отделить и разграничить имевшее место крестьянское сопротивление всей государственной политике в деревне на рубеже

десятилетий не представляется возможным по причине их тесного переплетения.

В Западной области, как и во всей стране, активное сопротивление верующих на рубеже 1920-1930-х годов нашло свое отражение в деятельности «контрреволюционных», как их квалифицировали спецорганы, организаций и группировок, террористических актах (побои, ранения, поджоги, нападения на представителей власти и др.), массовых крестьянских выступлениях («бабьи бунты», массовые волнения с вилами и кольями), мелких беспорядках (хулиганство, срыв собраний, публичные оскорбления и т.д.).

Самих проявлений активного сопротивлении верующих было мало, но тем не менее Западная область из-за близости к западным границам признавалась одной из наиболее пораженных контрреволюцией областей. Особенному контролю подвергались религиозно настроенные национальные меньшинства, тайно сохранившие религиозное образование, получавшие материальную поддержку из-за границы и осуществлявшие эмиграцию членов своих общин на родину.

По специфике контрреволюционных организаций и групп в Западной области выделялись западнические, церковные и монархические, каждым из которых приписывались, в том числе, религиозные мотивы деятельности. Контрреволюционные образования могли участвовать в активном и пассивном сопротивлении, – во втором случае им часто приписывалась религиозная и антисоветская агитация. В обвинительных заключениях присутствует некая доля шаблонности описания подобных организаций, что свидетельствует о частичном или полном их оформлении лишь на бумаге по факту ареста.

Далеко не по всем видам сопротивления можно вывести достаточную для полновесных выводов статистику. В значительной степени это удалось сделать по массовым выступлениям и терактам в Западной области за

первую половину 1930 года. Данные были собраны из докладных записок уполномоченных областным комитетом ВКП(б) и информационных бюллетеней прокуратуры Западной области. Анализ полученных данных показал, что на январь-апрель 1930 года в Западной области имели место, как минимум, 33 выступления на почве закрытия храмов и снятия колоколов, тогда как за весь 1929 год таких выступлений зафиксировано всего 9. Наиболее пораженными активным протестом округами стали Брянский и Клинцовский, что подтверждают оперативные сводки ОГПУ.

Лаконичность сведений о выступлениях отразилась на заполнении полей в электронной базе данных – не всегда было указано приблизительное количество выступавших (чаще обходились обозначением «толпа»), социальный состав и т.п. Практически половина (42,9%) выступлений по составу были женскими, что дает право говорить о распространении в Западной области «бабьих бунтов».

Как оказалось, количество участников не играло решающей роли в достижении конечной цели волнений – оставление храма или колоколов. Несмотря на то, что в Западной области отмечены выступления верующих с числом участников в 1-3 тысячи человек, широкий резонанс вызвало массовое волнение 300-400 человек в январе 1930 года в с. Белоглавом Жуковского района, получившее наименование «Жуковского дела» и вызвавшее волну недовольств в соседних селах и районах. События в Белоглавом на местном уровне показали силу сопротивления верующих антирелигиозной политике и долго держали в напряжении областное руководство.

Всего в электронной базе данных по массовым выступлениям зафиксировано: волнений – 62,9%, терактов – 22,8%, случаев мелкого хулиганства верующих – 14,3%.

В формах пассивного сопротивления выделялись распространение слухов, листовок, религиозная агитация и жалобы или так называемые «письма во власть».

Запрет на религиозную агитацию был закреплен в мае 1929 года заменой соответствующей статьи Конституции РСФСР, и с тех пор агитацией считалось любое мнение об антирелигиозной политике и существовании религии, шедшее в разрез с официальным. Наиболее уязвимыми оказались священнослужители, судьба которых зависела от добропорядочности их паствы: неосторожная фраза в проповеди или в беседе с прихожанином могла стоить священнику свободы, или даже жизни.

Отчеты о политических настроениях населения строились на подслушанных разговорах и слухах с указанием фамилий участников разговоров и постановкой их на особый контроль. Когда ситуации повторялись, и фамилии в них дублировались, агенты ОГПУ фиксировали их как контрреволюционное образование. Так, эмоции недовольных обывателей могли обернуться спланированной агитацией. Конечно, не исключено наличие настоящих контрреволюционных организаций, но в обстановке шпиономании велика фальсификация доносов.

Самую массовую группу источников пассивного сопротивления верующих представляют письма во власть, или как их принято называть – жалобы. Для обработки были взяты 318 жалоб религиозных общин Западной области, сохранившихся в архивных делах комиссии по вопросам культов при президиуме Запоблисполкома (ГАСО, г. Смоленск).

После занесения и обработки в отдельной таблице созданной ранее базы данных, выявлено, что письма во власть имели различные наименования, преимущественно это были «заявления» и отличались они коллективным характером и большим количеством приложенных подписей (которые представляют собой отдельный вид исторического источника), что нетипично для жалоб 1930-х годов. Общины верующих обязаны были

выделять одного уполномоченного из своего состава, когда нужно было представлять ее интересы в органах власти. Эти уполномоченные составляли письма, которые затем подписывали верующие.

Подавляющее большинство писем от тихоновских православных общин, но были заявления так же от еврейских, обновленческих, старообрядческих, баптистских и лютеранской общин. Более половины писем (55,3%) направлено в Запоблисполком, 19,2% во ВЦИК, остальные – местным хозяйственным органам, окружным и районным исполкомам. Документы свидетельствуют, что чем активнее община писала жалобы, тем больше шансов у нее было привлечь внимание к своей проблеме. Также продуктивнее разрешались вопросы по жалобам, неоднократно отправленным во ВЦИК, тем более, что закон «О религиозных объединениях» предусматривал прямое обращение в центральные органы власти, минуя цепочку провинциальных учреждений. Жалоба, поданная во ВЦИК, имела больше шансов на рассмотрение, нежели написанная в адрес прокурора области.

Содержание жалоб указывает на то, что общины писали сугубо о своих внутренних проблемах: просьбы открыть храм, потянуть со сроками оплаты налога или снизить суммы платежей, увеличить сроки производства ремонта, разрешить колокольный звон или молебны на дому для больных. И это несмотря на то, что помимо тягот содержания храма каждый из членов общины испытывал иные социальные и экономические трудности.

В целом на фоне активного крестьянского сопротивления коллективизации и раскулачиванию выступления в защиту религии и церкви были не столь массовыми и активными. Однако они способствовали существенной корректировке и смягчению антирелигиозной политики в 1931 году.

Заключение

Вероисповедная политика на рубеже 1920-1930-х годов включала в себя сразу несколько направлений: закрытие молитвенных зданий всех без исключения конфессий, устранение священнослужителей, изъятие церковных ценностей, налоговый гнёт на религиозные общины и другие. В совокупности с коллективизацией и раскулачиванием антирелигиозная борьба стала ещё одним ударом по традиционному деревенскому укладу.

Законодательные акты в области религии в конце 1920-х годов не соответствовали намеченным задачам сворачивания «религиозного нэпа». Требовалось новое законодательство, способное существенно ограничить деятельность религиозных общин. Его основу составило постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», опубликованное 8 апреля 1929 года.

По мере накопления административного опыта издавались уточняющие инструкции и циркуляры. Но на местах и они требовали бесконечных пояснений в тонкостях отношений органов власти с общинами верующих, о чем свидетельствует обширная административная переписка сельсоветов и районов с областного уровня учреждениями. Судя по документам комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и аналогичной комиссии при президиуме Запоблисполкома, юридические консультанты активно отвечали на запросы низовых работников о правомерности порой уже свершившихся действий (вплоть до обоснования закрытия храмов или ликвидации общины).

Курс на усиление антирелигиозной борьбы был провозглашен в 1929 году. До этого Церковь уже была лишена движимого и недвижимого имущества, которым ей разрешалось пользоваться только на правах аренды. С 1929 года у Церкви не осталось права на религиозную пропаганду, распространение веры, организацию частного обучения, богаделен, лечебниц и т.п. Ей позволялось только исполнение религиозных обрядов среди верующих, а на религиозные общины налагалось большое число договорных

и внедоговорных обязательств. На рубеже указанных десятилетий антирелигиозная кампания достигла своего пика.

При этом ни один официальный центральный или региональный документ не упоминает о масштабной антирелигиозной кампании, а некоторые акты, наоборот, предостерегают от придания действиям властей характера кампании. Тем не менее, устные установки представителей центральных органов власти, скопированные с них призывы провинциальных руководителей, новое законодательство и его восприятие на местах оформили вероисповедную политику в крупную антирелигиозную кампанию.

На местах основным методом ее реализации стал административный подход. Центральная власть указывала на религиозную и антисоветскую составляющие в деятельности церковников и призывала к административным мерам лишь в части «контрреволюционеров». При этом административное давление по отношению к религиозным организациям, не замеченным в антисоветских мероприятиях, объявлялось голым администрированием и осуждалось руководством страны. В реальности же религиозные организации все без исключения рассматривались в провинции как контрреволюционные, что неизбежно вело к перегибам и массовой ликвидации молитвенных зданий.

Антирелигиозная пропаганда была поставлена неумело и в значительной степени сводилась к кампанейщине: плановым митингам и лекциям в преддверии великих церковных праздников. Отчеты работников ОГПУ изобилуют сведениями о том, что население терпеливо «составляло явку» на подобные мероприятия, а после них отправлялось в местную церковь на праздничную службу.

Союз воинствующих безбожников, несмотря на значительное финансирование со стороны советских и общественных организаций, стабильно отличался неудовлетворительной работой и нехваткой кадров, что

также не способствовало развитию антирелигиозной пропаганды. Ликвидация церквей в полном соответствии с процедурой, предусмотренной законом: путем созыва череды собраний населения, голосований, оформления протоколов и актов, требовала колоссальных затрат энергии и времени. Отсюда также неизбежные нарушения, административный подход и перегибы.

Когда религиозной общине удавалось зарегистрироваться и получить в арендное пользование храм, она автоматически подпадала под существенное налоговое давление, которое ещё митрополит Сергий именовал «налогом на веру». По закону религиозные объединения получали церковь в бесплатное пользование и обязаны были оплачивать налог со строений, земельную ренту и оплачивать неокладное страхование здания от огня.

Мало того, общины верующих приравнивались к частным лицам, потому любые их договорные отношения облагались высоким налогом, начиная от покупки стройматериалов для ремонта, заканчивая ставками налоговых платежей, исчисляемыми, как с частных предприятий. Дополнительно, общине могли отказать в регистрации священника, потребовать произвести капитальный ремонт здания, что автоматически запрещало службы в храме, вело к его бездействию, а значит к закрытию.

Закрытые церкви редко переоборудовались под культурно-общественные нужды. Деньги на переоборудование храмов под школы или дома культуры должны были изыскивать сельские и районные советы, которым проще было превратить их в склады и хранилища в условиях нехватки помещений для колхозов. Церкви могли долгое время стоять бесхозными или разбираться до основания на стройматериалы. Переоборудование проводили, в основном, в районных центрах и городах.

В дополнение к ликвидации молитвенных зданий и налоговому нажиму на общины верующих проводилось масштабное изъятие колоколов с официальной целью – на нужды индустриализации. Однако регионы не

обладали необходимыми производственными мощностями для переработки полученного металлолома, и колокола, большей частью, лежали разбитые на площадях или распродавались. Одновременно с колоколами изымались чугунные ворота, полы, купольный цветной металл и др. После инвентаризации кладбищ в Западной области были сняты ограды с могил, признанных бесхозными, что означало их полную потерю и забвение.

Неразрывной была связь антирелигиозной кампании и коллективизации. Колхоз, создаваемый советской властью, изначально воспринимался как объединение безбожников. Колхозникам запрещалось входить в религиозные объединения, хотя ни в одном законодательном акте такого ограничения прописано не было. Перед вступлением в колхоз часто требовали сдать все иконы, хотя власти заявляли, что членство в колхозе ни как не означало одновременного отказа от религии. Борьба с иконами в полной мере демонстрировала не просто безрассудность, но и аморальность этой составляющей антирелигиозной кампании.

Поскольку политика коллективизации и раскулачивания и борьба с религией и церковью проводились в деревне одновременно, то и негативное отношение к ним по стороны сельского населения формировалось и проявлялось также одновременно. Соответственно, сопротивление коллективизации и раскулачиванию и сопротивление антирелигиозной политике шли бок о бок, в какие-то моменты, сливаясь в единое русло, когда-то отчетливо разъединяясь.

Всё зависело от конкретной ситуации, и чётко разграничить эти линии протеста до степени однозначности невозможно в силу специфичности архивных материалов, зачастую представляющих борьбу верующих и священнослужителей за свои храмы, как борьбу против коллективизации и раскулачивания. Это обстоятельство невозможно не учитывать при изучении условий формирования протестных действий деревни в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Сопротивление верующих антирелигиозной политике, как и сопротивление крестьянства коллективизации и раскулачиванию, проявлялось в активных и пассивных формах. Помимо сводок спецорганов, это подтверждают докладные записки уполномоченных по проведению коллективизации, которые направлялись в районы для оказания помощи в воплощении политических установок и сбора информации. Информация о фактах протеста среди верующих нашла отражение и в документах областной прокуратуры.

Сведенные в единую электронную базу и систематизированные, архивные материалы показали, что данные по 35 случаям активных выступлений верующих выпали, в основном, на начало 1930 года, и по округам распределялись следующим образом: Брянский – 42,9%, Клинцовский – 22,8%, Рославльский – 14,3%, Смоленский – 14,3%, Великолукский – 5,7%, – что подтверждает информацию из сводок ОГПУ о том, что наиболее пораженными округами являлись Брянский и Клинцовский.

В 11,4% случаев число участников протеста было менее 100 человек, в 17,1% выступлений – от 100 до 500, свыше 500 – 11, 4% от общего числа волнений. В 17,1% случаев количество бунтующих выражено словами «толпа», «толпа верующих» и т.п. В остальных ситуациях источники не содержат сведений о масштабах беспорядков.

Из видов активного сопротивления выделяются массовые выступления (волнения, демонстрации-митинги, «бабьи бунты»), террористические акты (физические и имущественные), деятельность контрреволюционных организаций и группировок и мелкое хулиганство (срыв собраний, устройство беспорядков, россыпь семфонда в церкви).

В электронной базе данных массовые волнения и демонстрации составили 62,9%, террористические акты (побои, угрозы представителям

местной власти) – 22,8%, случаи мелкого хулиганства (срыв собраний, беспорядки и другое) – 14,3%.

Женских по составу выступлений, так называемых «бабьих бунтов», зафиксировано 42,9%, и все они сводились к активным выступлениям, требованиям, иногда – избиениям.

Свидетельств активного сопротивления верующих антирелигиозной политике на территории области мало. Это в значительной степени объясняется тем, что к Западной области всегда было пристальное внимание в силу ее пограничного положения с целью выявления шпионов, контрреволюционеров, и их попыток свержения советской власти. Под особым надзором находились и сами священнослужители, и религиозные общины.

Называемые в сводках «поповские контрреволюционные группировки» зачастую создавались лишь на бумаге, им приписывались шаблонные задачи и методы работы, а стихийные бунты или случайные реплики в разговорах выдавались за спланированные действия контрреволюционеров и их организаций.

Особое внимание в регионе было приковано к сектантским общинам и общинам национальных меньшинств, сохранившим религиозное воспитание и образование, получавшим материальную поддержку из-за границы и осуществлявшим эмиграцию членов своих общин на родину. По этим основаниям Западная область относилась к наиболее пораженным контрреволюционными проявлениями на религиозной основе регионам страны.

Нет оснований отрицать активное участие верующих и священнослужителей в контрреволюционных группировках, также как и нет оснований слепо верить следственным материалам и сводкам. В любой ситуации было место фанатикам, клерикалам и отчаявшимся верующим.

При изучении центральных законодательных актов и анализе с помощью электронной базы данных местных архивных документов становится ясно, что непосредственные исполнители законов следовали не прописанным нормам, а общим установкам на борьбу с религией, исходя из собственных взглядов и подходов к этой борьбе. В масштабах Западной области нет оснований говорить о вооруженной борьбе по религиозным мотивам, максимум – о бытовых конфликтах, заканчивавшихся физической расправой. Однако в исследуемый нами период такие конфликты квалифицировались как террористические акты, что искажало действительность, придавая ей контрреволюционный окрас.

Далеко не каждое религиозное общество ввязывалось в борьбу за свою церковь – кто-то слепо верил, что здание храма в данное время может принести пользу для культурно-общественных целей, кто-то был запуган, кто-то не имел времени и средств на хождения по инстанциям и т.п.

Единого организованного движения сопротивления антирелигиозной политике в том виде, в котором его представляли спецорганы, как контрреволюцию, войну против государства, в регионе не было. Но в большинстве случаев верующее население не могло спокойно воспринимать откровенное богохульство и надругательства, происходившие по отношению к храмам, священнослужителям, их чувствам.

Нет оснований также говорить, что сопротивление антирелигиозной политике было компонентом сопротивления коллективизации. В разного типа архивных документах (докладных записках уполномоченных по проведению коллективизации, отчетах ОГПУ и прокуратуры) сообщения о волнениях верующих объясняются, в большинстве своем, только религиозными причинами и касаются таких насущных проблем конкретной местности, как закрытие храма, налоги религиозной общины, арест священника и др. Хотя, вызванные стихийно, массовые выступления

верующих сопровождались и выражением общего недовольства новыми порядками и социально-экономическими переменами.

В ряде ситуаций массовых выступлений верующих Западной области можно было бы избежать при более продуманной и деликатной тактике местных властей, но их действия часто исключали какую-либо тактику и носили не менее спонтанный характер, нежели, например, «бабьи бунты».

К пассивному крестьянскому сопротивлению антирелигиозной политике относятся неподдающиеся подсчету и возможности установки конкретного факта слухи, оплакивания (имеется в виду спонтанная реакция, чаще всего женщин, на закрытие храмов или иные действия властей антирелигиозного характера, зафиксированная в отчетах и сводках, как факт протестного поведения), листовки и т.п.

Особое внимание уделялось религиозной агитации, запрет на которую был в 1929 году закреплен в Конституции РСФСР. Потому религиозная агитация неизбежно попадала в разряд пассивного сопротивления. Выделялась агитация контрреволюционных группировок и организаций, агитация священников, несанкционированные собрания на религиозную тематику (в которых каждый из ораторов автоматически зачислялся в агитаторы), разговоры о недовольстве вероисповедной политикой и т.д.

Самым массовым видом пассивного сопротивления верующих стали жалобы. Детальному изучению подвергся корпус жалоб, сохранившийся в делах комиссии по вопросам культов при президиуме Западного областного исполнительного комитета.

318 выявленных жалоб обобщены по 10 проблемам: просьбы открыть приходской храм или предотвратить закрытие такового (34,3%), финансовые проблемы религиозного объединения (20,4%), жалобы на отказ в регистрации общины или священника (8,2%), неправомерное изъятие церковных сторожек (5,7%), волокита в решении вопросов общин в

государственных органах (5,3%), просьбы закрыть храм (0,9%), запросы на разрешение проведения крестных ходов и молебнов по домам на великие праздники (7%), административные проблемы ремонта молитвенных зданий (4%), приостановку служб и закрытие храмов якобы из-за эпидемий (3,5%), а также письма на различные тематики, не отличающиеся частотой повторения (9,1%).

Подавляющее большинство жалоб имеют коллективный характер (89,6%), что выделяет письма религиозных общин из общего массива жалоб начала 1930-х годов, когда, наоборот, преобладали индивидуальные заявления.

Анализ данного вида источников показывает, что проблемы, о которых пишут верующие, являются сугубо внутренними вопросами религиозных общин. Письма провинциальных общин верующих были мощным источником информации для областного и столичного руководства, выявляли точечные региональные проблемы.

Пассивный протест, как в Западной области, так и во всей стране был наиболее распространенной формой сопротивления верующих и являлся пассивным лишь потому, что был лишен истерии и накала, сопровождавшего массовые волнения. Также, такие виды пассивного протеста, как агитация и жалобы, носили более обдуманный характер и протекали во времени значительно дольше, нежели бунты и теракты.

В свою очередь, в ситуациях, требующих немедленного реагирования, например, несанкционированное закрытие храма или снятие колоколов, верующие и сочувствующие им прибегали к активному протесту, как единственно верному, в данный момент, способу защиты своих прав и традиций.

Но, несмотря на всё это, нет оснований говорить о проявлениях «крестьянской войны» верующих на почве закрытия церквей и снятия

колоколов, т.к., судя по показателям в сводках ОГПУ, волнения верующих хоть и занимали вторую строчку после волнений на почве коллективизации и раскулачивания, но в процентном соотношении сильно уступали таковым.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва):

Ф. 5263 – Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК

Бюллетень НКВД РСФСР

Бюллетень НКФ РСФСР

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва):

Ф. 17 – ЦК КПСС

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО, г. Смоленск):

Ф. 3 – Смоленский губернский комитет ВКП(б)

Ф. 5 – Западный областной комитет ВКП(б)

Ф. 126 – Вяземский окружной комитет ВКП(б)

Ф. 144 – Смоленский и Ярцевский окружкомы ВКП(б)

Ф. 174 – Рославльский окружком ВКП(б)

Ф. 37 – Вяземский райком ВКП(б)

Государственный архив Смоленской области (ГАСО, г. Смоленск):

Ф. 13 – Смоленский губернский исполком

Ф. 2360 – Западный областной исполнительный комитет

Ф. 2361 – Смоленский областной исполнительный комитет

Ф. 2683 – Западная областная прокуратура

Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО, г. Брянск):

Ф. 12 – Брянский окружком ВКП(б)

Ф. 13 – Клинцовский окружной комитет ВКП(б) Западной области

Центральные периодические издания:

«Известия»

«Крестьянская газета»

«Труд»

газеты и журналы «Антирелигиозник», «Безбожник»

Периодические издания Западной области:

«Рабочий путь»

«Партиец»

«Западная область»

Опубликованные источники

1. Брагин В.И. Так погибали Бежецкие церкви: Книга-покаяние. – СПб: Общество памяти игумении Таисии, 2008. – 784 с.
2. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг. /Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 525 с.
3. Долгоруков П.Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916-1926. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 367 с.
4. Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922-декабрь 1936. – М.: МФД, 2003. – 910 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О религии. – М.: Политиздат, 1983. – 368 с.
6. Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и

действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. – М.: Издательство «Безбожник», 1930. (Gregg international publishers limited, 1971). – 223 с.

7. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991): материалы и документы по истории отношений между государством и церковью, сост. Герд Штриккер. Кн.1. – М.: Пропилеи, 1995. – 399 с.
8. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
9. «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.7: 1929 г. – М: Наука, 2004. – 767 с.
10. «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930 г. Ч.1. – М.: Наука, 2008. – 863 с.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.8: 1930. Ч.2. – М.: Наука, 2008. – С.865-1735.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.2. 1923-1929. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1168 с.
13. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.3. 1930-1934. Кн.1. 1930-1931 гг. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 864 с.
14. Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 (под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы). – М.: РОССПЭН, 2000. – 927 с.
16. «Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1928-1937 гг.): Сб. документов и материалов. Сост. Н.Е. Глущенко, М.М.

Кудюкина, Н.А. Ивницкий и др. – М.: Собрание, 2007. – 638 с.

17. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. Т.2. 1928-1929 гг. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 328 с.
18. Чернышов А.В. Черные дни русского православия (документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917-1965 гг.). – Тюмень, 1992. – 215 с.

Литература

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
2. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? (Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР). – М.: Россия молодая, 1992. – 304 с.
3. Арсеньев Н.С. Большевизм и религия. // Ильин И.А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть 3. Аналитические записки и публицистика (1928-1941). – М.: Русская книга, 2001. – С.7-32.
4. Ахмедов Р.М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование. – Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2002. – 117 с.
5. Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917-1941). – Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного технического университета, 2002. – 199 с.
6. Беликова Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). – Краснодар, 2004. – 162 с.
7. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. – М.: Аграф, 2001. – 432 с.
8. Беспарточный Б.Д., Ильина З.Д., Карнасевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД. – Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 1999. – 245 с.
9. Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920-1930-х гг. Характер отношений на местах. – Ростов н/Д.: Издательство НМЦ

«Логос», 2012. – 218 с.

10. Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. – Москва, 2011. – 315 с.
11. Вербицкая О.М. Крестьянская семья в 20-50-е годы. // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. научных трудов. – М., 1994. – С.115-131.
12. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. – М.: Наука, 1992. – 224 с.
13. Верт Николя. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. – М.: РОССПЭН, 2010. – 447 с.
14. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: РОССПЭН, 2010. – 367 с.
15. Воробьев В. (протоиерей). Особенности документов следственных дел 20-40-х годов. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: материалы. – М.: ПСТБИ, 1997. – С.163-166.
16. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. Отв. ред. А.К.Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с.
17. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М.: РОССПЭН, 2008. – 136 с.
18. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
19. Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. – Уфа: Китап, 1993. – 156 с.
20. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1977. – 319 с.
21. Джеффри Хоскинг. История Советского Союза 1917-1991. – М.: Вагриус, 1995. – 510 с.
22. Доржиев Д.Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920-1930-х гг. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского ГУ, 1996. – 180 с.

23. Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную церковь в XX веке. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: материалы. – М.: ПСТБИ, 1997. – С. 166-169.
24. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
25. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
26. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. – М.: Кучково поле, 2013. – 320 с.
27. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. – М.: Наука, 2006. – 318 с.
28. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с.
29. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М.: Интерпракс, 1994. – 272 с.
30. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). – Москва, ИРИ РАН – Университет г. Торонто (Канада), 2000. – 350 с.
31. Историография сталинизма: сб. ст. под ред. Н.А. Симония. – М.: РОССПЭН, 2007. – 480 с.
32. Каиль М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии). // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 1(9). – С.205-218.
33. Каиль М.В. Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х годов: (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине). – Смоленск: СмолГУ, 2008. – 251 с.

34. Каиль М.В. Власть и православные верующие в российской провинции 1918 – первой половины 1930-х гг.: контуры взаимоотношений. // Клио. – 2010. – № 4 (51). – С.58-64.
35. Каиль М.В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918-1920-х гг. // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С.59-67.
36. Каиль М.В. История обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике. // Отечественные архивы. – 2010. – №4. – С.57-65.
37. Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. – М.: Издательство Ипполитова, 2010. – 372 с.
38. Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20-30-х гг. – СПб: Издательство СпбГТУ, 1997. – 45 с.
39. Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и РПЦ. 1917-1945 гг. – СПб, 1995. – 147 с.
40. Кашеваров А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома». // Из истории России: Сб. ст. Вып. 1. – СПб: Изд-во СПбГПУ, 2003. – С.139-150.
41. Кириченко О.В. Православное женское монашество в советское время. // Вопросы истории. – №1. – 2001. – С.101-114.
42. Климин И.И. Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1928-1929). – СПб: ВВМ, 2010. – 400 с.
43. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2011. – 270 с.
44. Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. – Смоленск: СГПУ, 1998. – 286 с.
45. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000. – 207 с.
46. Константинов Д.В. (протоиерей). Гонимая Церковь: русская Православная

Церковь в СССР. – М.: Ассоциация авторов и издателей, 1999. – 360 с.

47. Константинов Д.В. (протоиерей). Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР. – Мюнхен, 1956. – 78 с.
48. Косик О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
49. Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). – СПб: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2005. – 624 с.
50. Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г. Адвентисты седьмого дня в условиях советской действительности (1917-й – конец 1920-х годов). // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб, 2004. – С.199-206.
51. Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). – Волгоград: Перемена, 1997. – 367 с.
52. Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). // Исторические записки. – Вып. 8 (126). – М.: Наука, 2005. – С.115-151.
53. Крапивин М.Ю. Старообрядцы в период массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х годов. // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб, 2006. – С.283-289.
54. Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). – Волгоград: Перемена, 1993. – 100 с.
55. Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917-конец 1930-х годов). – СПб: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2003. – 308 с.
56. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). –

М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.
57. Лютов Л.Н. Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. // Вопросы истории. – №3. – 2015. – С.78-90.
58. Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. – 382 с.
59. Макаров Ю.Н. Секуляризованные формы политической религии: парадоксы советского безбожия (1920-1930 гг.) // История и историки в контексте времени: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Черкасов. – Вып.3. – Краснодар; Сочи: Кубанский гос. ун-т, 2005. – С.30-54.
60. Макаров Ю.Н. Ускорение процесса атеизации советского общества в условиях окончания НЭПа (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // История и историки в контексте времени: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Черкасов. Вып. 4. – Краснодар; Сочи: Кубанский гос. ун-т, 2006. – С.50-70.
61. Малиа Мартин. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – 584 с.
62. Маннинг Т. Роберта. Бельский район, 1937 год. – Смоленск: СГПУ, 1998. – 127 с.
63. Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки. Отв. ред. Н.В. Синицына. – М.: Наука, 2005. – 346 с.
64. Население России в XX веке. В 3 тт. Т.1. 1900-1939. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.
65. Нерар Франсуа-Ксавье. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928-1941). – М.: РОССПЭН, 2011. – 401 с.
66. Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. – М.: Луч, 1994. – 171 с.
67. Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. – М.: Мысль, 1990. – 190 с.
68. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

69. Рыбаков П.А. Коллективизация в Московской области в восприятии крестьянства. // Вопросы истории. – 2013. – №8. – С.82-88.
70. Судьбы российского крестьянства. – М.: РГГУ, 1996. – 623 с.
71. Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20-30-х годов. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
72. Урбанович Г. (протоиерей). Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е годы XX века (по материалам смоленских архивов). – Смоленск, 2012. – 240 с.
73. Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. – М.: ПСТГУ, 2014. – 474 с.
74. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: РОССПЭН, 2008. – 422 с.
75. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. – 305 с.
76. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010. – 478 с.
77. Хон Вун Хо. Репрессивная политика и реакция населения в советской деревне (1927-1929 гг.). – М.: Макс Пресс, 2004. – 204 с.
78. Хрусталёв М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918-1930-х годах (на материалах Новгородской епархии). – Череповец: Филиал Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета в г. Череповце. 2008. – 178 с.
79. Цыпин В.А. (протоиерей). Русская православная церковь: 1925-1938. – М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. – 430 с.
80. Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений. (1917-1940 гг.). – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. – 162 с.
81. Шимон И.Я. …Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920-1930-е годы). – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2002. – 159 с.

82. Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925-1931 гг.). – СПб: Дмитрий Буланин, 1999. – 285 с.

Диссертации

1. Бакшеева Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви на Дальнем Востоке России: Октябрь 1922-июнь 1941 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Хабаровск, 2004. – 205 с.
2. Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918-1941 годах: диссертация ... кандидата исторических наук. – Петрозаводск, 2006. – 269 с.
3. Беглов А.Л. Церковное подполье 1920-1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: диссертация ... кандидата исторических наук. – Москва, 2004. – 249 с.
4. Богомолов А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития: дисс. …канд. юр. наук. – СПб, 2004. – 162 с.
5. Борисова В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг.: на материалах Зауралья: диссертация ... кандидата исторических наук. – Нижневартовск, 2012. – 223 с.
6. Гайлит О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х в 1930-е гг.: На материалах Западной Сибири: диссертация ... кандидата исторических наук. – Омск, 2002. – 191 с.
7. Далгатов А.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: Октябрь 1917-го-конец 1930-х годов: диссертация ... доктора исторических наук. – СПб, 2004. – 643 с.
8. Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20-30-е годы: дисс. …канд. ист. наук. – Москва, 1997. – 248 с.
9. Каплин П.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и

государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: На материалах Урала: диссертация ... кандидата исторических наук. – Екатеринбург, 2006. – 273 с.

10. Карманова Г.Н. Государственная политика в отношении христианских конфессий в СССР в 1929 – первой половине 1931 гг.: дисс. …канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 224 с.
11. Кобец О.В. Сопротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928-1933 гг.: дисс. … канд. ист. наук. – Брянск, 2006. – 244 с.
12. Кочетова А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929-1934 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Москва, 2012. – 208 с.
13. Куприянова И.В. Старообрядческие общины Алтая в отношениях с государством: Начало 1920-х - конец 1930-х гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Барнаул, 2005. – 208 с.
14. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917-1938): дисс. …канд. ист. наук. – Саратов, 1997. – 343 с.
15. Маленков В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России: 1917-1937 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Южно-Сахалинск, 2004. – 212 с.
16. Малюкова Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918-1937 гг.: на примере Пензенского края: диссертация ... кандидата исторических наук. – Пенза, 2010. – 196 с.
17. Мезенцев Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917-1940 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Горно-Алтайск, 2003. – 209 с.
18. Миннулин И.Р. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Казань, 2003. – 218 с.
19. Паламарчук А.В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири: 1920-1930-е годы: дисс. …канд. ист. наук. – Иркутск, 2002. – 369 с.

20. Петюкова О.Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е годы (по материалам губерний Центральной России): дисс. …канд. ист. наук. – Москва, 1997. – 178 с.
21. Пущанский В.В. Правовое регулирование функционирования Русской Православной Церкви в России в XX веке: историко-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридических наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 178 с.
22. Сердюкова Н.В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа: диссертация ... кандидата исторических наук. – Москва, 2006. – 172 с.
23. Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929 - 1931 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Брянск, 2010. – 227 с.